АННАБЕЛА БЮКАР, РАЛЬФ ПАРКЕР. ПОДЛОСТЬ СОЮЗНИКОВ. КАК ЗАПАД ПРЕДАВАЛ СТАЛИНА

Москва, 2011

Аннабела Бюкар являлась сотрудницей Госдепартамента США и одновременно работником американской стратегической разведки; Ральф Паркер - английский журналист и политолог. В книге А. Бюкар и Р. Паркера рассказывается об активной подрывной и разведывательной деятельности западных стран против сталинского СССР во второй половине 1940-х гг.

Нити этого заговора стали плестись ещё в последние месяцы войны.

Как пишет Р. Паркер, «в то время, когда советский воин показывал чудеса храбрости, верности, кристальной чистоты и умения воевать... в это время на Западе, в военных и дипломатических кругах уже плелась сеть тайного заговора против героического и самоотверженного русского народа».

Как свидетельствуют авторы, сотрудники американского и других западных посольств в Москве собирали секретную информацию о советской армии, промышленности и науке, вели широкую агентурную работу, вербовали предателей в среде советских людей для выполнения особых, в т.ч. идеологических и диверсионных заданий, руководства США и западноевропейских стран.

Книга содержит множество фактов подобной деятельности, которые А. Бюкар и Р. Паркеру удалось собрать, пользуясь своими связями на Западе и служебным положением.

РАЛЬФ ПАРКЕР. ПОДЛОСТЬ СОЮЗНИКОВ

(Из книги «Заговор против мира»)

Вместо предисловия

Безоблачное ясное небо простиралось над Москвой в День Победы. Толпы народа, стягиваясь к центру города, заполнили Красную площадь, переходя из ослепительного солнечного сияния в длинную тень Кремлёвских башен. Оттуда они расходились по Манежной площади, по Александровскому саду, где лучи заходящего солнца, просеиваясь сквозь нежно-зелёную листву, бледной сеткой ложились на дорожки. Затем толпы народа шли дальше по улице Горького, растекаясь по площадям и магистралям советской столицы.

Стоя на Красной площади в этот майский день, после того как отгремел салют в честь победы, я чувствовал себя, как человек на берегу громадного и глубокого моря, воды которого, наконец, успокоились после сильной бури. Миллионы людей ждали этой минуты. Молчаливые часовые на скалистом острове Рыбачьем, солдаты, отдыхавшие после боя среди колокольчиков, клевера, полевой гвоздики - всех этих скромных цветов русских степей, женщины, измученные одиночеством и тяжёлой работой, девушки с заколотыми вокруг головы косичками, которым так хотелось сменить жёсткую солдатскую форму на лёгкое весеннее платье, крестьяне, жадно вдыхавшие запах родных полей, - все эти миллионы людей мечтали о мирном труде, который пришёл в страну с наступлением победы.

- Мы победили! - неслось из края в край огромной Советской страны. И эти слова не были пустой похвальбой в час триумфа. Их произносили те, кто шёл в бой с верой в правоту своего дела. Сколько было дней мучительных тревог, сколько высот взято штурмом, сколько пройдено оврагов и дорог, разминированных с опасностью для жизни, сколько провезено транспортов под градом бомб, сколько миль русской, польской, балканской, немецкой земли пройдено с первого и до последнего часа войны! Победа была завоёвана ценой огромных жертв, ценой крови и страданий советского народа. Здесь, на Красной площади, в День Победы я думал о той безмерной благодарности, которую должно принести человечество Советскому Союзу за спасение мира от гитлеризма.

Теперь, когда победа и мир были уже завоёваны, люди больше стали думать о будущем.

Я подошёл к студентам, стоявшим вокруг памятника Ломоносову перед Московским университетом. Из тех, кто ликовал в этот день, они, быть может, радовались больше всех, живо ощущая, что победа вернула им светлые перспективы мирного труда и творческих исканий.

Они теснились вокруг своих учителей, весело и в то же время серьёзно расспрашивая их о будущем.

Эта молодёжь чувствовала прилив бурной радости при мысли о будущем, ещё вчера бывшем таким далёким и омрачённым трагедией войны.

* * *

Пробираясь через толпы москвичей, я дошёл до американского посольства. У закрытого окна стояла высокая фигура Джорджа Ф. Кеннана, советника посольства Соединённых Штатов в Москве. Он молча наблюдал за толпой, встав так, чтобы его не было видно снизу. Шум на улице стал несколько слабее, перейдя в глухой перекатывающийся гул.

Я заметил на лице Кеннана, наблюдавшего эту волнующую сцену, странно-недовольное и раздражённое выражение. Потом, бросив последний взгляд на толпу, он отошёл от окна, сказав злобно: - Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она ещё только начинается.

Перед уходом из посольства я заметил, что вместо портрета Рузвельта - его голова со сверкающей улыбкой господствовала прежде над комнатой - на стене висел портрет Трумэна.

В тот день я не обратил должного внимания на слова Кеннана, зато часто вспоминал их потом. Дипломаты имеют обыкновение скрывать свои подлинные мысли. Но в тот раз Кеннан выразил своё подлинное убеждение. Что он был не одинок в своих взглядах, я начал понимать уже несколькими месяцами позже,

когда вернулся в Англию.

Английский народ, руководствуясь чувством искренней дружбы с советским народом, голосовал за ту партию, в программу которой входило сотрудничество с Советским Союзом. Осенью 1945 года народ Англии ещё не осознал, что политика Эрнеста Бевина есть не что иное, как продолжение старой антисоветской политики Черчилля, стремившегося «ограничить коммунизм» кольцом враждебных государств, соседствующих с Советским Союзом. Этой политикой, как известно, руководствовался Черчилль в своих попытках задержать второй фронт и перенести его на Балканы, считая, что лучше затянуть войну, чем видеть распространение влияния Советов. Первая атомная бомба, сброшенная над Хиросимой за два дня до того, как Советский Союз вступил в войну с Японией, была, по словам английского профессора Блэкетта, «не столько последней операцией Второй мировой войны, сколько первой операцией холодной, дипломатической войны с Россией».

В 1945 году английский народ ещё верил, что вновь избранное лейбористское правительство положит конец этой позорной политике.

Но в официальных кругах Лондона не питали таких иллюзий. Форейн Офис и те газеты, которые послушно отражали его взгляды, какое бы правительство ни стояло у власти, стремились, главным образом, уничтожить широкую популярность Советского Союза среди английских рабочих. Никакими средствами, даже самыми сомнительными, не брезговали для того, чтобы дискредитировать Советский Союз и его армию. Самый незначительный инцидент раздувался и широко разглашался по радио британской радиокорпорацией. Вновь были вынуты из дипломатических сундуков всякого рода пронафталиненные «знатоки России», изощрявшиеся в клевете на Советский Союз ещё до Второй мировой войны.

Однако в те дни лейбористские члены парламента ещё заигрывали с избирателями, пытаясь использовать для своей выгоды симпатии английского народа к Советскому Союзу. Время, когда лейбористское руководство стало исключать из своей партии людей только за то, что те говорили и

действовали в соответствии с предвыборными обещаниями, когда для рядовых лейбористов стало вдесятеро опаснее участвовать в работе Конгресса в защиту мира, чем поддерживать черчиллевское движение «Объединённой Европы», ставящее своей целью отдать Европу Соединённым Штатам,-время для всего этого пришло позже.

Оно началось, когда Черчилль в Фултоне (Миссури, США) повторил мерзкую фразу Геббельса о «железном занавесе» и в присутствии президента Трумэна призвал к созданию англо-американского антисоветского блока.

Эта речь, как известно, не вызвала ни одного протестующего голоса в официальных кругах Англии.

Позиция Великобритании по отношению к Америке в «войне, которая только начинается», ещё более определилась, когда 4 апреля 1949 года Бевин приехал в Вашингтон для подписания Северо-атлантического пакта.

Таким образом, по выражению прогрессивной американской писательницы Джессики Смит, правительства США и Англии подписали военный договор против своего главного союзника во Второй мировой войне прежде, чем они подписали мирный договор с главным противником в этой войне.

* * *

Таковы главные события последних лет, заставившие меня вспомнить слова американского дипломата Кеннана, сказанные им в день, когда советский народ праздновал победу.

«Война ещё только начинается...» У этой «холодной войны» (даже терминология и та американского производства!) уже имеются жертвы. Я имею в виду не Джеймса Форрестола, который хотел запугать весь мир, а вместо этого сам сошёл с ума от страха. Я говорю о трудящихся массах Запада, которым приходится расплачиваться за военные планы своих правительств, и в первую очередь о народе моей родной страны - Англии, который так и не дождался обещанного ему облегчения жизни.

На плечи английских рабочих, на плечи населения переуплотненных индустриальных районов ляжет вся тяжесть страданий, если Британские острова станут Мальтой будущей войны в соответствии с планами американских атомных стратегов.

Свои агрессивные замыслы англо-американские творцы Атлантического пакта пытаются «оправдать» умышленно созданным мифом об опасности советской агрессии. Как журналист, около восьми лет проведший в Советском Союзе, я считаю своим долгом перед родиной противопоставить злобным измышлениям поджигателей войны мои собственные наблюдения. Английский народ должен знать правду о тех в Англии, кто предаёт дело мира и интересы народа моей страны.

Предательство в Мюнхене

Я попал впервые в страны Восточной Европы в качестве иностранного корреспондента в мае 1934 года.

Даже столь неопытному наблюдателю, как я, не мог не броситься в глаза резкий контраст между богатством и нищетой в этих странах.

Когда я теперь вспоминаю своё довоенное пребывание в этих местах, бывших ареной ожесточённых раздоров, передо мной вновь возникают эти яркие картины контраста. Ошеломляющая роскошь будапештских купален Геллерта встаёт рядом с одетыми в лохмотья жителями городских окраин; семейное торжество в богатом имении близ Тиссы вспоминается мне всегда одновременно с убогими жилищами безземельных крестьян.

Я помню всю пышность Эстергомского собора, резиденции венгерских кардиналов на высоком берегу Дуная, и помню пощёчину, которой мой гостеприимный хозяин, папский камергер, наградил слугу, уронившего вилку.

Мне вспоминается Венгрия, изобилующая продовольствием, и Венгрия голодающая; Чехословакия, экспортирующая во все концы света товары широкого потребления, и полтора миллиона безработных чехов. Мне вспоминается прелестная усадьба, с цветущим садом, где жили английские управляющие Трепчанских рудников в Сербии, и измождённые лица измученных малярией рабочих, только что кончивших смену. Я помню вызывающую роскошь и безумную расточительность и помню дух угрюмого недовольства, которым, казалось, был пропитан самый воздух в рабочих кварталах Уйпешта, Панкраца и Винер-Нейштадта.

Правительства юго-восточных европейских государств, превращённых под англо-французским влиянием в форпосты против большевизма, продолжали держаться весьма холодно по отношению к Советскому Союзу, даже когда всем уже стало ясно, что нельзя рассчитывать на помощь ни Франции, ни Англии. Когда наиболее трезвые государственные деятели, видя растущую германскую опасность, встали на путь переговоров с Москвой, господствующий класс делал всё возможное, чтобы сорвать эти переговоры. Применялись всякие меры, чтобы скрыть от рабочего класса правду о Советском Союзе, из боязни, как бы народные требования подлинного союза с Россией не привели к необходимости изменения политического курса.

Разъезжая по странам, граничащим с Советским Союзом, народы которых всегда относились к России с горячей симпатией, я встречал там у правящих кругов почти такое же предубеждение, как и в Англии. Католическая церковь в Словакии и униатская в Закарпатской Украине проповедовали ярую нетерпимость по отношению к Советскому Союзу.

* * *

В 1937 году, когда шла битва за Мадрид, я слышал отголоски этой битвы в промышленных пригородах Вены, на митингах в Братиславе, в деревушках Моравии и даже в мирном провинциальном городке Южной Англии, где я проводил свой отпуск. И везде испанская война неизбежно вызывала обострение классовых противоречий.

В интернациональные бригады записывались те, кто уже прошёл школу борьбы за интересы рабочего класса на политической арене своей страны.

В старом английском городке, дремлющем под стенами готического замка в Сассексе, мало кто имел возможность изо дня в день следить за ходом испанских событий, но рабочие этого района Англии применяли испанские уроки в своих условиях.

В этом мирном городке узнали, что пилот английского самолёта, который взялся доставить Франко с Канарских островов в Испанское Марокко и тем помог ему совершить нападение на молодую Испанскую республику, принадлежал к местному дворянству. В тот вечер шло очередное собрание местного кооперативного общества, созванное по какому-то пустяковому поводу, касавшемуся лавочки на базарной площади. Присутствовало на собрании человек десять-двенадцать: старая миссис Эллиот, которая никогда не читала газет и все интересы которой до этого времени были сосредоточены на её фруктовых деревьях и здоровье её многочисленных внуков; два или три железнодорожника, твёрдо придерживавшиеся лейбористских взглядов и исправно посещавшие все собрания своей низовой организации; интеллигентная чета, живущая не по средствам и поэтому не вылезающая из долгов, да кучка домашних хозяек из числа любительниц посудачить у водопроводной колонки.

Но в этот вечер собрание приняло неожиданно оживлённый характер. Битва за Мадрид переместилась в Сассекс. Говорили о притеснениях, мелких и крупных, которые приходилось терпеть от помещика, жаловались на местные власти, на плохое состояние школы и больницы. И все пришли в боевое настроение. Все поняли, что борьба испанского народа - это их борьба и что лётчик, доставивший Франко к его африканскому трамплину, - их враг.

Шесть лет спустя над городком Сассекс появился другой лётчик. Он шёл с моря на бреющем полёте и сбросил груз бомб, которые уничтожили школьное здание. Около сорока детей

было убито, в том числе один из внуков миссис Эллиот.

* * *

Чехословацкий кризис 1938 года не нашёл в Англии столь непосредственного отклика, как война в Испании.

Общественное мнение было введено в заблуждение английским правительством. Агенты этого правительства в Праге знали, что патриотические чувства большинства чехов оскорблены мыслью о капитуляции перед Гитлером, но они знали и то, что те, кто представляет могущественное влияние банков и тяжёлой промышленности, ставят на первый план свои личные интересы и готовы согласиться с потерей национальной независимости.

В конце концов правительству Чемберлена не составило особого труда убедить английский народ, что чехи вполне сочувственно относятся к политике умиротворения Гитлера.

Наиболее важным фактором, определявшим отношение широких кругов англичан к чехословацким событиям 1938 года, явилась лживая пропаганда, которая непрерывно велась в Англии в отношении Советского Союза. Попустительство большинства правящего класса по отношению к германскому фашизму сопровождалось усилением кампании, целью которой было скрыть от масс действительную мощь Советского Союза. Я в то время работал в Англии и видел, что неосведомлённость народа относительно истинного положения вещей используется точно так же, как она много лет использовалась в Восточной Европе и на Балканах для того, чтобы раздуть представление о могуществе местных реакционных правительств.

Одни из организаторов этой кампании были простонапросто глупцами, ослеплёнными классовыми предрассудками и охотно принимавшими на веру донесения военных атташе английских посольств в Европе, которые утверждали, что Красная Армия слаба и что Россия - четверторазрядная военная держава.

Другие не разделяли этого мнения, однако и они допустили

просчёт, полагая, что Россия хоть и угрожающе сильна, но всё же менее сильна, чем Германия. Впрочем, обе эти группы сходились в общем стремлении скрыть от английского народа правду о Советском Союзе и о его дружеском отношении к Чехословакии.

Нельзя сказать, что это им удалось полностью. Я помню, как живо реагировали англичане на передовую статью, появившуюся в известной английской газете «Дейли миррор» после того, как было подписано Мюнхенское соглашение.

«Что же Россия? Полное молчание. Неужели мы обходим эту могущественную страну, поддержкой которой мы так дорожили всего лишь двадцать четыре часа назад?» - спрашивала газета.

* * *

В те дни у меня произошла встреча с одним стариком-англичанином, который со всё возрастающей тревогой следил из своего загородного дома за развитием англо-советских отношений. Ему часто приходилось бывать в царской России. В отличие от большинства англичан, имевших связи с дореволюционной Россией, он продолжал без всякого предубеждения интересоваться жизнью Советской России.

«Я вижу, - сказал он, - что у нас не гнушаются никакими способами подтасовки и фальсификации, когда дело касается этой страны. Если достижения Советов настолько очевидны, что отрицать их нельзя, тогда наша печать старается их высмеять и преподнести публике только жалкую пародию на истину. Когда в чём-нибудь проявляется сила Советского Союза, сейчас же находятся люди, которые изображают это в виде опасности; а чуть покажется им какой-нибудь признак слабости - они спешат сделать идиотский вывод о близком крушении советской власти.

У вас, как у журналиста-газетчика, есть долг перед вашей родиной. Поезжайте в Россию. Познайте эту страну. Не верьте, что Россия какая-то «terra incognita», книга за семью печатями, «великая загадка». Всё это лишь фразы, рассчитанные на

одурачивание людей. Вы увидите, что эта великая страна с её великодушным народом и выдающимися руководителями, не таясь, раскрывается перед вашими глазами - если только эти глаза не затуманены страхом или ненавистью.

Вы видели, что произошло в Мюнхене. Это результат незнания истинных сил России. Неужели вы думаете, что если бы наши люди хоть сколько-нибудь представляли себе действительные силы и намерения Советского Союза, они стали бы приветствовать зловещего джентльмена с зонтиком (Чемберлена. - Авт.), когда он вернулся с арены этой позорной капитуляции».

* * *

Выяснилось, что Англия вела чрезвычайно деятельную политику в период подготовки мюнхенской капитуляции, хотя апологеты этой политики и старались всячески уверить публику, что страна была бессильна противостоять требованиям Гитлера. Деятельность английского посла в Берлине сэра Невиля Гендерсона была, главным образом, направлена к тому, чтобы помочь Гитлеру достигнуть в Чехословакии намеченных целей. В журналистских кругах Лондона в роковое лето 1938 года ни для кого не было секретом, что сэр Невиль Гендерсон усиленно внушал своему министру иностранных дел лорду Галифаксу мнение, что гегемония Германии к востоку от Рейна - совершившийся факт, что «Центральной и Восточной Европе придётся плясать под дудку Гитлера».

«Я всегда был убеждён, что Австрия должна стать частью Германии, - писал он после аншлюса в марте 1938 года. - С Австрией теперь покончено... Но остаётся ещё родственная проблема судетских немцев, а затем Данциг, урегулирование вопроса с Польшей и Мемель».

От своих чешских друзей в Лондоне я слышал, что английское правительство оказывало сильный нажим на Чехословакию, побуждая её идти на все уступки в переговорах с судетско-немецким национальным меньшинством, хотя в Лондоне имелись достоверные сведения о том, что действующие по

указке Гитлера судетские немцы будут непременно добиваться полного присоединения к рейху.

Спустя месяц после падения Австрии чехословацкая миссия в Лондоне узнала, что английский посланник в Праге Бэзил Ньютон выдвигал в министерстве иностранных дел аргументы в пользу включения Чехословакии в германскую орбиту, что, разумеется, означало разрыв её союза с СССР и Францией. Подобно своему берлинскому коллеге Гендерсону, Ньютон настаивал, чтобы английское правительство говорило с Прагой как можно более решительным тоном, и 12 апреля 1938 года чехословацкий посланник в Лондоне был уведомлен лордом Галифаксом, что правительство Чехословакии должно взглянуть в глаза действительности и понять необходимость самых широких уступок немецкому национальному меньшинству.

В то же самое время английский министр иностранных дел посоветовал чехам не придавать слишком серьёзного значения заявлению английского премьера Чемберлена относительно того, что из-за Чехословакии Великобритания может оказаться втянутой в войну. Таким образом, совершая прямое вмешательство во внутренние дела суверенной нации, требуя от неё максимальных уступок Германии, заведомо замышляющей полный разгром этой нации, британское правительство не стесняясь заявляло чехам, что им нечего надеяться на то, что Англия выполнит своё обещание помочь Чехословакии.

А ведь это обещание должно было бы служить гарантией того, что если Гитлер нарушит достигнутое соглашение, он будет иметь дело с Англией, готовой в случае необходимости оказать Чехословакии вооружённую помощь.

* * *

Чешские дипломаты в Лондоне с нарастающей тревогой наблюдали все стадии подготовлявшегося здесь предательства. Пресс-атташе Ярослав Краус, у которого в Лондоне было много друзей среди журналистов, рассказывал им, что его правительству достоверно известно, что Конрад

Генлейн, марионеточный вождь судетских немцев, с 1935 года получал деньги от германского правительства. Партия судетских немцев, с которой английское правительство весьма считалось, получала инструкции непосредственно от германского посольства в Праге.

От чехов же я узнал, что Геринг в своей беседе со шведским королём, происходившей в конце апреля, заявлял о «необходимости прогнать чехов в Россию, где им и место». Прогрессивные чешские чиновники (а таких в то время было немного) видели в Невиле Гендерсоне смертельного врага Чехословакии и усердного пропагандиста гитлеровских расистских идей.

Теперь из официальных английских документов видно, как верно было это мнение об английском после в Берлине. 22 июля 1938 года Гендерсон писал сэру Александру Кадогану: «Д-ру Бенешу выгодно приписывать немцам и Судетам всякие козни, но я полагаю, что если быть строго беспристрастным, то надо признать в одинаковой мере виноватыми и чехов».

Английские дипломаты были заняты тем, что настойчиво склоняли чехословацкое правительство к максимальным уступкам. В мае лидер судетских немцев, гитлеровская марионетка Генлейн, приехал в Лондон, где его встретили, как встречают лишь государственных деятелей.

«Мы, как всегда, расстались друзьями», - отметил сэр Роберт Ванситтарт, постоянный заместитель министра иностранных дел, после встречи с судетским нацистом.

Упорно оказывая поддержку Гитлеру в осуществлении его планов в Восточной Европе, английское правительство в то же время всячески старалось отмахнуться от какой-либо помощи Чехословакии; наоборот, оно расчётливо толкало её к гибели. 25 мая 1938 года лорд Галифакс заявил чехословацкому посланнику в Лондоне, что о защите Чехословакии против немецкого нападения не может быть и речи. «Может ли Чехословакия, - спросил он, - занять нейтральную позицию?». «Занять нейтральную позицию» на деле означало порвать договор с Советским Союзом и войти в германскую

государственную систему. Чехословацкий посланник в Англии господин Ян Массарик с тяжёлым предчувствием доложил об этом своему правительству. «Ваша страна, - сказал он мне в те дни, - бросает нас прямо в пасть Гитлера».

* * *

Умиротворению Гитлера содействовали предатели из чехословацкого правительства. Пренебрегая советами коммунистов и левых социал-демократов, правительство Милана Годжы, лидера правых аграриев, играло на руку Чемберлену и Даладье. Оно игнорировало единственно возможное решение проблемы - честное, открытое сотрудничество с Советским Союзом вплоть до обращения к советскому правительству с просьбой о предоставлении вооружённых сил, которые помогли бы Чехословакии защититься от агрессивных посягательств Гитлера.

26 июня при свидании с английским посланником в Праге премьер Годжа сказал, что было бы целесообразным, если бы в Лондоне, разумеется без ссылки на него, вызвали чехословацкого посланника и поставили бы в известность о том, что правительство его величества испытывает нетерпение, не видя до сих пор никаких результатов, а также предупредили бы о серьёзных последствиях, грозящих в том случае, если чехи не сумеют действовать достаточно быстро.

Об этом предательстве - иначе его назвать нельзя, - совершённом в момент, когда решался вопрос жизни и смерти Чехословакии, в то время можно было только догадываться. Теперь оно неоспоримо (хотя и не намеренно) доказано официальными документами самого английского правительства. Опираясь на помощь врагов чехословацкого народа, английское правительство вело свой курс на Мюнхен, сбивая с толку и деморализуя общественное мнение Англии своей постыдной беспринципностью. Истинная подоплёка политики умиротворения заключалась в желании англо-американских финансистов прийти к соглашению с Гитлером и тем не только спасти, но и увеличить свои весьма солидные капиталовложения в германскую промышленность. Эта истинная причина мюнхенского предательства долгое время

оставалась скрытой от народных масс.

Вместе с кликой немецких промышленников и банковских магнатов, приведшей Гитлера к власти, американские финансисты, интересы которых тесно переплетались с интересами лондонского Сити, мечтали о «золотом веке» сотрудничества между германским и англо-саксонским империализмом. Без малейшего зазрения совести они щедрой рукой вкладывали деньги в Рур. Если внутренние проблемы Германии, рассуждали они, должны быть разрешены путём территориальной экспансии, так пусть это будет экспансия на Восток. А если «историческая миссия» Германии влечёт Гитлера в Советский Союз - тем лучше. Победившая Германия - а за превосходство немецких вооружённых сил ручался такой «авторитет», как американский лётчик Чарльз Линдберг - скоро почувствует потребность в капитале, для того чтобы эксплуатировать плодородную землю Украины и недра Закавказья. Английские умиротворители могли осуществлять свою программу в полной уверенности, что одобрение Уолл-стрит им обеспечено.

Тайная дипломатия на Балканах

После нападения Германии на Польшу «золотой век» открытого сотрудничества германского и англо-саксонского империализма окончился, по крайней мере временно. И теперь началась ожесточённая и длительная борьба между английской и германской дипломатией, в распоряжении которых были целые армии тайных агентов. Ареной этой жестокой борьбы был и Белград, где я работал в то время.

Группа иностранных корреспондентов, аккредитованных в то время в столице Югославии, наблюдала за этой борьбой, подобно зрителям, которые, сидя в амфитеатре цирка, наблюдают за тем, что делается на арене.

Впрочем, кое-кто из корреспондентов не только наблюдал, но и вмешивался в происходившую борьбу. Некоторые иностранные корреспонденты в столицах Восточной Европы в течение ряда лет совмещали свою работу с другими, более прибыльными

делами. Так, бывший белградский корреспондент газеты «Таймс» майор Ханау, являясь представителем английской оружейной фирмы в Белграде, «подрабатывал» на продаже вооружения, и, кроме того, югославские власти считали его агентом английской разведки. Некий Гибсон, бухарестский корреспондент ведущей английской газеты, одновременно являлся представителем нескольких крупных торговых фирм. В самом начале войны в Белграде подвизался и другой английский корреспондент, Мэтленд, который, по-видимому, был ещё и доверенным агентом принца Павла, тогдашнего регента Югославии, Мэтленд через жену породнился с людьми, занимавшими видное положение при дворе Павла.

Этого скелетообразного субъекта с лицом, искажённым нервным тиком, облачённого во фрак и цилиндр, которые он умудрился сохранить даже во время эвакуации из бомбардируемой Варшавы, можно было не раз видеть в субботу утром на главной улице Белграда, когда он отправлялся с визитом в королевский дворец. Его преданность хозяину, принцу Павлу, в конце концов навлекла на него немилость английского правительства за то, что он пытался добиться поддержки английского королевского двора для своего обожаемого Павла, в то время когда тот уже давно был смещён и Англия покровительствовала его племяннику Петру.

Что касается «держав оси», то не было никакого сомнения, что их корреспонденты, как, например, корреспондент ДНБ герр Грубер и его итальянский коллега из агентства Стефани, работали в тесном контакте с разведками своих стран.

* * *

Шпионы слетались на Балканы, как мухи на мёд. Английские учителя и лекторы, французские фольклористы, прибалтийские бароны, увлекавшиеся фотографией, и гитлеровские «туристы», проявлявшие живой интерес ко всему, проезжали через Белград, выполняя какие-то подозрительные миссии. Мало кому из моих товарищей журналистов в той или иной форме не предлагали выполнять секретные поручения. А так как журналист есть журналист, то всякие такие предложения быстро становились всем известны. Один утверждал, что как-то

на прогулке к нему обратился английский дипломат Джулиан Эмери с предложением помогать тайной переброске оружия и денег в горные районы одной из балканских стран. Другому корреспонденту, по его словам, предлагали ехать на барже со взрывчатыми материалами, предназначенными для взрыва у Железных Ворот с целью помешать входу в Дунай германских кораблей.

Одна из таких многочисленных попыток завербовать представителей прессы на секретную работу окончилась весьма неприятно для моего коллеги. Однажды знакомый из дипломатической миссии попросил его взять к себе чемодан на хранение. Корреспондент согласился. Через некоторое время ему понадобилось уехать из города по какому-то делу, и он, для большей сохранности, оставил доверенный ему чемодан в британской миссии, а там нашлись люди, которые в большей степени, чем он, заинтересовались содержимым чемодана.

Вернувшись, он, к своему ужасу, узнал, что его обвиняют в хранении взрывчатых веществ в британской королевской миссии. В результате этого инцидента его в срочном порядке перевели в другое место.

Не только журналисты, но и многие англичане, работавшие на Балканах в качестве инженеров, коммерсантов, технических руководителей и директоров концессионных фабрик и шахт, были завербованы здесь агентами тайной британской дипломатии. Из различных толков, ходивших по всем белградским кафе и ночным клубам, явствовало, что эта тайная организация снабжала оружием людей, которых намеревались впоследствии использовать как английскую опору на Балканах.

Вместе с тем оружия не давали тому, кто мог бы повернуть его против изменников своего народа. Это было не только на Балканах, - даже в момент падения Франции и поражения в Дюнкерке английское правительство не решилось дать оружие в руки рабочего класса и сельского пролетариата.

Большинство агентов английской разведки были молодые люди из буржуазной среды, и поэтому такая «осторожность» английского правительства их ничуть не смущала.

* * *

Работа корреспондента давала мне возможность наблюдать, как осуществлялась политика английского правительства на Балканах. Помню, например, разговор с Джорджем Рэнделлом, английским послом в Софии, одним из клики дипломатов католического толка в Форейн Офис, озабоченных больше всего сохранением так называемого «порядка» в Европе после окончания войны.

Рэнделл среди английских дипломатов был в некотором роде исключением: он имел обыкновение давать обстоятельные интервью корреспондентам. Причину этого отгадать нетрудно. У Рэнделла была репутация болгарофила, и этого было достаточно, чтобы некоторые коллеги дипломаты сторонились его. Кроме того, ходили слухи о вражде между ним и английским послом в Белграде Рональдом Кэмпбеллом, так как они разошлись во мнениях относительно того, в ком английское правительство найдёт более надёжного союзника - в югославском принце Павле или болгарском царе Борисе.

Корреспондентам, приезжавшим в Софию, английский посол с необычной для него откровенностью заявлял, что в устойчивости Болгарии, управляемой царём Борисом, он видел гарантию будущего порядка на Балканах. Рэнделл откровенно излагал свои опасения, что если Советский Союз будет вовлечён в эту войну и Гитлер будет побеждён, то монархический строй во всех балканских странах подвергнется жестокому потрясению, так как Россия пользуется среди балканских народов большой популярностью. Если же королевские династии удержатся (а болгарская династия Кобургов, по мнению посла, держалась прочнее всех других), то можно будет парализовать влияние СССР. Следовательно, в интересах Англии - всеми силами способствовать сохранению монархии на Балканах, а в особенности в Болгарии.

Словом, Рэнделл полагал, что Англии следует подготовиться к любой ситуации - и к поражению СССР и к победе СССР над Гитлером, если удастся толкнуть Германию на Советский Союз, Он достаточно хорошо изучил Балканы, чтобы понимать, что в

случае победы Советского Союза английскому влиянию на Балканах грозит величайшая опасность. Таким образом, Рэнделл утверждал, что Англии следует всемерно поддерживать царя Бориса, потому что именно вокруг него и его преемников сгруппируются «патриоты» Болгарии, и эта группа составит «ядро» того порядка, который так желателен Англии на Балканах после войны.

Послу удалось убедить одного из моих коллег, что его долг - защищать в печати монархический строй на Балканах. Журналист этот принялся писать статью, надеясь, что её оттиск будет в своё время положен на стол каждому делегату на мирной конференции. Он, вероятно, ещё до сих пор трудится над нею.

* * *

Для нас, журналистов, не было секретом, что реакционность верхушки тайной английской дипломатии на Балканах была источником той дикой разнузданности и наглости, которыми отличались агенты английской разведки, числившиеся за всеми отделами печати, вицеконсульствами, в отделениях Британского совета и других агентствах, связанных с английскими дипломатическими миссиями. Ходили упорные слухи, что Рональд Кэмпбелл, британский посол в Белграде, грозился подать в отставку, когда в кабинете одного из его атташе были обнаружены мины значительной взрывной силы.

Его возмущение было тем сильнее, что кабинет атташе находился непосредственно под его собственным. Хорошо известны также рассказы о дипкурьерах, прибывавших в провинциальные города с дипломатическими сумками, набитыми вместо почты оружием.

Эти скандалы завершились взрывом в гостинице чемодана, привезённого из Софии в Стамбул. Инцидент этот был официально объяснён вражеской диверсией, но в кругах журналистов уверяли, что адская машина находилась в багаже одного агента английской разведки.

Зачастую немецкие и английские агенты действовали почти

рядом.

Для характеристики приведу рассказ одного моего знакомого журналиста, завербованного в английскую разведку. Ему приказали устроиться на службу в качестве проконсула в британском вице-консульстве в Скопле, главном городе югославской Македонии.

Ему было поручено ознакомиться с общей политической ситуацией для осведомления британского министерства иностранных дел и помогать военному атташе в разведке по выяснению состояния дорог и мостов, имеющих стратегическое значение, расположения войсковых подразделений и т. д. В общем, это было интересное занятие для бывшего журналиста в скромной должности проконсула, не имевшего даже официального права оформлять браки между гражданами.

С приездом нового проконсула штат вице-консульства в Скопле увеличился до трёх человек. А английское население, интересы коего полагалось охранять консульству, по всей провинции состояло всего-навсего из... одного состоятельного натурализовавшегося англичанина, владельца концессионных хромовых рудников, который, вероятно, отлично мог и сам, без помощи консула, защищать свои интересы.

Немцы немедленно реагировали на такое увеличение числа английских агентов в Македонии (на которое, кстати, даже не было получено официальное согласие югославского правительства) и в свою очередь послали туда опытного дипломата. Этот немецкий дипломат прибыл в Скопле в один день с моим знакомым - проконсулом, и оба они впоследствии не раз встречались в самолёте, который еженедельно отправлялся из Скопле в Белград. Кроме них, других пассажиров на этом самолёте не бывало. Так жили в Скопле эти два противника, постоянно играя в прятки друг с другом. Англичанин скоро разузнал, что его немецкие и итальянские противники действуют врозь и наперекор друг другу.

Однажды на заброшенном мусульманском кладбище за городом проконсул встретился с одним из своих агентов, передавшим ему сведения, которые привёз из Албании какой-

то контрабандист, торговец кукурузой. В донесении были указаны подробности конструкции мостов и состояния дорог в центральной Албании и была приложена целая коллекция итальянских пропагандистских листовок. Среди них имелась географическая карта, тайно распространяемая среди албанского населения итальянскими агентами. На ней намечены были новые, расширенные границы будущей Албании, которая якобы будет создана под эгидой Италии после победы. Границы на карте совершенно не соответствовали тому, что немцы обещали Болгарии.

Через несколько дней были приняты меры, чтобы эта карта появилась на первой странице одной американской газеты. Такое разоблачение противоречий в пропаганде «держав оси» вызвало великое смятение в Берлине и Риме. Последовал немедленный демарш Италии Белграду по поводу действий английских агентов в Македонии. Югославский министр иностранных дел сам приехал в Скопле, чтобы провести расследование, и на другой день «проконсула» пригласили в главное полицейское управление. Там, как он мне рассказывал позже, его предупредили, что если он в двадцать четыре часа не уедет из Македонии, то ему, мягко говоря, не гарантируют безопасности.

* * *

Как немецкая, так и английская тайная дипломатия на Балканах имели свои далеко идущие планы. Немцы действовали методически, подтачивая изнутри всю структуру югославского государства для того, чтобы оно при первой атаке на него рассыпалось как карточный домик. Английская тайная дипломатия, учитывая возможность войны Германии против Советского Союза и победы СССР в этой войне, главную свою ставку делала на приобретение агентуры из числа потенциальных ренегатов, которые во время войны прикрывались личиной «антифашистов» и «национальных героев».

Те из нас, кто оставался вне круга тайной дипломатии, полагали, что её возглавляет маленький сутулый человечек с кисло-сладкой усмешкой, застывшей на широкой и круглой

физиономии, хорошо знакомый всем лакеям в белградских кафе. Он славился своей коллекцией икон, которые он скупал в течение многих лет у русских эмигрантов, а также азартной игрой на бегах. Своих сотрудников он называл «мои парни» и относился к ним почти по-отечески. Он давал им понять, что долгое время играл видную закулисную роль в бурной истории югославского государства. На обедах, которые он давал на своей вилле для тесного круга друзей, он любил рассказывать анекдоты о распущенности, грубости и жестокости различных диктаторов, которые на его глазах сменяли друг друга в Белграде. За его столом, на котором при свете свечей сверкало русское серебро, собирались разведчики и представители английских фирм, рудников и страховых обществ со всей Югославии. И он терпеливо и методически ткал сеть разведки, простиравшуюся от австрийской границы до границ Болгарии.

Но началась война, и его авторитет стала оспаривать группа людей помоложе, жаждавших более бурной деятельности и считавших его методы слишком медлительными.

Одним из претендентов на место «сутулого человечка» был англичанин Лайл, известный под кличкой «Слизняк». Это был грубо скроенный, очень толстый мужчина; на его нездоровом, бледном лице нелепо торчали пышные ярко-рыжие усы. «Слизняк» щеголял своей эксцентричностью. Он был человек осторожный; большой любитель боя быков, резко изменивший своё отношение к испанским республиканцам, когда они запретили его любимый спорт.

Он был основательно знаком со всякими течениями в английской литературе XVIII века и с искренним восхищением и остроумием разглагольствовал об утончённости аристократического общества этой эпохи, презрительно указывая своей тростью с янтарным набалдашником на любителей праздных развлечений - белградских обывателей, которые сидели за столиками в кафе «Русский царь». Под внешним лоском и «культурой» «Слизняка» скрывалась натура очень грубая, Другой кандидат, Хэкетт, был во многих отношениях самый любопытный субъект во всей этой компании. Хэкетт был не столько конспиратор, сколько актёр, способный перевоплощаться и великолепно играть самые

различные роли. Невысокая, тщедушная и нескладная фигура, лицо с напряжённо-сосредоточенным выражением человека, играющего роль и всегда ожидающего взрыва аплодисментов, - вот каков был Хэкетт. Ему претили осторожность и скрытность, которых требовала его профессия, ему хотелось завоевать себе репутацию великого ловкача, мастера интриг и военных хитростей.

Это был актёр по призванию, имитатор, который хотел бы сам играть все роли своих кукол и испытывал огромное удовольствие, наблюдая собственную игру в какомлибо сложном фарсе.

Многим англичанам, жившим тогда в Белграде, было известно, что английская секретная служба, в сущности, больше стремилась найти надёжных политических союзников, которые создали бы плацдарм в случае английского десанта на берегах Балканского полуострова, и мало занималась порчей вагонов, увозивших хромовую руду в Германию, или подсовыванием бомб в трюмы пароходов, направлявшихся в Дубровник с грузом боксита. Для югославов не был секретом истинный характер деятельности всей этой армии разных атташе, пресс-атташе и их помощников - английских учителей, местных консулов и представителей Британского совета.

Англичане могли вести себя в Югославии с такой беспардонной бесцеремонностью только потому, что Югославией правила клика продажных людей, предавших независимость страны. Если они делали уступки англичанам, то можно было с уверенностью предполагать, что немцам они угождали не меньше. В тайной полиции Югославии и других соответствующих органах дело, как об этом говорили в среде журналистов, было поставлено очень хорошо, и там не могли не знать о существовании секретной английской организации, действовавшей у них под носом. Но режим уже прогнил, в стране царили коррупция и интриги, страна катилась в пропасть.

Югославия стала ареной, где подвизались иностранные шпионы и агенты.

Такова участь всякой страны, какими бы ни были её древние традиции независимости, если во главе её стоят предатели.

* * *

Вспоминая всё пережитое на Балканах, я говорил себе, что война, которую вели народы против Германии, - это борьба за существование. Нельзя допустить, чтобы Германия победила, - это мне было ясно. Но эта война должна закончиться не только разгромом гитлеризма, но и полным уничтожением фашизма. Народы всех стран должны получить то, что им было обещано в тяжёлые дни войны.

Если война не закончится этим, то не будет, не может быть полной победы над фашизмом. Никто не может считать себя свободным и наслаждаться своими правами, пока все люди не будут свободны, в том числе и те, за которыми английские правители колониальных владений не признают права считать себя людьми...

Я был в Англии в то время, когда пришла весть о нападении Германии на Советский Союз. Мне было предложено ехать в Москву корреспондентом «Таймс». И в одно серенькое осеннее утро я покинул Англию и пустился в путь навстречу неизвестному будущему, в надежде найти страну, где, наконец, фашисты встретят настоящий отпор.

В Советском Союзе в годы войны

В туманной дали исчезли последние неясные очертания портовых сооружений Глазго. Над флотилией царила глубокая тишина. Мы, не торопясь, заняли своё место, как раз позади плавучего бона, и на рассвете обогнули мыс. Двумя днями позже мы вошли под парами в Скапа Флоу - последняя стоянка перед Советским Союзом. Сильный западный ветер волновал море. Временами, после налетевшего шквала, солнце заливало просторную гавань прозрачным сиянием. Мы стали на якорь среди островов, поросших ярко-зелёной травой, но совершенно безлесных. Мягкая волнистая линия холмов спускалась к самому морю. Была какая-то удивительная простота в этой

спокойной заводи, где стояло столько больших судов.

Конвой вёл суда в Архангельск. В течение двух недель мы жили размеренным ритмом военного корабля. Сначала мы шли по высоким волнам, отчего судно то резко поднималось, то падало; затем мы вступили в полосу тумана. На палубах нарастал лёд, и фалы покрылись толстым слоем инея.

Мы подошли к острову Яна Мейена настолько близко, что слышали крики гагар и исландских чаек, похожие на отдалённый шум водопада. Медвежий остров казался с корабля горбатой горой, покрытой снежными разводами. Держа курс на Шпицберген, чтобы избежать германской блокады, мы попали в сильный шторм - судно содрогалось и резко раскачивалось. Сигналы тревоги чередовались с часами насторожённого ожидания.

И за всё время пути - даже когда мы шли всего медленнее - конвоируемый транспорт, казалось, мчался, словно влекомый непреодолимой силой, к месту встречи с советской флотилией на широте бесплодных гранитных скал Мурманского побережья.

На четырнадцатый день мы достигли самой северной точки нашего курса. В этот вечер снежная буря улеглась и показались звёзды. Корабль сверкал в своём белом одеянии. По всему небосводу распылялся зелёный свет, словно нанесённый самой тонкой кистью, и тихо трепетал, то вспыхивая, то угасая, как огонь под пеплом. На этом мягком фоне вдруг вырастали какие-то неопределённые, словно хрустальные фигуры, разбросанные как попало по всему небу группами - по три, по четыре.

Это великолепное зрелище северного сияния, представшее нашим глазам как раз в то время, когда мы должны были изменить курс и повернуть к югу на последней части перехода в Россию, необычайно подняло настроение экипажа. Мы были на одном из первых арктических транспортов, и каждый чувствовал, что это далеко не обыкновенное путешествие. Для молчаливых английских моряков, стоявших на вахте, перенесённые нами бури, жестокие морозы, от которых

брезентовые чехлы орудий становились твёрдыми как железо, мины, качавшиеся в проходах между судами, - словом, все препятствия на нашем пути были частью барьера, отделявшего Англию от России.

Английские моряки гордились тем, что с опасностью для себя они открывают этот маршрут для союзников. Много раз во время пути матросы отводили меня в сторонку и признавались потихоньку, как они завидуют тем, кто едет в страну, которая «сумеет как следует проучить этих гитлеровских мерзавцев».

* * *

То, что я слышал от английских моряков на пути от Глазго до Архангельска, было отражением настроения английского народа. Если до 22 июня 1941 года было, без сомнения, немало англичан, которые в глубине души считали возможным, что победит Германия, то после нападения Гитлера на Советский Союз, мне кажется, вряд ли многие сомневались в том, что как бы долго ни продлилась война и сколько бы жертв она ни стоила, победа будет завоёвана союзниками. Вопреки мнению «экспертов», пророчивших, что Гитлер захватит Москву через полтора месяца, простой народ объединяла вера в непобедимость Советского Союза. Эта почти фатальная вера становилась по временам даже опасной, погружая людей в благодушную дремоту. Те, кто впоследствии приложил все усилия, чтобы оттянуть открытие второго фронта, искусно воспользовались этой общей убеждённостью в том, что Россию победить нельзя.

Именно в те дни английское правительство обнаружило, что у Англии никогда не было союзника более популярного среди рабочих, нежели Советский Союз. Производительность труда на фабриках повышалась, а английские солдаты крепли духом, вдохновляясь примером Красной Армии и героического гражданского населения в советском тылу.

Для многих англичан война за одну ночь 22 июня 1941 года сразу отодвинулась куда-то очень далеко. Бомбёжка английских городов прекратилась. Возвращались эвакуированные, и в это лето Лондон, заполненный

английскими и колониальными войсками, веселился почти беззаботно, отдыхая после напряжения прошлой зимы. И всё это потому, что Россия приняла на себя основной удар.

Мои американские коллеги на борту «Темпль Арч», скучая по Лондону, проводили долгие арктические вечера в воспоминаниях о том, как они веселились в больших лондонских отелях во время этого летнего затишья.

Но среди простого народа Англии, как и среди моряков, с которыми я плыл сейчас в Советский Союз, всё более росло чувство восхищения храбростью народа этой страны и непреклонностью его воли к победе. Эти люди, не зная почти ничего о Советском Союзе, были твёрдо убеждены, что русские на фронте защищают их интересы, - чего они отнюдь не думали об английском правительстве.

* * *

Несколько часов спустя, после того как погасли великолепные огни северного сияния, мы легли на новый курс и пошли прямо на юг, к Стране Советов.

Проснувшись на другое утро, мы впервые увидели берега Советского Союза - белые от снега скалы, изрезанные ущельями и круто обрывающиеся в море. За ними далеко вглубь уходила волнистая и, по-видимому, бесплодная прибрежная полоса. Что принесут мне эти неприветливые берега? Конец нерешимости и бесцельных скитаний? Обрету ли я здесь веру в то, что стоит выше пустого и жалкого индивидуализма? Я не преклонялся лицемерно перед Советской Россией, вступая на её берега. Я хотел взглянуть ей прямо в лицо. Одни изображали мне её как страну, в которой воплотились все надежды прогрессивного человечества, другие - как олицетворение всякого зла. Я хотел увидеть её такой, какова она в действительности.

Россия, которую я пересёк из конца в конец за следующие три недели, переживала тогда период эвакуации, которая по своим масштабам и строгой организованности была невиданной за всю историю человечества. Всё это планомерное и грандиозное

передвижение промышленности и людей в глубь страны напоминало огромную пружину, которую сжимали для того, чтобы, выпрямившись, она нанесла врагу удар сокрушительной силы.

К концу моей поездки по Уралу и Заволжью я понял, что Советская Россия обладает достаточной мощью, организованностью и надлежащим руководством, для того чтобы победить в войне с гитлеровской Германией, если понадобится, и без посторонней помощи, своими собственными силами. Уверенность народа в себе, его нравственная мощь, непоколебимый патриотизм, дух товарищества, который увеличивает силы каждого отдельного человека вдвое и втрое, - всё это особенно ярко проявилось во время эвакуации.

Твёрдая уверенность организаторов эвакуации в том, что местные органы власти способны полностью выполнить широко задуманный план, методичность, с которой всё это грандиозное предприятие опиралось на действия десятков тысяч отдельных людей, пристальное внимание к тому, чтобы самое важное выполнялось в первую очередь, - всё это дало неопровержимые доказательства организованности и силы советского общества.

Я не мог не вспомнить в эти дни, что на Западе эвакуация превратилась в бессистемную переброску в безопасную зону тех, кто не участвовал непосредственно в военных действиях, или, что было ещё чаще, в бегство слабонервных людей подальше от опасности. В Советском Союзе эвакуация была стратегическим манёвром, перегруппировкой сил, предшествующей контрнаступлению. Во время долгого, совершавшегося с задержками пути от Архангельска до Ярославля, от Ярославля до Свердловска и Челябинска, а оттуда до Куйбышева - пути, дававшего полную возможность наблюдать жизнь и поведение миллионов людей, снявшихся с насиженных мест, я стал свидетелем победы, имевшей не меньшее значение, чем те, которые впоследствии я наблюдал на фронте. Мы передвигались по передовой линии огромного внутреннего фронта.

* * *

Нельзя было принять нас более любезно или заботиться внимательнее, чем о нас заботились в эти тревожные и полные напряжения дни в ноябре 1941 года.

Когда мы были в Архангельске, нас провожали любопытными, но приветливыми взглядами. Жизнерадостность и цветущее здоровье детей, катавшихся на лыжах, произвели на меня глубокое впечатление.

Тем не менее, не было недостатка в голосах, предостерегавших меня от слишком оптимистических выводов на основании первых впечатлений. Переводчик Фишер, состоявший при английском представителе в Архангельске, в прошлом специалист по звуковому кино, считавшийся знатоком России, утверждал, что настроение в Москве пониженное и что там скоро начнётся голод. Прочие всезнайки, не таясь, твердили, что они мало верят в способность советского строя к организованному сопротивлению.

В течение следующих двух-трёх недель мне представилась возможность проверить, насколько правильны были эти высказывания.

Наш поезд подходил к Ярославлю, вокзал которого за несколько часов до этого подвергся нападению четырнадцати немецких бомбардировщиков. На станции были раненые. Подкрепления продолжали идти к Москве непрерывным потоком. Это произошло в ночь с 6 на 7 ноября, когда И. В. Сталин и другие руководители советского народа присутствовали на традиционном собрании в Москве.

На следующее утро, когда мелкая снежная крупа просеивалась через пробоины в крыше вокзала, громкоговорители сообщили об историческом параде на Красной площади, где отважные защитники Москвы приветствовали своего непоколебимого вождя. В это время в Ярославле несколько воинских составов с бойцами из Сибири стояло на запасных путях, станция была забита эвакуированными из Москвы, Ленинграда и западных районов России. Глядя на этих людей, напряжённо прислушивавшихся к голосу Сталина, я заметил нечто такое, чего мне никогда ещё не приходилось видеть, - волна надежды

и радости заливала приподнятые, оживлённые лица, как солнечный свет заливает поле волнующейся ржи.

Я понял тогда, что твёрдая, уверенная, звучавшая как призыв к бою речь Сталина вселила в них твёрдую веру и помогла стойко взглянуть в глаза неизвестности, навстречу которой ехали эти миллионы.

Пожилая медицинская сестра, которая разговаривала с нами, стоя в дверях новенького санитарного поезда, шедшего на запад; латышская семья, которая ночью бежала из пылающей деревни; хорошенькая блондинка, муж и ребёнок которой были убиты; женщины из Перми на вокзале, проводившие своих сыновей на фронт и с любовью и тревогой прижимающие к груди детей беженцев; замечательно обмундированные бойцы, чьи задорные песни доносились до нас сквозь двери теплушек; рабочие, для которых было так же естественно смазывать эвакуируемые машины или поправлять съезжающие с них брезентовые чехлы, как для матери ухаживать за больным ребёнком, - тысячи путников, которые для нас были только лицами, мелькнувшими на миг сквозь клубы паровозного пара на запасных путях в Челябинске или в обледеневших окнах поездов, ожидавших отправления. Все они чувствовали себя неотделимыми от армии, которая должна была победить, потому что стояла за правое дело.

Эти люди полностью доверяли своему правительству. Ничем иным нельзя объяснить того, что они так бодро переносили все лишения и опасности этого путешествия в неизвестное, что их отношения с представителями власти, в чьих руках находилась их судьба, были лишены и тени недоверия.

* * *

Вторым уроком для меня были их отношения друг к другу. Эти люди, думал я, лишились всего, что имели, они едут неизвестно куда, их единственное достояние - это их мастерство, их профессия. Наступило время испытаний, которое покажет, действительно ли социалистическое общество создало нового человека, чьё отношение к ближнему отнюдь не определяется желанием обмануть и провести из-за личной выгоды. И вот я

наблюдал, как группа рабочих сошла с поезда на маленькой станции, где должна была строиться их новая фабрика, в посёлке среди редкого берёзового леса. Прежде чем выйти из вагона, они собрали оставшийся у них хлеб и отдали его пассажирам в соседнем вагоне - латышам, ехавшим в Ташкент.

Когда поезд останавливался не у станции, что случалось очень часто, все выходили из вагона и отправлялись в лес за дровами. Скоро десятки костров уже горели вокруг. Дети играли, пока их родители готовили обед.

Среди этих людей немало было и таких, у которых уже давно кончились припасы, но никто не оставался без еды, будь то еврей или русский, простой рабочий или ответственный работник. Не уделить товарищу еды из своих собственных, быстро уменьшающихся припасов показалось бы советским людям так же странно, как запретить желающим петь присоединиться к хору.

Я увидел умение советских людей организовать работу масс. Вся эвакуация, по-видимому, велась в соответствии с очень немногими, простыми и ясными указаниями, устанавливавшими очерёдность и место назначения.

Преданности и работоспособности местных органов доверяли почти безгранично.

Я видел транспортников, военных комендантов, санитарных врачей и других работников, всегда уверенно справлявшихся с теми невероятно трудными задачами, которые возникали перед ними с прибытием каждого нового состава. Они не бегали спрашивать у кого-нибудь совета или разрешения, не рылись в столе, ища письменных инструкций. Они, по-видимому, были вполне уверены в том, что вышестоящие органы поддержат их во всём, что они считали нужным предпринять. Кратко и уверенно они отдавали приказания, удивительно терпеливо выслушивая просьбы, с которыми к ним обращались.

На меня произвела сильное впечатление не только преданность долгу, но и самый тип правительственных

работников, созданных советским строем, их твёрдость, знание дела, соединение скромности, свойственной истинным слугам народа, с чувством достоинства людей, знающих, что на своём посту они обязаны уметь распоряжаться. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

* * *

Мы переправились через Каму, после того как целую неделю тащились из Ярославля. За Кунгуром поезд останавливался не так часто, мы проезжали по области, где деревья были гораздо выше, а большие, разбросанные селения попадались реже. Почти на каждой станции горы лыж и саней дожидались отправки на фронт. Плакаты говорили о том, что бойцы, уходящие на фронт, будут воевать до победного конца.

За несколько дней мы успели мимоходом посмотреть на огромную уральскую мастерскую, поддерживавшую военные усилия страны Советов. От Челябинска в памяти остались солидно построенные жилые дома хороших архитектурных пропорций, железнодорожный парк с сотнями паровозов. Запомнились косогоры, усеянные призывниками, обучающимися лыжному спорту, заводы Златоуста, работающие день и ночь, и их огни, отражённые в озере под горой.

Много раз впоследствии, наблюдая, как новые орудия непрерывным потоком движутся к фронту, я вспоминал это зрелище гигантской силы, вспоминал спокойных, уверенных людей, с которыми я проделал часть их пути к уральским заводам, к копям Сибири и Казахстана.

Долгий путь и многочисленные встречи доставили мне обильную пищу для размышлений. Мне задавали много вопросов об Англии. Русские люди в то время надеялись на союзников, верили в то, что на Западе прилагают столько же сил для того, чтобы победить фашистскую Германию, как и в России. Конечно, они не обольщались мыслью, что английские дипломаты и крупные монополии в течение одной июньской ночи 1941 года вдруг сделались преданными союзниками Советской России или перестали действовать наперекор

интересам своего народа. Но русские надеялись, что правительство Англии сдержит свои обещания, потому что Советская Россия спасла Англию от немецкого вторжения.

За спиной русских. Какой была «верность» союзников

В течение следующих четырёх лет моя задача состояла в том, чтобы давать английскому и американскому народам ежедневные сообщения о ходе войны на Восточном фронте. На Западе люди жадно набрасывались на всякую весть о титанической борьбе Красной Армии с гитлеровскими войсками.

Во время поездок на фронт я наблюдал, как постепенно развёртывалась одна из самых грандиозных в истории войн. На подступах к Москве, в Калинине, Сталинграде, Ржеве, Корсунь-Шевченковском, Севастополе, Киеве, Ленинграде, Одессе, Таллине, Минске, на берегах Вислы и, наконец, в Берлине...

Орудия грохотали на западе, и прожекторы рыскали по небу, когда я приехал в Можайск, вскоре после того как части генерала Говорова выгнали оттуда бронетанковые дивизии фон Бока. На Бородинском поле, возле памятника 1812 года, где в октябре 1941 года 32-я стрелковая дивизия генерала Полосухина задержала 300 немецких танков, дотлевала изба Марфы Кулаковой. Её трое детей и шестидесятитрехлетняя старуха-мать сидели на корточках у пожарища. Группы женщин и детей стояли с верёвками у шоссе, готовые помочь красноармейской транспортной колонне перебраться через снежные сугробы. Городские власти в Можайске, которые вместе с другими жителями партизанили, уже приняли от армии управление городом.

В город Калинин я приехал также сразу после его освобождения.

- Мы знали, что вернёмся, и отошли всего на несколько километров от занятого немцами города,- сказала мне женщина - председатель городского совета, бывшая работница.- Мы планировали освобождение ещё тогда, когда

уходили из города.

В заваленном снегом овраге под Вязьмой я видел, как десятки девушек выкапывали из-под снега швейные машины, зарытые перед приходом немцев. Они работали на швейной фабрике, без устали строча обмундирование для Красной Армии, под артиллерийским обстрелом.

* * *

Каждый раз, когда я встречался с советскими людьми, я испытывал чувство глубокого изумления перед силой, которая таилась в каждом рядовом советском человеке. Мир, ужаснувшийся размерам катастрофы, которая постигла русскую землю, выражал своё восхищение твёрдостью духа русского народа в эти дни, полные тревоги и страданий. Однако на очевидца производили впечатление не столько страдания советского народа, сколько то, как этот народ отвечает на вызов врага, с непревзойдённой стойкостью отражая его нападение.

Я проделал большой путь для того, чтобы изучить дух советского бойца - от берегов Арктики, где дозорные в белых маскировочных халатах подстерегали появление немецких судов, до высот Крыма, переходивших в то время из рук в руки. Я видел, как молодые добровольцы проходили военное обучение на заснеженных окраинах Москвы; видел юношу, который успел уже стать ветераном и вспоминал с товарищами о боях за Москву; видел раненых в госпиталях, которые рвались обратно на фронт.

Из всего, что я видел, я понял, что образ советского воина - это, в сущности, образ рядового советского гражданина. В этой стране не сложилось никакой военной касты. Советское воспитание в равной мере сказывается на всех гражданах.

Красноармеец сражался, зная, что его вожди считают основой советской стратегии возможно большее сохранение живой силы. Красноармеец сражался за родину в полной уверенности, что его высоко ценят, дорожат им.

Я заметил и нечто другое, особенно потому, что в этом сказывалась огромная разница между Советским Союзом и Англией: красноармеец на фронте был спокоен за судьбу своей семьи. В Каире мне рассказывали ответственные английские офицеры, что большая часть писем, посылаемых на родину солдатами Северо-африканского фронта, выражала именно эту тревогу за родных и что всякая задержка с почтой серьёзно отражалась на настроении и духе солдат. Насколько мне было известно, советский воин на фронте не сомневался в том, что социалистическое государство постоянно заботится о его семье. Несмотря на то, что благодаря эвакуации миллионы людей оказались далеко от родного дома, бойцы Красной Армии вполне полагались на советскую власть в тылу.

Постепенно у меня сложился образ красноармейца, который суров и грозен, когда атакует врага, и который любит читать стихи Пушкина и Маяковского, уважает своего командира за его боевые заслуги, который мечтает о мире и при случае сидит над книжкой, готовясь к послевоенной жизни даже в окопах, который верит в свои силы и, познакомившись с приёмами противника, ставит себе задачей победить его, как прежде ставил задачей освоить новый станок или участок необработанной земли. Итак, это простой советский гражданин, вставший на защиту советского строя, упорно, страстно и до конца верящий в правоту своего дела.

* * *

И вот, в то время когда советский воин показывал чудеса храбрости, верности, кристальной чистоты и умения воевать, в то время как весь Советский Союз, напрягая свои силы, отдавал все помыслы только одному - борьбе с гитлеровской Германией, в то время как он сражался во имя свободы и счастья всего человечества, - в это время на Западе, в военных и дипломатических кругах уже плелась сеть тайного заговора против этого героического и самоотверженного народа.

В 1943 году я на несколько месяцев приехал в Лондон. Там я видел военных и политических деятелей Англии, державших в своих руках возможность открыть второй фронт и вместе с русскими уничтожить противника.

Но военные и политические лидеры Англии отнюдь не были заняты срочной необходимостью открытия второго фронта. Генералы обсуждали планы кампании на Балканах, а политические деятели занимались «проблемами», которые должны были якобы возникнуть после того, как Красная Армия войдёт в Центральную Европу. Роль генерала Александера искусственно возвеличивалась в глазах британского народа, как человека, который с горстью камней, захваченных им при эвакуации английских войск из Европы в 1940 году, должен был вернуться обратно на континент. Но эти камешки были с побережья Атлантического океана, а высыпать их пришлось на берег Средиземного моря.

Меня, только что приехавшего из Москвы, наперебой приглашали к себе министры, видные сотрудники секретариата военного министерства, верховные комиссары, доминионов, отставные генералы, превратившиеся в военных корреспондентов. Тогдашний министр информации Брэнден Брэкен пожелал узнать от меня, как идёт английская пропаганда в СССР. Из разговоров с ним мне стало ясно, что он уже не верит в прочность англо-советских отношений, предусмотренных договором о дружбе. Он спрашивал: «А как вы думаете, можно будет убедить русских, что наше вторжение в Европу через Средиземное море равносильно открытию второго фронта?» А плотный, вылощенный Оливер Литтльтон, бывший в то время министром военного транспорта, пожелал услышать моё мнение насчёт того, как Москва отнесётся к освобождению Балкан английскими войсками. Мне вспомнился этот вопрос много позднее, когда я узнал, что Оливер Литтльтон одним из первых одобрил черчиллевскую политику интервенции в Греции после того, как английская дипломатия сделала всё, чтобы помешать греческому народу избрать популярное демократическое правительство.

Компания бизнесменов, желавших после войны возобновить торговые отношения с СССР, пригласила меня провести с ними вечер, и там мне был задан вопрос: возможно ли, что советское правительство откажется от монополии внешней торговли?

Чиновники из министерства информации просили у меня «хоть

каких-нибудь материалов», доказывающих, что Советский Союз «уже отходит от коммунизма». Один из «маститых» сотрудников «русской» секции министерства информации в беседе со мной цинично похвастал, что назначение он получил за статьи, которые писал для Уинстона Черчилля, на тему о преемственности между царской Россией и Россией Советской. «Единственный способ «заработать» на России - это подать её старику под таким соусом, - говорил он. - Старик только и ждёт такой выдумки».

У меня сложилось впечатление, что чуть ли не все мои лондонские знакомые служат в каком-нибудь отделе разведки, вместо того чтобы сражаться с неприятелем на фронте. Кое-кого из них я встречал позже в Каире, и один даже сообщил мне, что ему обещано назначение в качестве сотрудника будущего английского военного губернатора в... Румынии.

* * *

Именно в то время, в 1943 году, когда после провала немецкого наступления на Курско-Белгородской дуге стало ясно, что разгром немцев Красной Армией неминуем, в лондонских политических и военных кругах разговоры о помощи Советскому Союзу сменились раздражёнными жалобами на то, что русские «неблагодарны», что они упорно не хотят признать «руководства» Америки в этой войне. Черчилль в переговорах с Рузвельтом неприкрыто проводил свою реакционную политическую линию, стараясь оттянуть открытие второго фронта в Западной Европе.

На побережье Англии стягивались «коммандос» (десантные отряды), храбрейшие в английской армии. Но они покидали Англию не для вторжения первыми во Францию, а для того, чтобы оказаться на берегах Африки и в Италии, которая была преддверием в Албанию и в Югославию. Их отправляли в Каир для того, чтобы потом бросить в Грецию, хотя греческая народная армия ЭЛАС сама вполне справлялась с оккупантами. Английские парашютисты спускались на территорию оккупированной Франции, но французы, с которыми они там работали, получили инструкцию не давать оружия коммунистам, стоявшим во главе движения сопротивления.

Хотя война привела Советский Союз и западные державы в один лагерь, в настроениях дипломатического корпуса во время войны преобладала глубокая недоброжелательность предшествовавших лет. Публичные восторженные излияния государственных деятелей западных держав по поводу заслуг Красной Армии шли вразрез с поведением их представителей в советской столице, где желторотые офицерики и нахальные молодые секретари посольства позволяли себе отзываться на советские победы саркастическими замечаниями, за которые на родине, в Америке или Англии, народ их освистал бы, если не сказать больше.

В дипломатических кругах восхищение русскими шло на убыль в обратной пропорции к успехам Красной Армии. К тому времени, когда враг был изгнан с советской земли, недоброжелательство превратилось чуть ли не в ненависть.

Английские дипломаты снисходительно выражали сочувствие страданиям русских, но отказывались признать за ними тот могучий боевой дух, с которым миллионы советских людей защищали свой советский строй.

Английские и американские представители в Москве особенно пытались затушевать значение партизанского движения в оккупированных немцами районах Советского Союза, так как они явно боялись его народного характера. Ассошиэйтед Пресс, одно из крупных газетных агентств в Америке, дошло до того, что запретило своему корреспонденту передавать какие бы то ни было сообщения о партизанах. Излишняя гласность, как полагали газетчики, может настолько воодушевить народные массы в Европе, что они, вопреки советам своих укрывшихся в Лондоне правителей, пожалуй, ещё восстанут против оккупантов.

Иностранные дипломаты в Москве пропагандировали выгодную им «теорию» о том, что русский народ защищает не советский строй, но своё отечество независимо от его социального строя и что Красная Армия обязана своими успехами «чуду», «природным свойствам характера русского человека».

Американские военные представители в Москве особенно яро отрицали достижения Красной Армии.

Некий полковник Парк утверждал, что наступление советских войск в районе Сталинграда не может быть названо подлинной военной операцией, потому что немцы всё равно «планировали отступление» (!). Когда события в Сталинграде со всей очевидностью опровергнули эту злостную бессмыслицу, его шеф, генерал Микела, пришёл на помощь Парку, заявив, что немцы «поступили мудро», дав себя окружить, ибо таким образом они «удержат под Сталинградом большие соединения русских войск в течение всей зимы».

* * *

Когда мне случалось беседовать о советских достижениях в дипломатических кругах, мне всегда казалось, что все эти представители государственного департамента и Форейн Офис в глубине души лелеют надежду, что с каждым шагом Красной Армии навстречу победе силы России иссякают; им мерещилось, что в конце длинного пути на Берлин они встретят смиренное, истощённое войной советское государство, готовое в угоду мировым державам отказаться от своих экономических и социальных принципов, готовое «либерализовать» коммунистический режим и, может быть, даже открыть свои границы для иностранного капитала.

Эти дипломатические представители, естественно, с радостью подхватывали, а чаще сами выдумывали всякий вздор, который можно было использовать для «доказательств», что к концу войны от идеологии и практики марксизма не останется почти ничего. Необычайный эффект в дипломатических кругах произвёл рассказ одного американского курьера, ехавшего из Владивостока по Транссибирской железной дороге и доложившего посольству США, что, проезжая Сибирь... он наблюдал «признаки отхода» от системы колхозов. Не менее сенсационным явилось донесение одного работника английского посольства из Архангельска о его разговоре с каким-то брюзгливым магазинным продавцом; тот будто бы просил, чтобы англичане остались в России, так как тогда ему можно будет открыть частную торговлю.

В каждой патриотической демонстрации православной церкви усматривалось свидетельство «отхода русского народа от коммунизма». В страстную субботу весь дипломатический корпус съезжался в московский кафедральный собор поглядеть на живописный обряд православного богослужения, и многие из дипломатов, вероятно, спокойнее спали в эту ночь, так как им казалось, что они присутствовали не при праздновании воскресения Христа, а при погребении коммунизма.

Все сведения о положении в немецком тылу, доходившие через советские каналы, объявлялись «пропагандой» и тут же отметались. Вернувшись после одной из первых моих поездок на фронт, я рассказывал о том, как в Можайском районе, где мне пришлось побывать, местная организация коммунистической партии после прихода немцев ушла в подполье и продолжала существовать, полностью сохраняя все органы советской власти, так что после освобождения вопрос о восстановлении этой власти даже не вставал, - и меня слушали со скептической улыбкой.

В этих кругах не могли и не хотели взглянуть в лицо истине, заключавшейся в том, что население освобождённых районов радовалось возвращению советской власти, что в период временной оккупации советские люди рисковали жизнью именно ради её защиты. Признать это - значило отказаться от утверждения, будто советский строй держится на запугивании масс.

Утверждение же о «запугивании масс» является одним из коньков английских правящих кругов. Это утверждение беспрестанно подкреплялось свидетельствами разных «специалистов по России», работавших в иностранных миссиях в Советском Союзе. Среди них были офицеры и дипломаты, числившиеся в «специалистах по России» единственно потому, что они изучали русский язык в русско-эмигрантских домах Парижа или в прошлом - Риги и Таллина; другие почитались авторитетными знатоками Советского Союза, так как принадлежали к английским или французским семействам, имевшим магазины, фабрики или концессии в царской России. Но больше всего было белоэмигрантов или даже немцев, в

некоторых случаях лишь недавно натурализовавшихся.

Когда же в ходе войны даже тем, у кого глаза были затуманены предубеждением, стало ясно, что ни коммунистическая партия, ни весь советский народ не собираются отходить от своих принципов, а, напротив, видят в одерживаемых победах доказательство справедливости этих принципов - тогда стали раздаваться голоса, называвшие русских «нелёгкими союзниками». И пока этот «нелёгкий союзник» ценой своей крови изматывал гитлеровские армии, чтобы потом перейти в победоносное наступление, английские и американские дипломаты сидели на земле «нелёгкого союзника» и занимались антисоветской деятельностью.

* * *

Когда в 1941 году я попал в Куйбышев, то увидел, что многих дипломатов различных стран, представленных в России, объединяет не совместная борьба против гитлеризма, а их общая ненависть к Советскому Союзу.

И немудрёно: от тех из моих коллег, которые жили в России до войны, можно было ещё услышать о неразлучной дружбе, связывавшей фон Вальтера, секретаря германского посольства, и фон Герварта, личного секретаря германского посла фон дёр Шуленбурга, с Боленом, Дюрброу (из посольства США) и Джоном Расселом, секретарём посольства Великобритании.

Многие из основных участников этого содружества в 1941 году уехали из Москвы, но завещали свои традиции оставшимся. Не изменилась, в частности, и самая существенная особенность этого дипломатического «блока» - «общий фонд» всей информации о Советском Союзе. Этот «фонд» создавался из информации, собранной американскими, английскими и французскими агентами и наблюдателями. Постепенно в «фонд» втягивали посольства и других стран. Главенствовали в «фонде» американцы и англичане, которые использовали его в своих разведывательных целях.

Некоторые дипломаты, наотрез отказывавшиеся пополнять «фонд» или черпать из него сведения, почитались

недостойными приличного дипломатического общества из-за своего «неколлегиального поведения». Так было со Зденеком Фирлингером, чехословацким послом, а впоследствии и с Роже Гарро, представителем сражающейся Франции. Другие, представители стран настолько «незначительных», что они не могли рассчитывать на полноправное участие в предприятии, шли на всяческие унижения, чтобы снискать расположение старших компаньонов.

Однако, кроме «фонда», английское посольство использовало своих собственных, наиболее опытных разведчиков.

Пожалуй, самым примечательным в этом смысле было назначение на высокий дипломатический пост в Москве Джорджа Хилла.

Среди книг, купленных мною в лондонском книжном магазине перед самым отъездом в Россию, была книжка Хилла, озаглавленная «Иди шпионить». В дороге я прочёл её; это был наспех, кое-как написанный отчёт о работе английского секретного агента в России в 1917-1918 гг.

У читателя не оставалось сомнений в том, что автор, офицер королевского воздушного флота, с некоторым стажем в области разведывательной службы, был одним из секретных агентов Великобритании в то время, когда прилагались все усилия к тому, чтобы помешать ленинскому плану установления мира на русско-германском фронте.

Усилия эти потерпели полный крах, как и все диверсионные и террористические акты, к которым прибегала Интеллидженс сервис после Октябрьской революции. Тем не менее капитан Джордж Хилл был щедро вознаграждён за свои труды - явление необычное, потому что, как правило, Интеллидженс сервис отрекается от своих агентов, когда они проваливаются.

Книжонка заканчивалась славословием шпионам и предположением, что в будущем - она была напечатана в 20-х годах - борьба против большевизма представит широкое поле для шпионской деятельности.

* * *

Этот матёрый шпион слыл добродушным весельчаком и весьма заботился о том, чтобы закрепить за собой именно эту репутацию. Невысокий, плотный, слегка кривоногий, с круглыми красными щеками, с лысой, похожей на биллиардный шар, головой, он представлял собой законченный образец стареющего волокиты, типа совершенно необычного для военной Москвы.

На самом же деле это был человек, обладавший всеми необходимыми для разведчика качествами. Он любил жить широко, и когда после неудачи его миссии в революционной России ему пришлось отойти от разведывательной работы, жизнь для него стала тягостной и серой. Но природная энергия и изобретательность, змеиная живучесть, способность переносить удары судьбы, не утрачивая вкуса к власти и комфорту, и несомненный актёрский дар помогли Хиллу перепробовать с десяток профессий вплоть до начала Второй мировой войны, когда он снова был призван к работе разведчика.

За мнимым добродушием этого человека крылась холодная расчётливая натура, и его пресловутая простота была одной из многих личин, которые он снимал и надевал по своему желанию. То преданный друг, расположенный к душевным беседам, то дипломат, искушённый в ведении переговоров, то любитель антисоветских анекдотов в американском вкусе, то восторженный поклонник русского народа; подлинное же его «я» было загадкой для многих.

Чем занимался Хилл в период между двумя войнами - точно неизвестно, но, по-видимому, его хозяева были им довольны, так как в дипломатическом корпусе, когда я приехал в Куйбышев, только и говорили, что о гостеприимстве и превосходной кухне уже не капитана, а майора Хилла. Через некоторое время Хилл получил чин полковника, а перед самым окончанием войны был произведён в чин бригадного генерала. Между 1942 и 1945 гг. он возглавлял специальную военную миссию в Советском Союзе.

Назначение Хилла рассматривалось в дипломатических кругах как жест явного неуважения к Советскому Союзу со стороны английского правительства. Каждый разумный человек мог усмотреть в назначении Хилла только одно: решение восстановить шпионскую сеть в Советском Союзе.

Однако в самом скором времени это назначение обернулось против его инициаторов. Выяснилось, что, вопреки всем надеждам и расчётам, советские органы отнюдь не расположены допускать, чтобы английские и американские военные миссии изучали их оперативные планы и занимались шпионажем. Та бдительность советских людей, которую роковым для себя образом не учли немцы, оценивая материальные и моральные силы Советского Союза, продолжала существовать, и никто не собирался от неё отказываться.

Миссия Джорджа Хилла встречала со стороны русских внешне любезное отношение, но в самой этой любезности был оттенок презрительной издёвки, словно ему хотели сказать: «Уж мы-то вас хорошо знаем! Что ж, если напросились - сидите, только не рассчитывайте причинить нам неприятности. Вам этого не удавалось раньше, не удастся и теперь».

Сам Хилл был не из тех людей, которых можно смутить подобным обращением. Он обладал двумя качествами, чрезвычайно важными для разведчика: настойчивостью и нечувствительностью к уколам самолюбия.

Кому из английских или американских корреспондентов не приходилось бывать в роскошно обставленном особняке в Гранатном переулке, с его букетами живых цветов, отличным винным погребом, превосходным угощением и любезными улыбками свободно изъясняющихся по-русски молодых офицеров? И кого из них толстый маленький бригадир после закуски и хорошей сигары не приглашал в свой кабинет побеседовать «по душам о русских делах»?

Солдаты и офицеры разных военных миссий в Москве и очень многие дипломаты были не менее частыми гостями в особняке в Гранатном переулке. Хилл бесспорно лучше других был

осведомлён о связях, имевшихся у иностранцев, живущих в Москве, с советскими гражданами.

Оказавшись в какой-нибудь компании русских, Хилл внимательно наблюдал за каждым из них, явно интересуясь прежде всего тем, какое положение они занимают в обществе и насколько пользуются влиянием среди своих сограждан. Если он приходил к заключению, что это простые люди, рядовые граждане Советской страны, то сразу терял к ним всякий интерес и, встретив их в другой раз на улице или в театре, не отвечал на поклоны. В тех же, кто чемлибо возбудил его любопытство, он вцеплялся как клещ.

* * *

Шпионская деятельность английских дипломатов во время войны наиболее наглядно, пожалуй, видна в том, с какой тщательностью и с каким размахом английское посольство пыталось использовать в своих целях ту часть польской эмиграции, находящейся в то время в Советском Союзе, которая была тесно связана с реакционным польским правительством в Лондоне. Очень скоро польское посольство и польская военная миссия превратились в филиал английской секретной службы.

Впрочем, так называемый «польский вопрос» заслуживает того, чтобы о нём сказать подробнее.

Как известно, в Куйбышевскую и Саратовскую области в 1941 году стекались поляки, бежавшие от немецких оккупантов. Мужчины призывного возраста вступали в армию Андерса, надеясь, что, как хорошо обученные и вооружённые солдаты, они рано или поздно примут участие в боях с немцами. Гражданское население, бежавшее из Польши во время оккупации, было эвакуировано в глубокий советский тыл. Все они были убеждены, что, пройдя горнило войны, советско-польские отношения обретут новую, дружественную основу.

Но большинство представителей польского эмигрантского правительства, находившегося тогда в Лондоне (почему их и называли «лондонскими поляками»), придерживалось

совершенно иного взгляда на перспективы советско-польских отношений и делало всё возможное, чтобы и широким массам поляков внушить недоверие к Советскому Союзу.

Прежде всего работники польской военной и политической разведок, действуя по указанию англичан, объявили, что долг каждого поляка - сообщать польским властям решительно всё, что ему известно о Советском Союзе. Скоро в польском посольстве появились толстые папки с информационными материалами, копии которых передавались в «фонд». Когда в 1943 году Советский Союз разорвал дипломатические отношения с «лондонскими поляками», англичане, уже не таясь, забрали эти папки. Посещавшим польское посольство дипломатам показывали огромную карту, на которой обозначены были места, где жили польские беженцы, и предлагали дать информацию по любому вопросу жизни в СССР.

В среде высшего офицерства, принадлежавшего по большей части к замкнутой касте старой польской военщины, господствовало пораженчество. Польские штабные офицеры в куйбышевском Гранд-отеле совершенно открыто говорили о своих планах организации, после падения Красной Армии, временного польского государства на Волге, откуда потом, дескать, начнётся польское контрнаступление на Восточном фронте и закончится возвращением в Варшаву. Ввиду этого, доказывали они, нецелесообразно вводить польские дивизии в бой вместе с Красной Армией, когда их обучение будет закончено.

Польские реакционеры в Куйбышеве, подстрекаемые своими лондонскими покровителями, открыто агитировали против идеи второго фронта в Западной Европе. Они боялись, как бы западные державы не израсходовали своих сил слишком рано, они строили свои расчёты на том, чтобы в Польшу первыми вступили войска западных держав, наступая с юга, через Балканы. Для польской реакции это была бы единственная возможность захватить власть в стране. Многим из этих польских ультранационалистов грезилась Центральная Европа с польско-чехословацкой федерацией в качестве господствующей славянской державы. С самого начала этот

проект получил официальное благословение Форейн Офис.

Брюс Локкарт, известный английский разведчик, принимал активное участие в подготовке этих планов.

Локкарту помогал Виктор Казалет, личный адъютант Черчилля, известный своими промюнхенскими и прогабсбургскими настроениями. Казалет происходил из семьи, имевшей крупные денежные интересы в царской России. По приезде в Куйбышев в 1941 году Казалет высказывал друзьям свой взгляд на чешско-польские отношения - взгляд, который Форейн Офис находил «вполне здравым». Поляки, говорил он, пользуются симпатией у правых англичан, чехи - у левых. Пусть они объединятся, и им обеспечено хорошее отношение всей Великобритании.

Успехи Красной Армии развеяли в прах все эти эфемерные планы, однако кое-кто из поляков с ними не расстался, и это была одна из причин, почему Андерс и его штабные офицеры уже зимой 1941 года замышляли вывод польских вооружённых сил из Советского Союза и передачу их под английское командование для будущего похода через Балканы.

Между тем, на Востоке Советская Армия одерживала новые и новые победы. Второй фронт в Европе всё ещё не открылся. Было ясно, что освобождение Польши придёт с Востока. Теперь «лондонским полякам» - этой кучке своекорыстных честолюбцев, отнюдь не являвшихся представителями своей нации, осталась одна только ставка - посеять вражду между славянскими народами, поднять в Польше восстание не против немцев, но против русских, украинцев, белорусов. Таков был план Андерса, поддержанный Форейн Офис.

Понятно, что Советское правительство не могло поддерживать отношения с этим предательским польским правительством. И в скором времени последовал разрыв.

* * *

Очень многие общественные деятели на Западе, под влиянием коварной и щедро финансируемой англичанами пропаганды

польского эмигрантского правительства, в недоумении спрашивали себя: какую же позицию займёт в будущем Советское правительство по отношению к Польше? Именно это побудило меня обратиться с письменными вопросами к И. В. Сталину.

Это было в Москве весной 1943 года. Я спросил маршала Сталина, желает ли правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии, и далее - на каких основах должны, сточки зрения маршала Сталина, строиться послевоенные отношения Польши и СССР?

Ночью, ровно через сутки, меня разбудил телефон, звонивший с необычайной настойчивостью. Звонили из отдела печати НКИД, предлагая немедленно туда явиться. Я поспешно оделся, захватив на всякий случай пишущую машинку, и вышел из «Метрополя» с тем приятным чувством ожидания, которое испытывает каждый журналист в предвидении сенсационной новости.

Была прекрасная майская ночь. На зданиях Театрального проезда ещё висели портреты советских вождей, выставленные к первомайскому празднику. Этот май, первый после Сталинградской победы, Москва праздновала с особым чувством торжества, и даже в этот поздний час в притихших по-военному улицах ещё оставалось что-то от праздничного оживления.

- Имею честь вручить вам письмо от председателя Совета Народных Комиссаров Иосифа Виссарионовича Сталина, - сказал один из работников отдела печати и передал мне большой белый конверт.

«Посылаю Вам мои ответы»,- гласило вручённое мне письмо.

«1. Вопрос: Желает ли Правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии?

Ответ: Безусловно желает.

2. Вопрос: На каких, с Вашей точки зрения, основах должны базироваться отношения между Польшей и СССР после войны?

Ответ: На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, - на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши.

С уважением И. Сталин.

4 мая 1943 г.».

Таким образом, ответы советского вождя, ясные, точные, свободные от дипломатических околичностей, разрушили все планы «лондонских поляков», как карточный домик.

* * *

Сочувствие к «лондонским полякам» в кругах западных дипломатов в Москве приняло форму самой ярой враждебности к демократическим представителям польского народа, с которыми сотрудничал Советский Союз, стремясь к установлению крепкой и подлинной дружбы с Польшей. В дипломатическом корпусе не гнушались никакой клеветой, никакими выпадами против Союза польских патриотов, против Комитета национального освобождения, организованного в Холме, против люблинского правительства. Английская военная миссия грубо отказалась прислать своих представителей для участия в церемонии вручения знамени польским дивизиям, обученным на Оке и готовым выступить против врага плечом к плечу с Красной Армией.

В мае 1944 года посетившая Москву делегация Польской народной армии обратилась к послам Англии и США с просьбой о снабжении оружием. Ответа не последовало. А между тем антисоветские группы в Польше продолжали получать английское и американское вооружение. В то время как пламенные призывы Союза польских патриотов находили горячий отклик в сердцах всех поляков, живущих в Советском Союзе, английские дипломаты повторяли клеветнические измышления лондонского польского правительства о новой

польской армии, сформированной в СССР.

Помню, какой крик поднялся после моей статьи в «Таймс», описывавшей, как Советское правительство помогает польскому гражданскому населению сохранять польские обычаи и традиции. Я написал эту статью, побывав в детском доме для польских сирот в Загорске, где дети воспитывались в духе истинного польского патриотизма. А несколько позднее, когда после поездки в освобождённый Люблин я был настолько восхищён всем виденным, что позабыл об осторожности и во всеуслышание объявил о своих симпатиях к демократическому правительству, мне пригрозили увольнением из «Таймс».

Эта история заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее. Люблин в то время не имел телеграфной связи со странами Европы. Единственным средством связи была радиостанция небольшой мощности.

Польские власти предложили иностранным корреспондентам передавать свои статьи по радио, предварительно обратись к радиослушателям с просьбой сообщить содержание статей в редакции газет, для которых они предназначались. Опыт удался; несколько английских радиослушателей позвонили в редакцию «Таймс» и передали туда содержание моей корреспонденции.

Вернувшись в Москву, я обнаружил, что ни одна строчка моей статьи о создании первого польского правительства на освобождённой польской земле не попала в печать. Вскоре пришло весьма суровое письмо от редактора с выговором «за выступление по радио с пропагандой в пользу польского правительства».

Несмотря на дальность расстояния между Москвой и Лондоном, до меня доходили отголоски дискуссии, разгоревшейся в редакции «Таймс» по поводу «отсутствия объективности», которым якобы грешат сообщения их корреспондента из Советского Союза.

У меня были все основания подозревать, что источник недовольства находился в английском посольстве в Москве,

где, вероятно, предпочли бы видеть на моём месте корреспондента, ничего не имеющего против предварительной «обработки» его сообщений.

* * *

Антисоветская позиция большинства англо-американских дипломатов в польском вопросе достигла апогея во время битвы за Варшаву. Их симпатии были особенно велики к Бур-Комаровскому, военному представителю «лондонских поляков», по инициативе которого вооружённые силы в Варшаве начали восстание без согласования с действиями Красной Армии.

Во время битвы за Варшаву группа корреспондентов побывала в Люблине и там услышала от очевидцев рассказ о том, как люди, ставившие свои эгоистические интересы выше патриотического долга, спровоцировали это преждевременное восстание.

Восстановить правдивую картину варшавского восстания было особенно важно в те дни потому, что общественное мнение на Западе всячески сбивали с толку различные официальные и полуофициальные представители печати, приходившие в ярость при одном упоминании о дружбе между Советским Союзом и Польшей и распространявшие злобную и беспардонную клевету о событиях в Польше.

В те дни, когда мы находились в Люблине, Висла уже была форсирована и к югу и к северу от Варшавы. С южной стороны, в Варке, польские и советские войска отбили ожесточённые атаки немецких танковых дивизий.

Продвижение к северу от Варшавы не дало ожидаемого эффекта из-за ожесточённого сопротивления немцев в Восточной Пруссии. Командование Красной Армии разработало план окружения немцев в Варшаве, чтобы таким путём спасти столицу Полыни от разрушения, неизбежного при фронтальном наступлении.

Польские войска, сражавшиеся бок о бок с Красной Армией,

были поставлены в известность о советском плане обхода Варшавы, и генерал Жимерский говорил нам, что он и его штабные офицеры видели в этом плане единственную возможность спасти Варшаву от разрушения.

Однако польские эмигранты и Лондоне были заинтересованы прежде всего в том, чтобы захватить власть в Варшаве раньше, чем туда придут войска Красной Армии и польского Комитета национального освобождения.

Весь план варшавского восстания был, в сущности, подчинён одной основной цели: обеспечить захват всех главных правительственных зданий, как только разожмётся немецкий кулак, удерживающий город. Тотчас же вслед за этим должна быть провозглашена власть правительства Миколайчика. С теми силами и тем количеством оружия, которые имелись в наличии, нельзя было рассчитывать взять Варшаву иначе, как в последний момент. К длительным боям даже и не готовились. Это был чисто политический план.

Варшавяне, истомившиеся в немецкой оккупации, страстно жаждавшие освобождения, горячо отозвались на призыв взяться за оружие. Они не могли знать, что не было сделано никакой попытки согласовать план восстания с командованием Красной Армии. Они не могли знать, сражаясь против превосходящих сил противника в Старом городе, на Театральной площади и в Политехническом училище, что самый план восстания делал невозможным снабжение оружием с воздуха. Они не могли знать, что когда польские освободительные войска по ту столону Вислы предложили доставить повстанцам оружие, Бур-Комаровский отказался сообщить координаты тех двух пунктов за чертой города, куда можно было безопасно сбросить с самолёта груз. Только те, кому удалось уцелеть в разрушенном городе, узнали впоследствии, как их предали миколайчиковские политиканы, активно поддержанные Лондоном.

* * *

Полгода спустя после варшавского восстания, в январские сумерки, я смотрел на этот город с бывшего наблюдательного

пункта на крыше богатой виллы в Саско-Кемпа. Неподалёку виднелся затейливый переплёт вмёрзших в лёд Вислы ферм моста Понятовского. Похожие на коробочки домики этого фешенебельного предместья Варшавы казались рябыми от шрапнели. За нами была освобождённая Прага, холодная, голодная, но полная патриотического воодушевления. Но за Вислой Варшава казалась мёртвой. Пожары догорели. На вечернем небе алела узкая полоса заката, точно знамя, приспущенное в знак уважения к павшим варшавянам. Скорбным силуэтом вырисовывались на этом фоне очертания разрушенных домов. Оттуда доносились приглушённые расстоянием звуки - то грохот обвалившейся стены, то звон железной балки, рухнувшей под тяжестью обломков. С правого берега Вислы тоскливо смотрели на это трагическое зрелище польские солдаты, помнившие Варшаву красивым, вечно весёлым городом...

Я остановился так подробно на польском вопросе потому, что он наиболее ярко показывает чёрную измену английских правящих кругов в дни, когда советский народ вёл напряжённую, героическую борьбу против гитлеровской Германии.

Англо-американская политика на освобождённых территориях

Народы всего мира встретили весть о победе над гитлеровской Германией торжественно, с глубокой радостью, к которой примешивались слёзы горя, сурово сдерживаемого во время войны.

В Чехословакию после её освобождения Советской Армией пришла новая жизнь. Мой друг чех, принадлежавший к интеллигентным кругам Праги, писал мне о дне освобождения: «Мы услышали громкие крики радости. Народ бежал со всех сторон к советским танкам. Наши освободители - русские - казались нам братьями, с которыми мы долго, слишком долго были разлучены. Мужественные, приветливые, они обнимали нас, ласкали детей, раздавали им сладости, поднимали их на танки и машины. Это самые яркие и радостные впечатления в

моей жизни. Да не будут никогда нарушены узы, связавшие нас с нашими дорогими братьями!» А вот что писал другой мой знакомый чех: «То были русские! Я переживал самые замечательные минуты в моей жизни! Какими утомлёнными казались эти молодые воины, стоявшие в открытых люках запылённых танков, переваливших через горы, - живое олицетворение всего того, что я представлял себе при слове «Россия». Великодушные, благородные люди с широкой натурой... Я сразу почувствовал, что они - свои, что они для нас не чужеземцы. Танки проходили не задерживаясь, за ними появился грузовик. Шофёр, украинец, подхватил на руки нашу маленькую Славку и, целуя её, сказал, что у него дома дочка такого же возраста».

* * *

А в английских официальных кругах много говорили о том, что послевоенная Восточная Европа слишком истощена, чтобы возродиться без усиленной технической и материальной помощи со стороны Соединённых Штатов. Говорили об «экономической помощи», а имели в виду политическое закабаление.

Английское посольство в Праге, возглавляемое Филиппом Никольсом, не щадило усилий, чтобы оказать давление на развитие политических событий в Чехословакии. В первые месяцы после окончания войны эти усилия сводились к тому, чтобы убедить президента Бенеша ограничить деятельность прогрессивных элементов в правительстве, созданном после длительных переговоров между лидерами четырёх партий, образовавших Национальный фронт.

Президент упомянул об этих попытках во время данного им мне интервью в Градчанах, в Праге в июле 1945 года. В ответ на вопрос о том, как далеко пойдёт Чехословакия в проведении мероприятий по социализации и национализации, президент весьма недвусмысленно дал мне понять, что он употребит всё своё влияние, чтобы не допустить повторения случившегося после Первой мировой войны. «Тогда, - сказал он, - англофранцузская буржуазия в страхе перед большевизмом помешала чешскому и словацкому народам создать

социалистическое государство».

«Мы не можем рассчитывать, - заметил он, подчёркивая свою мысль характерным для него, чем-то похожим на профессорский, жестом,- мы не можем рассчитывать, что они вновь не попытаются оказывать на нас давление. Но теперь имеются три новых фактора.

Во-первых, существование Советского Союза как великой державы; во-вторых, уважение, которым пользуются коммунисты в нашей стране, благодаря их безупречному поведению в дни сопротивления; в-третьих, уроки Мюнхена ещё долго будут заставлять наш народ относиться к Западу с большим подозрением.

Пусть вас не вводит в заблуждение то, что у нас воздают должное британским военным усилиям. Это чувство вполне искренне. Но могу заверить вас, оно испарится в одну секунду, если, во-первых, наш народ заподозрит, что Англия старается повернуть нас против Советского Союза, и, во-вторых, если он увидит, что Англия участвует в заговоре по восстановлению агрессивной мощи Германии».

«Некоторые из ваших соотечественников, - сказал в заключение президент, - говорят мне о том, что Чехословакия должна быть мостом между Востоком и Западом. Но беда в том, как говорил Ян Массарик, что по мостам проходит слишком много народу. А мы не хотим, чтобы через Чехословакию вновь проходил кто-нибудь».

* * *

Дипломатические представители западных держав со всё возрастающей недоброжелательностью относились к этим новым настроениям в послевоенной ЧехоСловакии. Прожив некоторое время в Праге, я убедился, что большинство попыток помешать объединению народа Чехословакии исходит из англо-американских дипломатических кругов. Каждый раз, когда раскрывалась политическая интрига или заговор, можно было проследить нити, идущие к «информационным агентствам», обществам «культурных отношений» и

специальным миссиям, через которые дипломаты делали своё дело, пытаясь сыграть на «борьбе между Западом и Востоком».

Промышленники, банкиры, землевладельцы и католическое духовенство, тоскующие о «добром старом времени» и понимавшие, что восстановить свои привилегии они могли бы лишь насильственным путём, ожидали от иностранного империализма помощи и поддержки, и, надо сказать, в редких случаях их ожидания не оправдывались. Американский посол Лоуренс Штейнгарт не скрывал своих симпатий к такого рода людям. Для них он устраивал роскошные приёмы, на которых вместе с десертом подавались нейлоновые чулки в целлофановых пакетах.

Впрочем, за нейлоновые чулки и за кое-что другое, полученное от англо-американских дипломатов, предатели чехословацкого народа, конечно, должны были платить. И они платили шпионажем и диверсиями.

На границе Чехословакии с Германией чешским пограничникам приходилось отбивать атаки вооружённых банд диверсантов, в которые зачастую входили немецкие эсэсовцы. Чехи были убеждены, что эти вооружённые подпольные банды террористов имеют хорошую связь с американской зоной Германии. Справедливость этих предположений подтверждают найденные фотографии американских грузовиков и свидетельства пленных.

Справки, наведённые в Праге, убедили меня в том, что так именно и обстояло дело. Британское консульство в Пльзене, возглавляемое офицером разведки, который прежде состоял при польской армии в Лондоне, фактически служило пересыльным пунктом для польских ренегатов. Более того, дипломаты пользовались своим иммунитетом, чтобы контрабандой провозить недовольных судьбой чехов и поляков из Праги в Пльзень.

Мне доподлинно было известно, что члены семьи Бур-Комаровского были тайно вывезены из Польши через Чехословакию в Нюрнберг именно этой подпольной дорогой.

В 1947 году была установлена подобная же связь, на этот раз американским генеральным консулом в Братиславе, чтобы помочь бандам украинских националистовбандеровцев прорваться через горы Словакии и австрийскую границу в американскую зону оккупации.

Оказывая, при содействии католических священников и «мягкосердечных» чиновников из словацкой администрации, помощь преступным националистическим элементам, англо-американские представители стремились, таким образом, оживить у них надежды на то, что война между Востоком и Западом неизбежна.

Наиболее бесстыдным из всех действий англо-американских дипломатов, направленных против интересов чехословацкого народа, была попытка помешать выселению судетско-немецкого меньшинства. Они отказывались расселить судетских немцев в американской и английской зонах оккупации и пытались оказать дипломатический нажим на Прагу. Британское министерство иностранных дел, предавшее Чехословакию Гитлеру, теперь имело наглость читать чехам мораль о «бесчеловечности» выселения. Англичане назначили в КарловыВары вице-консула Бандроу, главной обязанностью которого, по собственному его признанию, было собирать материал о «зверствах» над судетскими немцами.

Без сомнения, англо-американские дипломаты надеялись создать из судетско-немецкого вопроса ещё одну «проблему», подобную тем, при помощи которых им в прошлом удавалось разобщить народы Центральной и Юго-Восточной Европы.

* * *

В Польше англо-американская дипломатия проводила политику, аналогичную той, что она вела в Чехословакии. В марте 1946 года я приехал в Варшаву и зашёл в гостиницу «Полония» (где временно помещались английские дипломаты). Там царила какая-то суета, люди бегали по коридорам. Я спросил у первого секретаря посольства Майкла Уинча, в чём дело, и он рассказал, что Уинтон, помощник военного атташе, хочет в субботу и воскресенье устроить «охоту за русскими».

Дело в том, что Уинтон решил «доказать» Лондону, что в районе Варшавы происходит передвижение русских войск. Теперь он вербовал для своей «экспедиции» охотников отправиться в субботу за город под тем предлогом, что там они хотят снять дачу.

Я поехал вместе с ними в красивую долину Вислы, где преобладают песчаная вересковая степь и сосновые леса. Останавливая машину у каждого из бесчисленных ларьков под предлогом покупки всяких ненужных ему мелочей, Уинтон расспрашивал продавцов (он свободно говорил по-польски) о сдающихся поблизости дачах - и кстати о русских войсках. Но его надежды найти след Красной Армии улетучились так же быстро, как и этот весенний день.

В «Полонии» в этот вечер все ходили угрюмые, с хмурыми физиономиями. «Охотникам» удалось «заметить» всего-навсего одного русского - служащего советского посольства, который мирно занимался вскапыванием грядок в саду своей дачи. Тем не менее, появившиеся в лондонских газетах россказни о передвижениях войск вокруг Варшавы продолжали муссироваться при полном молчании Форейн Офис.

У Майкла Уинча всегда наверняка можно было встретить какого-нибудь польского политического деятеля, но это неизменно бывал член одной из оппозиционных партий; в отделе печати посольства было много служащих поляков, но все они без исключения принадлежали к бывшим правящим классам. В Варшаве были иностранные журналисты; большинство их, однако, совмещало журналистскую деятельность с какими-то другими обязанностями: корреспондент Ассошиэйтед Пресс Ларри Аллен - с изданием информационного бюллетеня посольства США, корреспондент Кемсли Пресс Сельби - со шпионской работой для польских террористических банд.

Польские власти считали Сельби опасным ренегатом, и в правильности такой оценки я убедился после единственной беседы с ним. Я встретил его в лифте гостиницы «Полония». Это хилый белокурый молодой человек, с жёстким, но

беззаботным и довольно любезным выражением лица. «Чего действительно не хватает Польше,- сказал он в ответ на мой случайный вопрос о политическом положении, - так это ещё одной кровавой бани. Гражданская война - это её единственный путь к спасению».

Посольство США в это время возглавлялось Артуром Блиссом Лэйном - горьким пьяницей и игроком, бывшим в 1939 году министром-резидентом в Белграде.

Когда я навестил его в Варшаве, он разразился целой серией антисоветских «историй», настолько нелепых, что вряд ли они могли звучать убедительно для кого бы то ни было, и уж тем более для журналиста, который провёл пять лет в Москве.

«Номер первый» была история о том, как жён советских офицеров, возвращавшихся из Берлина в Москву, арестовали на советской границе, насильно обрили и одели в «русский национальный костюм», чтобы, как уверял меня американский дипломат, советский народ не был деморализован при виде перманента или европейского платья! «Мои люди присутствовали при этом», - заявил он мне.

* * *

Вскоре после возвращения из поездки по Восточной Европе я получил предложение редактора газеты «Таймс» временно выехать в английскую зону оккупации Германии.

Многое из виденного мною там свидетельствовало о той подозрительной терпимости, с какой английская администрация относилась к деятельности фашистов. Проезжая через сельскохозяйственные районы Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейна, я был удивлён множеством нарисованных повсюду свастик. Кроме того, я видел несколько раз, что немецкая молодёжь приветствует друг друга погитлеровски - поднятием руки. В районе Гамбурга была раскрыта тайная организация, именовавшая себя «радикал-националистской». У неё имелись свой подпольный арсенал, укрытый на английском аэродроме, свой военный штаб и тайная полиция. Английский суд выпустил на свободу

большинство арестованных членов этой организации, причём судья заявил, что желает дать им возможность «начать новую жизнь». На что они употребят эту новую жизнь, позволительно спросить?

Когда в 1946 году один член английского парламента торжественно заявил, что для него свобода убеждений означает свободу, если вздумается, стать фашистом, он как раз повторил то, что было на уме у очень многих занимавших ответственные посты в английской военной администрации в Германии.

Впрочем, это было не только на уме, это осуществлялось в жизни. Английские оккупационные власти санкционировали возвращение на ответственные посты видных немецких национал-социалистов. Северо-Германская комиссия по контролю над углём открыто игнорировала решения судов по денацификации и посмеивалась над протестами прогрессивных элементов немецкого общества. В школу под Гамбургом, которую создали для того, чтобы подготовить руководителей будущей организации немецкой молодёжи (директором этой школы был некий английский пастор), пригласили на несколько месяцев Курта Силекса (в прошлом ревностного пропагандиста речей Геббельса) для участия в политических дискуссиях. Нужно ли удивляться, что, имея перед глазами такие примеры, средний немецкий рабочий сомневается в добросовестности оккупационной армии, пришедшей на смену нацистам?..

Ничто не сгущало в такой мере атмосферу безнадёжности и угнетения в английской оккупационной зоне Германии, как лагеря перемещённых лиц, где большей частью содержались поляки и граждане прибалтийских советских республик. Формально обитателям этих лагерей якобы предоставлялась свобода начать новую жизнь по собственному желанию. В действительности же они были лишены какой бы то ни было свободы выбора, ибо в таких лагерях фактически распоряжались ярые реакционеры, скрывавшие от интернированных истинное положение дел в Восточной Европе и в Советском Союзе.

Я посетил некоторые лагеря, когда был в Германии, и у меня

сложилось твёрдое убеждение, что в них установлен настоящий режим политического террора. Почти все интернированные, находящиеся в этих лагерях, стремятся к себе на родину, но их постоянно запугивают всевозможными дикими баснями об их странах.

Однажды я узнал, что почти все обитатели одного из лагерей для поляков, на пути между городами Сойста и Гаммом, вопреки «советам» администрации лагеря, решили возвратиться в Польшу с поездом для репатриантов, который должен был уйти через несколько дней.

Однако когда я заехал в лагерь, то увидел, что вещи поляков распакованы, и все их планы коренным образом изменились. Я узнал причину этого у одной польки, худой и изможднной, с тремя маленькими детишками, цеплявшимися за её юбку. Комендант лагеря, скрыв до поры до времени бешенство, до которого довело это «игнорирование» его авторитета, пошёл на хитрость, объявив, что польская организация Красного Креста в Лондоне прислала специально для этого лагеря большую партию продуктов и одежды. Люди испытывали такой страшный голод, что этой провокации коменданта оказалось достаточно, чтобы они отложили своё возвращение на родину.

Естественно, что эти лагеря стали рассадником всевозможных преступлений. И ответственность за это несут англо-американские оккупационные власти, превратившие лагеря перемещённых лиц в рассадник лжи, провокации и террора.

* * *

Если в лагерях для перемещённых лиц свирепствовали голод и террор, то иные порядки существовали в лагерях для немецких преступников. Я побывал в одном таком лагере, близ Изерлона, где содержались бывшие чиновники национал-социалистских учреждений. Кроме несения не слишком трудных обязанностей, вроде уборки собственной комнаты, 1800 обитателей этого лагеря ничего не делали. Я спросил, чем же они заняты целый день? «Они слушают лекции», - ни на минуту не задумавшись, ответил английский офицер.

Библиотека, перевезённая из соседнего замка, состояла большей частью из книг по военной истории Германии.

Лекции, читавшиеся бывшими нацистами для бывших нацистов, состояли, главным образом, из теософии, метафизики и творчества Фридриха Ницше.

Я взял посмотреть книжку у одного экс-нациста, щеголеватого, наглого юнца, свежего как майский цвет. Он сидел в группе интернированных, - все они были в драповых пальто и держали на коленях мягкие фетровые шляпы.

«Меч духа» - так называлась книга - антология цитат из произведений Ницше. Под названием книги я прочёл: «Слово к немецкому бойцу и солдату».

То, что происходило в этом лагере при покровительстве англо-американских властей, звучит особенно кощунственно, потому что по соседству с ним находится братская могила, где похоронены сотни советских бойцов, погибших в борьбе с нацизмом, в борьбе за то, чтобы и в Англии была демократия.

Впрочем, совсем не обязательно было видеть лагерь для бывших нацистов, чтобы убедиться в их вольготной жизни в англо-американской зоне оккупации Германии.

Достаточно, например, было посмотреть, как жили бывшие офицеры вермахта. Большинство из них жило ничуть не хуже, чем до войны. В то время как трудовой народ Западной Германии переживал ужасающую нищету, эти люди не испытывали никаких затруднений.

Многим из них удалось избежать денацификации, потому что, как военные, они якобы не играли активной роли в национал-социалистской партии или связанных с нею организациях.

Один мой немецкий знакомый, общавшийся с этой военной кастой, хорошо охарактеризовал её традиции и её историю перечислением лозунгов, которые она последовательно принимала: «Да здравствует Бисмарк!

Да здравствует кайзер!

Да здравствует Гинденбург; долой красных!

Да здравствует Гитлер!

Да здравствует христианско-демократический союз!

(Потому что более правой организации пока не имеется.) Когда мы опять будем воевать с Россией?»

* * *

Осуществляя свой план расчленения Германии и превращения её в один из основных плацдармов в будущей войне против Советского Союза, англо-американские власти опирались на самые реакционные силы в Германии, в лице которых они нашли себе подобострастных помощников. Эта политика чрезвычайно осложнила, к примеру, перспективу урегулирования рурской проблемы ко времени московской встречи министров иностранных дел.

Иностранные дипломаты ожидали, что русские на этой конференции «будут сговорчивыми»,- ведь в СССР в тот год была засуха. Учитывая, что помощь ЮНРРА Украине и Белоруссии прекратилась, русским, должно быть, теперь приходится туго. Не успеет окончиться конференция, как они запросят помощи у американцев и откажутся от своего упрямства в вопросах денацификации и демилитаризации Германии. С такими настроениями многие английские и американские дипломаты приехали на заседания в Москву.

Руководители английской и американской делегаций даже не пытались скрывать своей враждебной по отношению к Советскому Союзу позиции. Всем делегатам США даны были секретные инструкции не вести никаких разговоров о работе конференции у себя в гостинице или даже в помещении посольства, - а только в особой «микрофононепроницаемой комнате». Предполагалось, что все телефонные разговоры перехватываются и во всех комнатах, занимаемых американцами, установлены аппараты для подслушивания.

Английская делегация и сопровождавшие её корреспонденты приехали в Москву одетыми, как для экспедиции на Северный полюс: в бесформенных, точно мешки, тёплых пальто и тяжёлых сапогах на шерстяной подкладке, которые Форейн Офис выдаёт всем едущим в Россию.

Они были весьма удивлены, а некоторые даже как будто разочарованы, когда оказалось, что жить им придётся в тёплых и светлых номерах комфортабельной гостиницы «Москва», что там их ждёт отлично организованное обслуживание, что к их услугам машины, закуска и выпивка в любой час, билеты во все театры и на все виды транспорта.

Всё это очень плохо вязалось с «убогой, некультурной и недружелюбной азиатской» столицей, которую они ожидали увидеть. Ведь уверял же Уолтер Ситрин, что в России все ванны без пробок! А рассказы журналистов Уайта и Уинтертона об «однообразии» московского пейзажа? А разговоры в Форейн Офис об ужасающей дороговизне жизни в Москве? Нарисовать ту отталкивающую картину Советского Союза, к которой готовились приезжие корреспонденты, оказывается не так легко. Правда, им «доподлинно» известно, что гостиница «Москва» - единственное современного типа здание в столице, и то туда пускают только генералов и членов правительства; а снег на главных улицах убирается лишь для отвода глаз заезжим иностранцам. Говорят, всем гражданам, живущим в центре Москвы, перед самой конференцией выдали новые костюмы, а магазины по улице Горького получили специальный приказ выставить в витринах побольше товаров. А эти живописные чистильщики обуви на перекрёстках - ведь их специально привезли с Кавказа, чтобы придать Москве некоторый экзотический колорит! Потом - кто знает - может быть, как только иностранные делегаты разъедутся, из номеров гостиницы уберут и ванны, и умывальники, и телефоны.

Вот какого рода басни ходили в эти дни между обитателями гостиницы «Москва».

* * *

Приехавшие из Лондона корреспонденты работали в тесном контакте с официальными должностными лицами. В английском посольстве каждое утро для них проводились инструктивные совещания, причём даже для английских корреспондентов, проживающих в Москве, доступ туда был закрыт. По-видимому, опасались, что их присутствие может нарушить гармонию отношений, существующих между Форейн Офис и дипломатическими корреспондентами, приехавшими из Лондона, которых называли «ручными тюленями».

Я невольно любовался искусством, с которым представитель Форейн Офис дрессировал своих «ручных тюленей». Его отчёты о работе конференции ограничивались перечислением фактов. Желательный для Форейн Офис тон подачи материала был заранее задан немногим избранным, и не малые усилия прилагались к тому, чтобы подчеркнуть «объективный» характер этих публичных пресс-конференций. Однако путём перестановки акцента, применения иронии и насмешки, путём сознательного обхода щекотливых тем достигалось именно то освещение событий, которое больше всего устраивало Форейн Офис.

Достаточно вспомнить, как были смазаны весьма серьёзные советские обвинения против Динкельбаха и других бывших нацистов, состоявших на английской службе. Представитель Форейн Офис спотыкался на немецких именах, не знал, как они пишутся, и под конец заявил, что «не стоит задерживаться на этом вопросе, так как он имеет лишь второстепенное значение». А между тем от разрешения вопроса о денацификации Рура в значительной степени зависел исход Московской сессии совета министров иностранных дел.

Ещё в ходе сессии по той информации, которую получили журналисты, нетрудно было убедиться, что линия англо-американцев, а за ними и французской делегации должна привести к провалу переговоров. Вслед за этим англо-американский блок планировал образование «Бизоний» как антисоветского заслона. Уильям Стрэнг, в то время представитель Форейн Офис в Германии, в своих кратких интервью с представителями прессы заявил, что Англия

должна быть «реалистичной». Быть «реалистичной», по мнению этого выразителя взглядов министерства иностранных дел, означало отказаться от «всего иного вздора» о демократизации британской зоны оккупации Германии, это означало полное принятие американской политики «свободного предпринимательства», под чем подразумевалось предоставление власти германским промышленникам при условии, что они будут действовать в американских интересах.

Мой коллега Пьер Куртад, который был на обеде у Джона Фостера Даллеса, рассказывал, что Даллес пытался убедить французских корреспондентов, что Франция может защитить себя от британских посягательств на французскую независимость, только если она объединится с Германией в западноевропейскую федерацию под покровительством США. Сообщения об этом обеде вызвали серьёзный переполох, когда они дошли до англичан, поскольку в то время Бевин и его сторонники настойчиво проповедовали теорию о том, что они находятся в тесном сотрудничестве с Францией (Бевин только что подписал англо-французское соглашение в Кале) и поэтому Франция, мол, должна защищать себя от американских посягательств.

* * *

Многие маститые журналисты Америки и Европы использовали сессию министров для того, чтобы побывать в Москве. В английском и американском посольствах спешно принимались меры к тому, чтобы эти новые обозреватели не вздумали нарисовать такую картину советской жизни, которая расходилась бы с открыто антисоветской позицией этих посольств. Англо-американские дипломаты были сугубо заинтересованы в том, чтобы истинная жизнь Советского Союза оставалась скрытой от общественного мнения их стран. Ведь это они усиленно распространяли басни о том, что послевоенная пятилетка не разрешит проблемы повышения жизненного уровня советских людей.

Как только иностранные корреспонденты приехали в Москву, их сейчас же уведомили, что посольства располагают большим количеством информационного материала, которым они могут

пользоваться. Английское посольство предлагало готовые отпечатанные отчёты о советской культуре, просвещении и других сторонах жизни СССР; посольство США тоже порадовало американских корреспондентов отчётами, составленными с целью доказательства той истины, что «крах советского государства неизбежен».

За всю свою журналистскую деятельность я не встречал примеров столь трогательного сотрудничества официальных представителей правительства с газетными корреспондентами. Американские журналисты в Москве, главным образом, занимались тем, что переписывали посольские отчёты. Поль Уорд, корреспондент «Балтимор Сан», именно из этого источника почерпнул почти весь материал для своего цикла статей об СССР. За меткость своих «наблюдений» о Советском Союзе он получил в 1947 г. Пулитцеровскую премию, считающуюся в западном мире высшей наградой.

Представитель журнала «Тайм», Сэм Уэллс, специально затянул своё пребывание в Москве, чтобы закончить переписывание посольских отчётов в свой блокнот.

Год спустя вышла его книжка о Советском Союзе, в которой глава о просвещении в СССР целиком построена на материалах английского посольства, и эта книжка была разрекламирована как результат «личного изучения» автором условий жизни в Советской России!

Но рекорд фальсификации побил французский корреспондент Падовани, описывавший русский быт якобы со слов некой русской девушки по имени... Миша!

Вестибюль гостиницы «Москва» во время Московской сессии совета министров служил местом сборищ иностранных делегатов и гостей. Спесивые чины американской военной полиции в белых касках, кучки суетливых корреспондентов с блокнотами в руках, старательно записывающих каждое слово официальных представителей Форейн Офис, американские генералы, втихомолку поругивающие русских в беседе с молодыми адъютантами, английские машинистки, обрадованные перспективой впервые в жизни увидеть русский

балет, чикагский журналист, громко хвастающий «первосортным» материалом для статьи, который дало ему посещение вытрезвителя, и его коллега-француз, возмущённый тем, что, когда он стоял на площади Дзержинского с картой в одной руке и фотоаппаратом в другой, к нему подошёл милиционер и потребовал документы.

В те дни, возвращаясь домой из гостиницы «Москва», я спрашивал себя: почему эти люди упорно не хотят объективно информировать общественное мнение о Советском Союзе? Почему дипломатический обозреватель «Дэйли телеграф» Эшли предпочитает шлёпать по грязи в мартовскую оттепель, чтобы потом оплакивать какой-нибудь разваливающийся обломок Московской Руси в тихом арбатском переулочке, а не едет полюбоваться новыми многоэтажными домами на Калужском шоссе? Откуда взялось убеждение, что если люди не заняты исключительно своими нарядами, значит, они невосприимчивы к культуре, что девушка, которая водит троллейбус, неспособна к любви и романтике, что люди, мечтающие о строительстве новых заводов в своей стране и радостно следящие за успехами народно-освободительных войск в Китае, не могут, надев новые туфли, с увлечением носиться в вальсе?

Было время, когда некоторые из этих людей готовы были видеть в Советском Союзе «интересный эксперимент» «временного гостя» на земле, но испугались, когда этот гость выразил намерение остаться навсегда. Они успокаивали тайную тревогу, которую внушал им советский коммунизм, соображением, что это эксперимент, возможный лишь на русской почве; но то, что они увидели в Москве Первого мая, окончательно убедило их, что на Красную площадь устремлены взоры рабочих всего мира. И от этого им стало так страшно, что они, спрятав в карман свою «объективность», стали ещё более ревностно служить своим хозяевам.

* * *

Оправдываясь неудачей московской конференции, западные державы усиленными темпами стали осуществлять свои планы развития Западной Германии в духе, прямо противоположном

решениям Ялты и Потсдама.

Это можно было предвидеть по некоторым замечаниям Бевина на приёме корреспондентов в Москве в апреле 1947 г. перед отъездом делегаций. Было совершенно очевидно, что для него московская конференция послужила лишь новым поводом к нарушению обязательств, торжественно взятых в Потсдаме. На протяжении всей своей карьеры тредюнионистского лидера Бевин придерживался принципа: «с коммунистами работать нельзя» и, сделавшись министром иностранных дел, остался верным этому принципу. И Бевин даже не трудился скрыть своё удовлетворение по поводу того, что Московская сессия совета министров иностранных дел развязывала ему руки для новых односторонних действий в Западной Германии.

Естественным развитием позиции, занятой англоамериканцами в Москве, явился тот роковой день, когда мир узнал о том, что в Руре снова пришли к власти гитлеровские военачальники.

Конечно, немецкие промышленники и финансисты, вновь всплывшие после временной опалы, служат лишь ширмой для настоящих хозяев Рура, представителей англо-американского капитала, таких, как И. Стил, вицепрезидент одного из крупнейших угольных концернов в США, как его помощник Маршалл из Питтсбургской «Кол консолидэйтед компани». Немецкие промышленники снова пробрались к власти с разрешения генерала Клея, который сказал, что «если устранять тех, кто наживался в годы гитлеризма, придётся устранить всех способных и деловых людей».

Англо-американская дипломатия в СССР после войны

Во время войны в Англии был создан целый ряд организаций, большей частью секретных, основной целью которых было расширить сеть своих агентов в других странах. Английское министерство иностранных дел восстановило так называемый «Пид» - отдел политической разведки, функционировавший во время Первой мировой войны. Во главе его был поставлен Рекс Липер, который впоследствии, в период кампании против греческих патриотов в 1944 году, был английским послом в

Греции. «Пид» проводил тайную разведку во всех странах, которые уже участвовали или по всем данным должны были рано или поздно принять участие в войне.

В 1939 г. руководителем русского отдела «Пид» был назначен Брюс Локкарт, известный тем, что, находясь в 1918 г. в России, он вместе с генеральными консулами США и Франции организовал заговор, названный «заговором дипломатов». Впоследствии Локкарт был назначен начальником отдела разведки в Восточной Европе и на Балканах.

В помощь отделу политической разведки, «Пид», был создан ещё специальный «исследовательский» отдел, возглавляемый профессором Тойнби. Штат его был набран большей частью из членов Королевского института международных отношений (Чэтэм-Хауз), где под маской «научной объективности» много лет собирали антисоветский материал.

Сторонники Мюнхенского соглашения, в частности сэр Самюэль Хор, задавали тон и в министерстве информации, ведавшем пропагандой в союзных и нейтральных странах. Когда к власти пришёл Черчилль, во главе этого министерства был поставлен Брэнден Брэкен, который стал политическим деятелем после весьма успешной карьеры в торговой газете в Сити.

Пропагандой во вражеских и оккупированных врагом странах ведал сугубо секретный отдел, помещающийся в Уоберн-Эбби, усадьбе герцога Бедфордского.

Здесь работала большая группа мужчин и женщин из самых разных слоёв населения: бизнесмены, журналисты, школьные учителя, агенты по сбору объявлений, биржевые маклеры, учёные-психологи. Работали они в тесном контакте с находившимися в Англии эмигрантскими правительствами, так как каждое из этих правительств имело свою собственную разведку. Секретный отдел в Уоберн-Эбби в 1940 году был подчинён Хью Далтону, министру военного снабжения, в то время как фактическим руководителем отдела оставался Рекс Липер.

В этом отделе имелась особо секретная военная секция, работа

которой была связана со снабжением армий.

Она же посылала агентов туда, где существовало движение сопротивления. Об организации этой секции рассказывают следующее. Вскоре после того, как Черчилль занял свой пост, он решил, что нужно использовать в своих целях движение сопротивления в Европе. Он сказал Эттли по телефону: «Послушайте, Эттли, нам придётся помочь поднять революцию в Европе. Это ведь по вашей части, поскольку вы лейборист. Не посоветуете ли, кому из министров поручить это дело?» И Эттли, зная, как Хью Далтону хочется сделать карьеру в области внешней политики, предложил передать новую организацию в ведение министерства военного снабжения, во главе которого стоял тогда Далтон.

Все эти разведывательные организации снабжали министерство иностранных дел и военное министерство обширной информацией.

* * *

Уже в 1943 году шли разговоры о том, что, когда всё придёт в норму, необходимо реорганизовать английское дипломатическое ведомство. Были в Англии люди, которые, учитывая позорный провал предвоенных дипломатических отношений Англии с Восточной Европой и Балканскими странами, говорили, что в будущем министерству иностранных дел следует лучше знать, что думают и чувствуют народы, с правительствами которых ему приходится иметь дело.

Вскоре после окончания войны член парламента и в прошлом лектор Оксфордского университета, Ричард Кроссмэн, работавший сначала в отделе в Уоберн-Эбби, а потом находившийся в качестве политического консультанта при генерале Эйзенхауэре в Северной Африке и Париже, писал: «Какой должен быть следующий шаг? Мы видели, сколько ошибок было сделано из-за того, что департаменты министерства иностранных дел полагались на тенденциозную информацию, получаемую от наших посольств за границей. Этот недочёт можно устранить, если будет создан самостоятельный отдел разведки для сбора и оценки всей

нужной нам информации, политической, социальной, экономической и стратегической.

Пожалуй, ныне существующая библиотека могла бы стать основным ядром такого разведывательного отдела, но тогда её придётся сильно расширить, пополнить и пересмотреть весь её штат. Это будет нетрудно, так как в различных организациях военного времени, обслуживавших министерство иностранных дел, имеются разведывательные секции, где прекрасно и по-новому поставлено дело».

С окончанием войны отпала надобность в различных специальных организациях разведки, которые в Лондоне в эти годы росли как грибы, и перед министерством иностранных дел встал вопрос, как бы всё-таки сохранить многочисленные добавочные источники, обогащавшие сведениями его секретные папки и картотеки. Было много разговоров о том, как сделать структуру Форейн Офис более «обтекаемой», как «демократизировать» дипломатию и бороться с традиционной рутиной. Но каждый раз, когда дело шло о Советском Союзе и странах народной демократии, все эти громкие слова и благие намерения сводились к одному: как организовать там широкий шпионаж.

Много внимания было уделено реорганизации службы информации Форейн Офис, которая выполняет двойную функцию: 1) информирует английскую прессу и радио и руководит ими, 2) снабжает все другие страны текущей информацией.

Новая разведка должна была играть важную роль - лить воду на мельницу Эттли - Бевина. Министерство иностранных дел усиленно старалось «исправить» то доброе мнение о Советском Союзе, какое народ Англии составил себе за годы войны. Для этого оно употребило всё своё влияние на Би-би-си и прессу, действуя через всяких неофициальных и полуофициальных советчиков.

Общественное мнение Англии и Америки систематически вводится в заблуждение разными «популярными» фельетонистами и авторами сенсационных статей,

черпающими свои сведения, главным образом, из официальных английских источников.

В народных массах отмечался все эти годы огромный интерес к Советскому Союзу. После войны спрос на серьёзные книги о СССР увеличился, а издатели усиленно старались снабжать публику сенсационными «разоблачениями» Страны Советов. Обиженные генералы, не сумевшие сделать карьеру на своей службе во время войны в военных союзнических миссиях в Москве, бесчестные журналисты, почуявшие послевоенные настроения правящих кругов, подкупленные предатели, эмигранты-белогвардейцы и троцкисты, присмиревшие было в годы войны, - словом, можно было бы продолжить этот перечень писак, которые, уверяя публику, что они открывают ей «загадки России», на самом деле стремятся подорвать авторитет, который Советский Союз завоевал себе во всём мире.

* * *

Чтобы понять, насколько деятельность дипломатов Форейн Офис за границей шла вразрез со стремлением народа Англии к мирным и дружеским отношениям с другими миролюбивыми народами, надо поближе присмотреться к жизни и деятельности английских дипломатов в Москве. Отправимся же для этого, читатель, в старинный особняк на Софийской набережной.

Во время войны и в первые послевоенные месяцы пост английского посла в Москве занимал сэр Арчибальд Кларк Керр, сменивший сэра Стаффорда Криппса в 1942 году. Сложилось всеобщее мнение, что Кларк Керр слишком склоняется перед своими американскими коллегами. В начале своей долголетней дипломатической карьеры он занимал должность английского атташе в Вашингтоне и теперь любил повторять, что те годы были счастливейшими в его жизни. Он работал тогда в тесном общении с Уолтером Липпманом (который впоследствии стал одним из ведущих американских публицистов и ярым пропагандистом идеи англо-американского мирового господства) и с Ф. Франкфуртером, позже членом верховного суда США.

Керр не скрывал своих симпатий к американцам. За последний год-два его службы в Москве в среде дипломатов ни для кого не было секретом, что Керр мечтает о переводе на пост английского посла в США. Эти симпатии Керра наиболее сильно проявлялись в отношении Джорджа Ф. Кеннана, бывшего в то время советником американского посольства в Москве при Гарримане и ставшего впоследствии одним из пропагандистов «холодной войны».

Впервые я встретил этого американского дипломата в Праге ещё до войны.

Кеннан, родившийся в богатой семье и получивший образование в военной академии, к моменту нашей пражской встречи уже довольно далеко продвинулся на дипломатическом поприще. В течение пятнадцати лет его перебрасывали с места на место: он побывал в Швейцарии, Германии, Риге и в Москве. Государственный департамент считал, что большую часть этого времени он проходил специальную «русскую» подготовку.

Кеннан основательно изучил русский язык, литературу, историю и другие родственные дисциплины. Он был одним из первых в группе американских дипломатов, воспитанных на идее, что со временем, когда изоляционистские взгляды американской публики будут изжиты, Соединённые Штаты приберут к рукам все области международных дел.

В прекрасном, спокойном саду миссии США в Праге Кеннан лицемерно заявил мне, что он - «друг и почитатель русского народа». Он говорил, что скучает по лесным прогалинам и лугам Подмосковья, по катанью на коньках и игре в теннис на посольской даче, по «милым русским людям». На самом же деле Кеннан всегда смотрел на Россию как на страну, которую американцам ещё предстоит завоевать и колонизировать.

В Америке он обзавёлся выстроенным каким-то украинским эмигрантом загородным домом - точной копией старорусской помещичьей усадьбы. Здесь, поработав над планами окружения Советского Союза военными базами Соединённых

Штатов, он может хотя бы в мечтах представлять себя русским помещиком...

* * *

Объявление Советскому Союзу «холодной войны» произошло тогда, когда Советская Армия ещё вела жестокую борьбу с гитлеровскими ордами. Фронт на Одере ещё не был прорван, Будапешт оставался ещё в руках немцев, а Рур не был занят армией Эйзенхауэра. Но уже было ясно, что победит СССР, и вот представитель Государственного департамента в Советском Союзе Кеннан уже говорит о новой войне. Жертвой её должны стать народные массы во всём мире. С иезуитской жестокостью этот стратег «холодной войны» и проповедник антисоветской внешней политики США рассчитывал, что советский народ придёт к победе «физически и морально выдохшимся», разочарованным. В погоне за этой своей эфемерной мечтой, Кеннан доносил своему правительству, что советские люди «утратили веру в свой строй и преданность ему». Представитель нации, которая своим спасением обязана высокому мастерству советских танкистов и артиллеристов, презрительно отзывался о новых технических достижениях советской науки, о «невежественных крестьянах, которых обучили кое-как орудовать машинами». Человек, который был в Москве в священные, радостные дни победы, говорил об «усталости и унынии» советских людей, о том, что «Россия станет экономически уязвимой и в некотором смысле обессиленной державой».

Разумеется, сам Кеннан ни на одну минуту не верил в то, что писал. Я убедился в этом во время прогулки с ним как-то раз, незадолго до окончания войны. Мы шагали по боковым улицам Таганки и беседовали. Кеннан злобно отворачивался от действительной жизни Москвы, сознательно не хотел видеть всего того, что доказывало мощь советского государства и, в подтверждение своих донесений в США, указывал мне то на ветхость домов, запущенных за годы войны, то на усталые лица москвичей, так много перенёсших за эти годы.

Однако он был достаточно умён, чтобы не заметить неисчерпаемый запас сил и энергии Советского Союза.

Он хотел ввести в заблуждение народ Америки, помочь своим хозяевам в Государственном департаменте поднять дух агрессии в растерявшемся и одряхлевшем капиталистическом мире; он уверял, что от Америки «зависит жизнь или смерть СССР», что она может «довести до высочайшего предела давление на политику советской власти», «нажать на Кремль» и так далее, и так далее. Всё это Кеннан писал в своём докладе, который двумя годами позже был напечатан в одном американском журнале за скромной подписью «X».

Словом, Кеннан был первым и в некоторых отношениях самым влиятельным агентом американских поджигателей войны. Ему следовало бы поставить памятники на тех сотнях военных баз, которые имеет Америка по всему свету.

И вот перед этим человеком, со звериной ненавистью к Советскому Союзу, перед этим «стратегом» преступной «холодной войны» английский посол в Москве сэр Арчибальд Кларк Керр подобострастно гнул спину.

* * *

В течение всех военных лет можно было наблюдать, как английское посольство всё больше и больше подчинялось посольству США. Всякому англичанину, убеждённому, что дальнейшая независимость его родины в международных делах в первую очередь зависит от той позиции, которую Англия займёт в отношении США, тягостно было наблюдать преклонение английских дипломатов в Москве перед их американскими коллегами.

Один инцидент ярко продемонстрировал мне отношения, существующие между обоими посольствами.

Я написал в представляемые мною газеты о том, что советский народ возмущён необоснованным обвинением американского посла адмирала Стэнли, будто Советское правительство намеренно скрывает от населения, что Советский Союз получает продукты по ленд-лизу из Америки.

Сэр Арчибальд Кларк Керр счёл нужным принести за меня письменные извинения Стэнли, причём меня поставил об этом в известность уже после того, как письмо было послано. По-видимому, американцев следовало безоговорочно считать безупречными.

«Удивляюсь, как это вы решаетесь здесь показываться», - заметил сэр Арчибальд, когда мы с ним встретились немного спустя в американском посольстве.

Когда послом Соединённых Штатов был назначен Аверелл Гарриман, позиция смиренного послушания, занятая британским посольством, выявилась ещё более ярко.

Правда, в дипломатических кругах ходили упорные слухи, что Кларка Керра, как старшего и более опытного дипломата, отнюдь не радовала второстепенная роль, которую ему предлагали играть; но, съездив в Англию и проконсультировавшись с английским правительством, он стал так подчёркнуто выражать своё уважение к своему американскому послу, что эти слухи сразу прекратились.

Корреспондентам английских газет в Москве гораздо труднее было получить доступ к британскому послу, чем американским журналистам.

Более того, одно время существовало соглашение, по которому английские корреспонденты пользовались правом присутствовать на пресс-конференциях Гарримана, а для американцев, в свою очередь, были открыты двери английского посольства. Такое положение устраивало обе стороны, однако в скором времени доступ английским корреспондентам в американское посольство был прекращён, а когда они, пытаясь восстановить справедливость, потребовали, чтобы и американцев не допускали в английское посольство, - им заявили, что «это было бы неудобно».

Таким образом, в дипломатическом корпусе ведущую роль играли американцы, особенно если это были люди, называвшие себя «специалистами по Советскому Союзу» - как Джордж Кеннан и Дюрброу. Американцы заняли место, прежде

принадлежавшее немецким дипломатам. Подобно тому, как мягкоречивый миллионер Гарриман, магнат судостроительной, авиационной и железнодорожной промышленности, финансист и бывший концессионер Чиатурских марганцево-рудных разработок в Грузии, человек с лицом преступника, оплачивающего шантаж, чтобы спастись от разоблачений, вечно сутулящийся, словно от страха перед ближним - подобно тому, как этот Гарриман командовал шотландским дворянином Кларком Керром, так и позже в трио Кеннан - Роберте - Шарпантье первую скрипку играл не француз и не англичанин, а американец. Начиная с 1944 года, почти каждый дипломатический демарш по адресу Советского Союза согласуется между тремя посольствами, причём решающий голос всегда принадлежит американцам.

* * *

Американцы были очень довольны прислужничеством Кларка Керра - настолько довольны, что группа влиятельных американских журналистов, находившихся в Москве, начала агитацию за то, чтобы он был назначен британским послом в Вашингтоне.

В конце концов сэр Арчибальд дождался осуществления своей мечты: он был назначен британским послом в США после войны, когда лейбористскому правительству понадобился подходящий человек, для того чтобы представлять в США Великобританию, отказавшуюся от своей независимости.

В 1946 году в Москву на место сэра Арчибальда Кларка Керра был назначен сэр Морис Петерсон, дипломат старой школы, карьера которого, как говорили, близилась к концу. Если английские журналисты могли, и вполне резонно, жаловаться на то, что Кларк Керр беседует только с их американскими коллегами, то про его преемника справедливо было бы сказать, что он совсем ни с кем не беседовал. Он был по крайней мере «беспристрастен» и решительно ни с кем не делился своей государственной мудростью.

Дипломатическим кругам трёхлетнее пребывание Петерсона на московском посту памятно, главным образом, по знаменитой

«чашке чая» на Софийской набережной. Вот что произошло за этой «чашкой чая».

Как-то раз зимним вечером прохожие могли наблюдать, как одна машина за другой подкатывали по Софийской набережной к британскому посольству и въезжали во двор. Главы всех дипломатических миссий в Москве подымались по лестнице, проходили через тёмный холл в большую с позолоченными стенами приёмную чрезвычайного посла его величества короля Англии.

Однако это не был обычный приём за чашкой чая.

Дело в том, что в это время в Советском Союзе была объявлена денежная реформа. С момента проведения денежной реформы дипломатический корпус горел негодованием. Возврат к открытой торговле означал, что дипломаты лишаются привилегии покупать в «закрытом» магазине. Теперь они были вынуждены - подумать страшно! - сталкиваться с «местными жителями».

В смелом мероприятии советского правительства, направленном на улучшение условий жизни 200 миллионов населения, они не усматривали ничего, кроме неудобств для себя.

На приёме, устроенном британским послом фактически в связи с денежной реформой, британские, французские и американские дипломаты сделали попытку убедить старшину дипломатического корпуса китайского посла Фу Бин-чана созвать собрание, чтобы обсудить возможность совместного протеста министру иностранных дел Советского Союза.

Фу Бин-чан хмыкнул. Затем он откашлялся. Затем он улыбнулся: «Будет ли удобно некоторым посольствам - я не говорю каким именно, заметьте это - выступать с подобным протестом? Разве некоторые посольства - я опять не говорю какие именно, очень прошу отметить это - не нарушили данные ими обязательства не вводить в обращение обесцененных денег?» (Речь идёт о незаконном ввозе в СССР иностранными дипломатами фальшивых, а также выпущенных немцами купюр

по образцу советских денег. - Авт.) Однако эта дипломатическая речь Фу Бин-чана не удовлетворила посланцев западных держав, и по предложению французского и американского поверенных в делах британский посол тут же созвал собрание.

Дипломаты уселись в круг. Можно было подумать, что они собираются играть в жмурки или какую-нибудь другую невинную детскую игру. Это впечатление усилилось, когда в самой середине круга преспокойно расположился старый пёс Бриндл, закадычный друг сэра Мориса Петерсона. Пёс внимательно оглядел собравшихся дипломатов, улёгся и заснул.

После того как хозяин прочитал проект заявления, составленного в выражениях, с которыми приличнее было бы обратиться к вождю маленького племени в колониальной стране, чем к правительству великой державы, воцарилось молчание. Казалось, тут незримо присутствует дух Пальмерстона и вот-вот британская канонерка подымется по Москве-реке и бросит якорь между британским посольством и Большим Кремлёвским дворцом.

- Молоко, молоко! - нарушая молчание, вскричал осанистый турецкий посол Фаик Акдур.

- Уже три дня мои малютки не имеют молока! Вы должны сказать об этом в протесте.

Наконец кто-то решился напомнить одну неприятную подробность: о спекуляциях иностранных дипломатов рублём и... чаепитие на Софийской набережной закончилось в атмосфере непривычной здесь неловкости.

Проект протеста даже не был поставлен на голосование.

Попытка английского посла организовать вмешательство иностранных держав в советские внутренние дела окончилась провалом, и сэр Морис Петерсон снова «ушёл в себя». Только к концу пребывания в Москве этот флегматичный посол проявил некоторые признаки оживления. По примеру американского

правительства, которое ограничило число виз делегатам на Конгресс в защиту мира в Нью-Йорке, сэр Морис Петерсон начал бомбардировать Форейн Офис телеграммами с требованием не давать виз гражданам Советского Союза, которых приглашали в Англию прогрессивные общественные организации.

* * *

Но пусть читатель не думает, что флегматичность английского посла означала бездеятельность посольства. Как я уже говорил, у английского посольства есть два лица: на одно из них смотрит публика, а другое само смотрит на публику. В основном вся повседневная работа лежит на советниках посольства, которые должны совместно со своими коллегами-дипломатами проводить в жизнь политику Форейн Офис и постоянно держать Форейн Офис в курсе всех дел в Советском Союзе на основании имеющейся у них информации, доставляемой агентами и так называемыми экспертами. Поэтому я хочу остановиться на деятельности человека, игравшего в английском посольстве роль аккумулятора всех антисоветских настроений и клеветнических измышлений.

Я говорю о помощнике английского верховного комиссара в Индии Фрэнке Робертсе.

С 1944 по 1947 год Робертс был английским посланником в Москве и одним из самых влиятельных людей в иностранных дипломатических кругах советской столицы.

Фрэнк Робертс, подвижный и чем-то смахивающий на птицу человек, всегда элегантный, чрезвычайно работоспособный и жадно подхватывающий всякие слухи, прибыл в Москву с репутацией «восходящей звезды» в английском министерстве иностранных дел. В годы войны, когда Англия выступала в роли комиссионера Америки, пытавшейся превратить Азорские острова в свою атлантическую базу, Робертс был послан в Лиссабон, где он ловко умиротворил воинственного и подозрительного Салазара в такой момент, когда нетерпение, проявляемое военными кругами Америки, явно грозило сорвать переговоры. И Лондон и Вашингтон остались весьма довольны

тем, как Робертс выполнил эту лиссабонскую миссию.

Робертс в своей работе сочетал старую и новую школу дипломатии. Он умел быть любезным и внимательным слушателем и гостеприимным хозяином, как и его жена, знатная египтянка, дочь бывшего египетского сановника. Свою притворную «объективность» он использовал для того, чтобы возбудить к себе интерес и ловить на удочку этой «объективности» излишне доверчивых людей. Он всегда сохранял на лице улыбку, всегда был невозмутим и выдержан. Слишком осторожный и слишком честолюбивый, он тем не менее способен был откровенно и нагло доказывать «неизбежность» столкновения с Россией. Так как Робертс превосходно проводил политику своих хозяев, то он быстро делал карьеру. Бевин его ценил не менее, чем Иден, и после работы в Москве Робертс был назначен личным секретарём Бевина, а потом его перевели на более высокий пост помощника английского верховного комиссара в Индии.

В английских дипломатических кругах, где тон задавал Фрэнк Робертс, все разговоры вертелись вокруг того, что надо «выиграть время», пока Англия опять станет великой державой, способной проводить самостоятельную внешнюю политику. Робертс любил сравнивать послевоенное положение Великобритании с тем положением, в котором она оказалась после потери колоний в Америке в XVIII веке. Он говорил, что Англия должна использовать весь свой опыт и искусство дипломатии, для того чтобы выиграть время и поддерживать международные отношения в неопределённом, неустойчивом состоянии. Другими словами, следовало, по его мнению, всячески мешать стабилизации международного положения, которая могла быть достигнута в случае дружественного согласия между СССР и США.

В таких спорах и разговорах родилась идея, что Великобритания может выжить лишь в том случае, если использует трения между Америкой и Россией и упросит Америку оказать «помощь против коммунистической агрессии»: тогда будет обеспечен приток долларов в те области, где этого требуют стратегические и экономические интересы правящего класса Англии.

Не кто иной, как Фрэнк Робертс был главным инициатором создания «Секретариата по русским делам», который должен был пополнять секретные папки Форейн Офис различного рода сведениями о Советском Союзе - политическими, экономическими, социальными и стратегическими. Робертс укрепил организационную связь между английским и американским посольствами в Москве, придумав систему объединённой картотеки для собирания сведений о видных людях Советского Союза. Он умел, когда нужно, обмануть людей своей «простотой» и бесцеремонностью и ловко выуживал сведения у сотрудников других посольств.

* * *

Робертс часто устраивал всякого рода званые вечера, так как усердно старался завязывать «самые обширные знакомства» и связи в дипломатическом корпусе.

Вот как обычно проходили эти дипломатические «коктейль парти».

В течение нескольких часов человек пятьдесят-шестьдесят стоят тесной толпой в комнате, полной табачного дыма. Шум такой, что приходилось кричать, если хочешь быть услышанным. Одно неосторожное движение - и вы прольёте содержимое своего стакана на мундир соседа. Бочкообразный Джордж Хилл с сигарой в зубах стоит между двумя стройными и почтительными субалтернами. Он хватает за пуговицу всякого журналиста, который оказывается вблизи, осведомляется, есть ли здесь сегодня какие-нибудь русские, и командует: «Тащите их сюда». В дверях появляется дипломат одной из латинских стран, высокий, узкоплечий мужчина, с бегающими глазами. Он напоминает гончую, которая, нюхая воздух, ищет затравленную лисицу. Такое же выражение я замечал на лицах иностранцев, охотящихся за ценными вещами в комиссионных магазинах Москвы. Высмотрев в толпе гостей кого ему надо, дипломат проталкивается к группе, в которой стоит американский поверенный в делах, нервно кашляет и весь съёживается, когда его коллега-янки тычет его в живот, и слушает, слушает.

А вот пара американских журналистов. С наглой хвастливостью они рассказывают внимательно слушающему их английскому пресс-атташе о своих недавних «подвигах» в отделе печати советского министерства иностранных дел.

Мутноглазый офицер из британской морской миссии в Архангельске, в припадке чёрной меланхолии, набрасывается на напитки, которые разносят слуги, и мысленно прикидывает, сколько можно запросить за чемодан с русскими рублями, который он прячет у себя в номере под кроватью. Все вокруг пьют так, как будто им целую неделю нечем было утолить жажду.

В одном углу представители армии толкуют о балете. Этих любителей хореографии всегда можно встретить в фойе Большого театра, стоящих отдельной группой.

В 1942 году их в публике называли «вторым фронтом».

В углу, несколько в тени, стоят человек шесть-семь, которые пришли сюда не столько в гости, сколько по важным делам. Среди них помощник военного атташе, посланный в Москву для того, чтобы доносить военному министерству Англии о положении в Советском Союзе. Рядом с ним стоит желчный молодой человек, секретарь английского посольства, на которого возложена специальная задача «координировать все дипломатические шаги английского и американского посольств».

В настоящую минуту он ожидает курьера из США, которого нелётная погода задержала в Баку и который, наверное, везёт интересные новости. В этой же компании я вижу журналиста, который слывёт лучшим рассказчиком антисоветских анекдотов в Москве, а также «специалиста по русским делам», который за двенадцать лет выучил только с полдюжины русских слов и всё ещё, говоря о русских, называет их «туземцами». А вот учёный с кислой физиономией, изучающий историю России и считающий своим долгом не верить ничему, что пишется в советской прессе, и верить всему, что он подслушивает в трамвае.

Время от времени эти господа ныряют в толпу и вновь появляются, обсыпанные пеплом папирос, облитые вином, но зато таща кого-нибудь на буксире, и, отыскав укромный уголок, заводят беседу вполголоса.

Но вот русские гости ушли. Послы уехали на званые обеды. Атмосфера стала более непринуждённой. Теперь можно вслух ругать русских. Моряка из архангельской миссии тошнит в уборной, в спальне хозяина уже идёт драка, оставшиеся гости усаживаются и просматривают журналы «Лайф» и «Эсквайр». Американцы теперь всерьёз принимаются за виски. Кто-то куда-то звонит по телефону...

* * *

Воздействие на английское общественное мнение с целью скрыть или исказить правду о Советском Союзе является одной из основных задач английских дипломатов в Москве. Робертс проявил в этом отношении большую ловкость. Он старательно выискивал «тёмные пятна» в жизни Советского Союза, используя для «доказательств» критические статьи, которые публикует советская пресса. Робертс требовал, чтобы сотрудники посольства, проводившие отпуск в Советском Союзе, писали ему самые подробные сообщения и отчёты обо всём виденном и слышанном. И если отыскивалось что-нибудь «подходящее» для того, чтобы бросить тень на советский строй, можно было быть уверенным, что такое сообщение быстро найдёт себе дорогу в газеты через отдел печати Форейн Офис. Очень часто Робертс давал специальные задания. Так его «эксперты по русским делам» получали задание «найти» в закавказской и среднеазиатской печати доказательства злоупотреблений «Положением о колхозах», отыскать или придумать примеры проявлений национализма в Западной Украине.

Кто же такие эти «эксперты по советским делам» и что они делают?

Основной организацией, поставляющей «экспертов», является «Секретариат по русским делам» английского министерства

иностранных дел, созданный ещё во время войны. Вскоре после войны один молодой английский дипломат, Адам Уотсон, немало приложивший сил для организации координации работы английского и американского посольств в Москве по сбору сведений о СССР, говорил мне, что «Секретариат по русским делам» был создан для подготовки кадров молодых специалистов по делам Советского Союза и славянских стран, наподобие тех, какие имелись в государственном департаменте США. По словам Уотсона, этот «Русский» или «Славянский» секретариат уже имел своих представителей в Москве и почти во всех столицах Восточной Европы, а также в Хельсинки и Южной Корее. Это были специальные, освобождённые от обычных обязанностей, сотрудники посольства, занятые только сбором, сверкой и систематизацией материалов, освещающих все стороны жизни в тех странах, где они работали.

Естественно возникает вопрос: какие люди занимаются сбором информации и для чего они это делают?

Форейн Офис укомплектовал «Секретариат по русским делам» людьми, чьи взгляды, конечно, ни в какой мере не отражали послевоенного настроения английского народа, который горячо стремился к сотрудничеству и доброжелательным отношениям с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Уже через несколько месяцев после заключения мира стало очевидным, что лейбористскому правительству нужно, чтобы эта новая разведка поставляла сведения, которые можно было бы использовать во вред Советскому Союзу, всем прогрессивным силам Европы, а также для борьбы против рабочего класса Британии. В Варшаву, например, был послан Майкл Уинч, задушевный друг немощных польских аристократов, томный сибарит, типичный образец английской дилетантствующей интеллигенции. Будапештский представитель, некий Редуорд, ещё до войны славился в журналистских кругах как приверженец самых реакционных политических группировок Венгрии. Всем известно, что он служил на канонерской лодке под командованием адмирала Трубриджа, который оказал активную поддержку контрреволюционным силам Хорти в 1919 году.

В Москве дела «Русского секретариата» находились в руках Джорджа Болсовера, который почти всю войну провёл в качестве сотрудника английского посольства. Болсовер приехал в Советский Союз, имея репутацию историка. Представляясь, он всегда подчёркивал, что он «не дипломат, а историк, временно находящийся на дипломатической службе». Однако он сам рассказывал мне, как манчестерские студенты, которым он читал лекции по истории Англии, однажды подвергли сомнению его авторитет, когда он критиковал Советскую Россию. И я что-то не замечал, чтобы Болсовер стремился внести коррективы в то ложное представление о Советской России, которое так долго навязывалось английским студентам.

В качестве примера сошлюсь на обстоятельный доклад о просвещении в СССР, над которым он «трудился» несколько месяцев.

В этом докладе были специально подобранные примеры с целью дискредитировать советскую систему народного образования и замалчивались достижения и преимущества этой системы, которые признаются даже самыми суровыми критиками советского строя за границей. Эта работа, как и все другие работы, проводимые «Секретариатом по русским делам», преследовала одну основную цель: скрупулёзное выискивание «уязвимых мест». В ней виден не объективный исследовательский интерес, а выполнение задания Форейн Офис по контрпропаганде.

Из числа других дипломатов, работающих на «Секретариат по русским делам», одни входили непосредственно в аппарат секретариата, а другие были лишь информаторами. Дэвид Флойд, кооптированный в состав секретариата уже после войны, работал раньше в Москве в качестве члена британской военной миссии; Джордж Грэхэм, на обязанности которого в отделе печати лежало учитывать, как советские граждане относятся к русским передачам Би-би-си, во время войны был офицером при миссии разведчика Джорджа Хилла. Флойд с подозрительной настойчивостью внушал всем, что он - человек левых политических взглядов. Из Москвы Флойд в 1947 году был переведён в Прагу, а позднее - в Белград. Насколько мне

известно, у чехословацкого правительства не было никаких оснований считать его человеком просоветски настроенным.

Из других сотрудников британского посольства стоит упомянуть ещё мисс Бренду Трипп. Она сама именовала себя «наполовину человеком науки»; неясным оставалось только, что же представляет собой другая половина. Говорили, что её направил в СССР Британский совет (организация по культурно-просветительной связи с заграницей, официально считающаяся независимой от Форейн Офис). Советские власти, впрочем, отказались принять мисс Трипп как представительницу этой организации, и она нашла себе прибежище в отделе печати посольства. У этой мисс были изысканные манеры и своеобразная кошачья грация. Её обязанности состояли, очевидно, в установлении как можно более многочисленных связей с советскими учёными и в организации прямого обмена научными трудами между английскими и советскими учёными кругами.

Но её расспросы о личной жизни и политических взглядах советских граждан, с которыми она знакомилась, и повышенный интерес к тем, кто когда-либо побывал или собирался побывать в Англии, выходили за рамки любезности, положенной дипломату или даже «наполовину дипломату». Когда в 1945 году группа английских учёных приехала в Советский Союз на юбилейную сессию Академии наук, члены этой группы вполне резонно решили отклонить её настойчивые предложения оказать им услуги в качестве секретаря-переводчика.

* * *

Вся деятельность «Секретариата по русским делам» направлена на выдумывание антисоветских басен и выуживание оборонных сведений.

Все советские граждане, которых британское посольство почему-либо считает «проанглийски» настроенными, берутся на учёт, заносятся в специальные списки по определённым рубрикам и становятся предметом постоянного наблюдения. Впрочем, эта работа не является привилегией секретариата, а

входит в круг обычной деятельности посольства и пользуется самым серьёзным его вниманием. Известно, что Роберт Данбар, два первых послевоенных года состоявший в качестве прессатташе английского посольства и редактором «Британского союзника», незадолго до своего отъезда из СССР просил одного русского знакомого помочь ему в составлении списков советских граждан со сведениями о политических убеждениях каждого и его отношении к советской власти, а также о степени его «доступности».

В силу сплочённости советского общества и в силу бдительности и высокого патриотизма советских людей тем иностранным дипломатам, которые специализировались на выискивании «слабых мест», приходилось ограничивать свою деятельность крохотной горсточкой людей. Старание, с которым сотрудники посольства выискивают эти «слабые места», можно сравнить лишь с тем, как голодная лиса обнюхивает каждую норку в надежде поживиться зазевавшейся полевой мышью. Обронённая кем-нибудь невзначай жалоба или недовольное ворчание служит поводом для ликования всего английского посольства, и советский гражданин, который о чём-либо поговорит с иностранцем, случайно встреченным в троллейбусе или на скамейке в парке, может быть уверен, что всё сказанное им будет подробно доложено послу и скорее всего пойдёт, в виде доклада, в Лондон с первым же дипломатическим курьером.

Однако эти дипломатические «зондирования» почти неизменно встречают резкий отпор. Однажды в моём присутствии американский дипломат усиленно допытывался у молодого советского писателя, почему тот отказывается «поговорить с ним по душам». Тогда писатель сказал: «Раз уж вы настаиваете, то скажу вам: потому что мне невыносимо скучно в вашем обществе. От вас я не слышу ничего нового о культуре вашей страны. Ваши друзья, по-моему, совершенно лишены чувства юмора и культурных запросов. Мой желудок не переносит вашей консервированной пищи, и я предпочитаю сигаретам «Лаки страйк» папиросы «Казбек» - они крепче. Мне противно находиться в одной комнате с людьми, которые кладут ноги на стол, и смотреть в лицо человеку, который жуёт резинку. Меня возмущает, когда молодые иностранные

дипломаты, не читающие ни «Правды», ни «Большевика», услышав, что 7 ноября московский митрополит послал поздравление Сталину, заявляют мне, что «революция мертва». Я не могу ответить на их вопросы о ценах на масло в Краснодаре и об условиях жизни в Челябинске. Кроме того, я не люблю людей, которые делают заметки на клочках бумаги, когда я говорю».

* * *

Наиболее потрясающий пример того, как английские власти обманывают общественное мнение своей страны,- это их комментарии относительно отмены продовольственных карточек в Советском Союзе.

Это важное решение советской власти совпало с самым трудным моментом для английского лейбористского правительства. На третьем году мира в Англии по продовольственным и промтоварным карточкам выдавали не больше, а некоторым категориям даже меньше, чем во время войны, и качество выдаваемого ухудшилось.

Притом не было никаких видов на улучшение снабжения. Правительство убеждало граждан, что и в других странах Европы положение тяжёлое.

Представьте же себе, с каким восторгом английское министерство иностранных дел встретило донесение своего посольства из Москвы, в котором «предсказывалось», что через каких-нибудь 6-8 месяцев все московские магазины опустеют, и сообщалось, что цены на колхозных рынках якобы поднялись вследствие отмены карточек и что «введена замаскированная форма нормирования розничной продажи, так что гражданам нет никакой пользы от отмены карточек».

Это донесение, скреплённое печатью британского посольства, было передано в «Дейли телеграф» и напечатано за подписью дипломатического корреспондента этой газеты. Его широко распространяли, передавая по радио и в Англии, и за границу, и сумели так обмануть народ, что даже полгода спустя в Англии очень мало кому было известно об отмене карточек и об

изобилии продуктов в СССР.

Следующим шагом Форейн Офис по пути мистификации и обмана было создание у англичан заведомо ложного представления о жизненном уровне в СССР после войны. Спустя несколько месяцев после отмены карточной системы и проведения денежной реформы в Советском Союзе в английскую печать попали - по-видимому, из экономического отдела посольства США - подтасованные цифровые данные, которые должны были показать, как «много часов» приходится работать советским рабочим в различных отраслях труда, для того чтобы прокормиться при нынешних ценах. Цифры эти были напечатаны в газетах и сопоставлены со статистическими данными о положении дел в Англии, чтобы доказать, что английский рабочий живёт «несравненно лучше», чем советский. Пропагандистские агентства широко использовали эту «статистику», в особенности на Среднем Востоке и в Скандинавии, но, впрочем, главной целью их было дискредитировать СССР в глазах народных масс Англии.

Но фальсификация «статистиков» из Форейн Офис слишком очевидна. Цены в Советском Союзе они берут послевоенные, а заработную плату - довоенную, не учитывая значительных повышений зарплаты, имевших место после 1940 года. Кроме того, они «упускают» тот факт, что английский рабочий платит за квартиру около трети своего заработка, на выплату прямых налогов промышленный рабочий Англии ежегодно отдаёт почти полуторамесячную заработную плату, кроме того, он платит много всяких косвенных налогов. Прибавьте к этому постоянную угрозу безработицы и будет ясно, что вся статистика Форейн Офис как небо от земли далека от действительности английской жизни.

* * *

Антисоветская позиция английских и американских дипломатов как в зеркале видна и в действиях послушных им дипломатов других стран. Когда, например, сэр Морис Петерсон не явился на вокзал, чтобы встретить премьеров восточноевропейских стран, прибывших в Москву с официальной миссией, это нарушение дипломатического этикета стало предметом

горячего обсуждения среди дипломатических представителей арабских и западноевропейских стран: не допустили ли они «ошибку», не последовав английскому примеру? Дипломатический тон в значительной мере задают представители великих держав, за каждым шагом которых внимательно следят их менее значительные коллеги.

Таким образом, на английском и американском посольствах лежит известная ответственность за целый ряд инцидентов, в которых были замешаны дипломаты, аккредитованные в Москве.

В 1946 году Министерство иностранных дел СССР предложило одному из секретарей бразильского посольства Пинха Суаресу выехать за пределы страны ввиду того, что он учинил скандал в гостинице «Националь».

В московских газетах об этом инциденте говорилось весьма сдержанно, но всем иностранцам в Москве было известно, как обстояло дело.

Пинха Суарес имел неприглядную репутацию волокиты и пьяницы. Управляющий гостиницы «Националь», где он жил, уже предупреждал его, что ни прохожие, ни милиция не склонны восхищаться его привычкой выбрасывать пустые бутылки из окна номера на тротуар улицы Горького.

Как-то вечером этот бразильский дипломат, уже изрядно пьяный, явился в кафе «Националь» в поисках дополнительной выпивки. Все столики были заняты, но он увидел свободный стул на эстраде для оркестра и попытался водрузиться на него. Директор кафе вежливо, но твёрдо заметил ему, что в московских кафе не принято вести себя подобным образом. На это тот ответил, что местные обычаи «не имеют значения для Пинха Суареса, бразильского дипломата, пользующегося в СССР дипломатической неприкосновенностью». И чтобы подчеркнуть свои права, он изо всех сил ударил директора кафе.

Посетители ресторана, советские граждане, не могли этого стерпеть, и с их помощью отчаянно сопротивлявшегося

дипломата препроводили в его номер. Ни мало не смущаясь этим, он, однако, снова вышел, спустился в холл гостиницы и начал ломать мебель, изрыгая при этом поток оскорблений по адресу Советского Союза.

Само собой разумеется, что, добравшись до Рио-де-Жанейро, сеньор Суарес был принят там как «герой», возвратившийся с поля битвы. Там, вероятно, он продолжал произносить «речь», которую в Москве ему не удалось договорить.

* * *

О том, что деятельность других посольств в Москве была подчинена антисоветской политике англо-американцев, говорит и такой факт. В своё время в пользование французского посольства была выделена старинная римско-католическая церковь св. Людовика в Москве.

Хотя большая часть прихожан состояла из советских граждан, священники в этой церкви были исключительно иностранцы - французы или американцы. Более того, все они принадлежали к группе «специалистов по России» Ватикана, более или менее тесно связанных с орденом иезуитов.

Среди первых священников, присланных сюда через посредство французского посольства, были монсеньор Неве и монсеньор Тисран, которые впоследствии приобрели известность как директоры «восточного» отдела службы разведки Ватикана.

Бывший французский дипломат Жан Катла рассказывал, как однажды он предложил Шарпантье, в то время советнику французского посольства в Москве, заменить отца Брауна, американца по происхождению, открыто выражавшего свои симпатии к немцам во время битвы под Москвой.

«Мой друг, и не думайте об этом! - последовал ответ.- Мы ведь должны получить разрешение Рима».

Другими словами, священник церкви св. Людовика был тайным агентом Ватикана, присланным в Советский Союз при

содействии французского посольства и служивший интересам Ватикана, враждебное отношение которого к Советскому Союзу хорошо известно.

Когда в 1943 г. я нанёс визит отцу Брауну, он откровенно заявил, что считает себя посланцем папы в СССР.

Отца Брауна, уехавшего из Советского Союза с испорченной репутацией после того, как он в пьяном виде ударил своего слугу, заменил другой американец - отец Лаберж. Помощником его был отец Тома, француз по происхождению, служивший прежде в Югославии.

Оба эти священника пользовались исключительной популярностью в кругу западных дипломатов, так как было известно, что они всемерно превозносят «американский образ жизни». Так, например, отец Тома прочитал французской колонии, собравшейся в посольстве, проповедь по случаю наступления нового 1949 года, в которой он осудил «зачинщиков забастовок» во Франции и призывал благословение божие на представителя «плана Маршалла» Давида Брюса.

О связях агентов Ватикана в СССР с силами реакции можно судить по такому инциденту.

После освобождения Одессы во французское посольство в Москве, возглавляемое Рожером Гарро, обратился священник, француз по происхождению, прося защиты.

После наведения справок выяснилось, что он был одним из священников из ордена иезуитов, прикомандированных к германской оккупационной армии в Восточной Европе по соглашению между Ватиканом и Риббентропом в 1941 г. У священника был паспорт, выданный правительством Виши, со штампами германских военных властей. Гарро обратился за консультацией к отцу Брауну, который немедленно ответил, что хорошо знает священника, о котором идёт речь, что они вместе учились и принадлежат к одному и тому же ордену. Этого оказалось достаточно, чтобы гитлеровский агент получил содействие французского посольства в Москве.

* * *

В основе приведённого мною скандального случая с бразильским дипломатом, так же как и вообще в поведении англо-американских дипломатов в России, лежит реакционная теория «превосходства». Эти дипломатические представители мнят себя «носителями культуры» более высокой, чем культура рабочего советского государства, точно так же, как у себя на родине они считают свой класс «высшим» по отношению к рабочему классу своей страны.

У советских граждан было достаточно возможности убедиться в глубокой аморальности этих «носителей культуры». Вспомнить хотя бы спекуляции многих иностранных дипломатов советской валютой.

Оккупировав часть советской территории, немцы отпечатали и пустили в обращение фальшивые денежные знаки, большое количество которых попало тем или иным путём в руки дипломатических курьеров, направляющихся в Москву. Вопреки «джентльменскому соглашению» между дипломатическим корпусом и советскими организациями, в соответствии с которым дипломаты, пользующиеся особыми льготами при размене валюты, обязывались прекратить скупку фальшивой валюты, контрабандные рубли по-прежнему покупались и обращались в ценные фотографические принадлежности, меха, антикварные вещи или же тратились на устройство роскошных пиров. Таким образом, некоторые дипломаты-спекулянты проживали суммы, в три-четыре раза превосходившие их законные доходы.

Многое из их тёмной практики было вскрыто денежной реформой 1947 г. в Советском Союзе. Как только пронёсся слух о предстоящей реформе, самые крупные из дипломатических спекулянтов бросились превращать деньги в имущество. Сплошь и рядом можно было видеть дипломатов, которые тащились по Столешникову переулку, нагруженные тяжёлыми серебряными канделябрами, столовым серебром и фарфоровыми безделушками. Китайский посол стал скупать водку. Говорили, что он вложил в это предприятие 100 тысяч

рублей. Строгая тишина коридоров гостиницы «Националь» сразу была нарушена, можно было подумать, что находишься в кулуарах биржи. В одну ночь доходы некоторых дипломатов сократились на 80%. Для многих в тот год рождество внезапно утратило свою праздничность.

Дух стяжательства, царствующий в дипломатическом корпусе, тем более безобразен, что это происходит в стране, где дипломатам предоставлены всевозможные привилегии.

Если сравнивать с условиями жизни в других странах Европы, то можно сказать, что дипломаты в России живут роскошно. Даже при карточной системе у них всегда было горючее для машин, и летом им предоставлялись дачи; они жили в просторных квартирах; пользовались привилегиями в получении железнодорожных билетов; имели все возможности интересно проводить свой досуг. Для них был установлен особый курс обмена валюты, более доходный, чем официальный.

Тем не менее многие иностранцы в Москве отнюдь не чувствуют благодарности и неустанно жалуются на бытовые условия. Эта их привычка находится в странном противоречии с тем, что они систематически посылают домой масло, бекон, кондитерские изделия и консервы.

Во время войны дипломаты буквально бомбардировали бюро обслуживания иностранцев самыми невероятными требованиями и, в зависимости от того, удовлетворялись эти требования или нет, судили о шансах Советского Союза на победу.

«Если русские,- сказал мне однажды один дипломат,- не в состоянии починить мой автомобиль, то как же они надеются побить немцев?» Это напоминало мне жалобы американского журналиста на трудности, которые ему пришлось перенести по пути из Архангельска в Куйбышев. «Этот народ не выиграет войну! Если они за неделю не могут доставить меня в Куйбышев, то как же они перебросят свои войска из Сибири в Москву?»

* * *

Наглядным примером деградации западных дипломатов может служить антисоветский приём в канадском посольстве, состоявшийся в апреле 1948 года.

Этот приём, равный которому по бесстыдству и аморальности вряд ли можно сыскать, назывался «приём нищих» и проводился в «ознаменование» проведённой денежной реформы в Советском Союзе. В качестве главного фигляра на приёме выступал Филлипс - секретарь канадского посольства; все прочие - сотрудники посольства США, Англии и её доминионов - старались не отставать от Филлипса в клевете на советских людей.

Г-жа Халтон, жена тогдашнего помощника английского военного атташе, и г-жа Моррис, жена секретаря американского посольства, изображали «советских колхозниц», для этого они надели длинные рваные юбки, повязали на головы грязные платки и ходили с протянутой за милостыней рукой... Так иностранные дипломаты, собравшись в канадском посольстве, издевались над народом, в чьей стране они живут и чьим гостеприимством они так широко пользуются.

На своих бесчисленных вечеринках, за игрой в карты, на балах и приёмах - официальных и неофициальных - дипломаты развлекаются антисоветскими анекдотами и распространяют чудовищно-баснословные сплетни. В их обществе можно наслушаться самых невероятных «историй», источник которых всегда надо искать в их желании хоть как-нибудь очернить советский народ. «Русские не улыбаются, они или смеются, или плачут», - объявляет м-с Колер из посольства США.

Она же силится доказать, что у певцов Большого театра «слабые» голоса из-за того, что им платят не долларами.

«Нравится ли вам Пушкин?» - спросили как-то у жены весьма видного посла. «А что это такое? - открыла она глаза. - Название интригующее!» В этом кругу рождаются антисоветские вымыслы настолько дикие и клеветнические,

что непристойно их повторять. Однако сплошь и рядом эти вымыслы появляются на страницах журналов «Тайм» или «Ньюс уик», на страницах ведущих английских газет.

Всякий, кто высказывает своё одобрение достижениям Советского Союза или хоть сколько-нибудь симпатизирует мероприятиям советского правительства по поднятию культурного и материального уровня жизни в стране, не только сейчас же слышит по своему адресу ироническое замечание: «он настроен просоветски», но и рискует на всю жизнь испортить себе карьеру.

Для сотрудника английского посольства в Москве нет ничего страшнее, чем заслужить от своего начальника обвинение в «просоветских настроениях»; зато всякий, чьи установки в работе отвечают антисоветским требованиям английского правительства, может твёрдо рассчитывать на награду. Джордж Болсовер из «Секретариата по русским делам» после работы в Москве сразу был назначен на ответственный пост директора Лондонской школы славяноведения, а Фрэнк Робертс попал в ближайшие сотрудники Бевина.

* * *

Ослеплённые ненавистью к Советскому Союзу англо-американские политики и дипломаты не в состоянии увидеть и оценить ту гигантскую положительную силу, которая есть в советском народе.

А между тем стоит выйти за порог британского посольства и пройтись по московским улицам, стоит посмотреть на советских людей не враждебным, а объективным взглядом, и перед каждым откроется новый мир, в котором живут советские люди.

Я прожил в Советском Союзе восемь лет и увидел этот мир людей, которым ясен их путь. Эти люди воевали за мир, окрылённые твёрдой верой в будущее. Во время войны я видел, что советские люди умеют не только переживать трудности, не падая духом, но и одерживать блестящие победы в борьбе за независимость своей страны. Теперь я вижу, что они умеют так

же героически трудиться в дни мира, как они сражались в дни войны.

Через несколько месяцев после окончания войны я побывал в одной украинской деревне. Демобилизованные бойцы, участники Сталинградской битвы, вернулись сюда из Берлина на грузовиках, на бортах которых было написано: «Мы победили». Теперь они работали на полях. Это были такие же люди, каких я встречал в Сталинграде, работавшие с той же суровой решимостью, с какой они сражались, и так же веселившиеся после работы, как пели они свои песни после боя.

Я побывал в доме отдыха для рабочих под Смоленском. Та же атмосфера спокойной гордости после победы. Разрушенная немцами электростанция была снова пущена, и свет от неё получили дом отдыха и десятки колхозов, которые ещё лежали в развалинах. По радио сообщили указ о награждении рабочих; некоторые из этих рабочих присутствовали тут же.

Я посетил Ленинград, и первое, что там увидел, была бригада девушек, убиравших мусор и щебень на развалинах каменного дома. Тогда в Ленинграде было несколько тысяч таких девушек, которые добровольно согласились работать, чтобы очистить улицу от обломков и разбить на этом месте детский парк. Они приходили вечером, после работы, или рано утром, или в свой выходной день. Я видел, как весело и спокойно они работали, негромко напевая и перебрасываясь шутками с соседками. Нередко к ним присоединялись прохожие. «Кто у вас распоряжается?»- спросил я женщину в шляпке, которая укладывала кирпичи в штабель. «Никто, - ответила она, - мы распоряжаемся сами». Рядом с ней грудой лежали сумки для провизии, портфели, студенческие учебники и прочие пожитки добровольцев.

Несколько позже в той части Москвы, где я живу, молодёжь организовала уборку и посадку деревьев и кустарника в местном парке. В течение нескольких весенних дней они преобразили целый район. И я вспомнил бригаду девушек в Ленинграде...

Пребывание в Советском Союзе показало мне, какое прекрасное будущее обеспечено обществу, где человеческие усилия направлены к тому, чтобы всем были предоставлены равные возможности - социальные, политические и экономические.

После моих поездок в прошлом окраинные районы Советского Союза я всегда мысленно сравниваю условия жизни советского населения с тем, как живёт население в колониях Британской империи. Там - ветхие лачуги туземных кварталов, грязь, болезни, отсутствие даже начальных школ и, конечно, полное отсутствие таких учебных заведений, где местное население могло бы обучаться специальности и соперничать в этой области с белыми. Здесь - новые города и рабочие посёлки с красивыми современными домами, учебные заведения - не только обычные школы-семилетки и десятилетки, но и техникумы, институты, курсы для взрослых, библиотеки, клубы, все возможности культурно проводить отдых.

Одним из признаков перевоспитания человека является новое отношение к собственности.

Отношение рядового советского гражданина к личной собственности не может не поражать приезжего из буржуазной страны. Вряд ли кто из иностранцев, посетивших Советскую Россию, не обратил внимания на то, что здесь слово «наш» употребляется в тех случаях, в каких чаще всего в других странах употребляют слово «их» или «мой». И это маленькое словечко «наш» имеет огромный социальный смысл.

Один английский профсоюзный деятель, побывавший ещё в 1920 году в молодом советском государстве, рассказывал мне, что во время посещения угольной шахты, в разговоре с одним из рабочих, он сделал замечание, что шахта эта досталась СССР с очень плохим техническим оборудованием. «Так-то так, но зато она наша», - отозвался рабочий. А 25 лет спустя, в городе Сталино в Донбассе, я слушал в прекрасном исполнении оперу «Севильский цирюльник». Выходя из красивого здания оперного театра на широкую асфальтированную главную улицу, я поблагодарил сопровождавшего нас инженера и выразил своё восхищение их театром.

«Да, - ответил инженер, - театр хороший, и хорошо то, что он наш».

Когда мы приехали в Вязьму сразу же после её освобождения, улицы ещё были засыпаны развалинами зданий. С трудом пробираясь через руины, сопровождавшие нас жители рассказывали о том, что здесь было раньше.

Только и слышалось: «наш клуб», «наши мосты», «наши школы», «наш вокзал», «наши заводы». Это же слово с гордостью произносили и на берегах Днепра крестьяне из колхоза «Партизан», показывая на трёхкилометровую аллею только что посаженных тополей и ясеней, окаймлявших шоссе от «нашего» колхоза до самого Киева.

И трудящиеся Страны Советов, проходящие 1 Мая мощными колоннами по Красной площади, сверкающей алыми и золотыми красками, имеют полное право считать, что СССР - единственная страна, где осуществлено подлинное равенство людей. И когда колонны сплочёнными рядами, с красными знамёнами проходят мимо Мавзолея Ленина, являя собой потрясающее зрелище мощи, и гремит «ура», каждый гражданин СССР сознаёт, что это его, труженика, чествуют, как самое ценное в стране, ибо в его руках - великое дело человеческого прогресса.

АННАБЕЛА БЮКАР. ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

(фрагменты из книги)

Моя работа в разведке

Я родилась в многодетной семье в штате Пенсильвания, недалеко от города Питсбурга. Широко распространённое среди жителей Европы представление о том, что в Соединённых Штатах все живут в состоянии экономической обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне, что американские дети имеют беззаботное и счастливое детство,

так же далеко от действительности, как солнце от земли.

Только работая в госдепартаменте в Вашингтоне и в посольстве США в Москве, я начала сталкиваться с молодыми людьми, выходцами из богатых семей, которые выросли в атмосфере богатства и обеспеченности и были так же далеки от настоящей жизни в Америке, как люди с другой планеты. Они принадлежат совершенно к другому миру, чем все мы остальные, составляющие подавляющее большинство нации.

Хотя я почти всю свою жизнь прожила в скромном достатке, мне всё-таки во многих отношениях повезло больше, чем большинству американцев моего поколения. Мне удалось получить высшее образование, в то время как большая часть моих друзей и знакомых вынуждена была покинуть школы, чтобы работать на угольных шахтах, металлургических заводах, в магазинах и на фабриках в районе Питсбурга. Мне же удалось найти «приличную работу».

После окончания университета я некоторое время работала в частных торговых фирмах, но работа эта никак меня не удовлетворяла. Я испытывала огромное желание принять посильное участие в происходившей в те годы войне против фашистской Германии. Примерно в это время я получила предложение поступить на работу в разведку военно-воздушного флота США. Я согласилась и была принята.

В этой организации я некоторое время работала в отделе, занимающемся метеорологией и подготовкой карт для бомбардировочной авиации, но вскоре меня перевели на службу в основную американскую разведывательную организацию - Управление стратегических служб (УСС), где я получила назначение в отдел «иностранных национальностей» УСС.

В мои функции входило тщательное изучение газет и журналов, издающихся в США на иностранных языках, в особенности всей печати, выходящей на славянских языках. Я должна была по этой печати составлять обобщённые обзоры и доклады о деятельности различных славянских организаций, существующих в США, главным образом прогрессивного

направления. В своих докладах я должна была также вносить предложения о возможности использования этих организаций для выполнения разведывательных задач УСС.

* * *

За время моей работы в Управлении стратегических служб я узнала некоторые интересные подробности об истории, функциях, методах и формах работы этой разведывательной организации, которая среди американцев получила ироническое прозвище - «плащ и кинжал».

Руководителем Управления стратегических служб являлся генерал Вильям Донован.

Донован родился в 1883 году в городе Буффало, в штате Нью-Йорк, окончил юридический факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке, во время первой мировой войны служил в кавалерийских частях американской экспедиционной армии во Франции. Донован - католик, член республиканской партии. В 1932 году его кандидатура выставлялась на пост губернатора штата Нью-Йорк, но провалилась на выборах.

Для руководящей административной работы в УСС Донован пригласил своих «деловых знакомых» и друзей по Первой мировой войне - полковника Э. Бекстона, с которым Донован в 1919 году создавал организацию «Американский легион»; Аттертона Ричардса - президента крупной фирмы по импорту и экспорту ананасов «Гавайан пайнапл компани»; Дж. Моргана; Элмо Ропера из органа Уолл-стрита, журнала «Форчэн»; «героя» Первой мировой войны, адвоката с той же улицы - Р. Ливермора и др. К работе в УСС Донован привлёк также и кузена Уинстона Черчилля - Раймонда Геста, сына миллионера Т. Райана, владельца газеты «Нью-Йорк Сэн»,- Билла Дюарта, наследника миллионов алюминиевого короля Меллона - Пола Меллона и генерала царской армии, влачившего до работы в УСС жалкое существование, - бывшего князя Сергея Оболенского.

Вскоре после создания УСС Донован направил за границу своих представителей с целью добыть материал об экономике и политике ряда стран, причём многие из них выехали под видом

корреспондентов газет.

В сентябре 1942 года Донован прибыл в Лондон и беседовал с руководителем разведки английского министерства экономической войны, так называемой СОЭ, об организации нелегальной пропаганды в странах оси и на оккупированных ими территориях. Было достигнуто соглашение о проведении такой пропаганды, которая поддерживала бы моральное состояние людей, настроенных в пользу союзников, но в то же время не дала бы им возможности подняться против немцев раньше, чем это было выгодно американцам и англичанам. Во время этих переговоров интересы народов оккупированных стран ставились на последнее место.

Управление стратегических служб, спекулируя на ненависти народов европейских стран к фашизму, устанавливало связь с подпольными группами сопротивления в этих странах и внедряло в организации движения сопротивления свою агентуру с расчётом использовать её в интересах американской разведки в послевоенный период.

* * *

Работая в УСС, я очень быстро убедилась в том, что основные разведывательные усилия этой организации были направлены, наряду с Германией, против Советского Союза.

На основании моих многочисленных наблюдений я имею возможность точно утверждать, что руководители американской разведки использовали союзнические отношения, сложившиеся между СССР и США во время войны, в целях засылки кадровых разведчиков на территорию Советского Союза для ведения разведывательной работы против этой страны-союзника. Эти разведчики посылались в СССР под самыми различными прикрытиями - в качестве советников, вторых и третьих секретарей, атташе, а то и проста клерков посольства, в качестве сотрудников военной миссии снабжения и военного атташата при посольстве и, наконец, под видом корреспондентов американских газет, журналов и радиовещательных компаний, а также отдельных специалистов, работавших по монтажу оборудования,

присланного по ленд-лизу.

Антисоветское направление деятельности американской разведки находит своё подтверждение хотя бы в том, что во время войны, которую США вели в союзе с СССР против фашистской Германии, русский подотдел был самым большим в УСС. Во главе русского подотдела стоял профессор истории Колумбийского университета Робинсон, считающийся в США большим «знатоком» Советского Союза.

Русский подотдел имел в своём составе специальные отделения, занимавшиеся сбором разведывательной информации об СССР по вопросам промышленности и военного производства, транспорта, людских резервов, государственного дохода и внешней торговли, сельского хозяйства и др.

Таким образом, УСС уже с самого начала своей деятельности придавало первостепенное значение развёртыванию разведывательной работы против СССР. К концу войны главное внимание УСС было сосредоточено на добывании секретных сведений о Советском Союзе, о советской внешней политике и о дружественных Советскому государству демократических странах.

Мне хорошо известно, что представительство УСС в Лондоне установило тесную связь с английскими, греческими и бельгийскими разведчиками, обзавелось агентурой, доставлявшей американцам секретные сведения не только о противнике, но и о союзниках, главным образом об СССР.

Во время войны Донован и другие руководители американских разведывательных организаций рассматривали союзнические отношения с СССР, как чисто формальное, вынужденное и неискреннее явление; они пытались играть на трудностях и лишениях, переживаемых советским народом; они с нетерпением выжидали ослабления СССР в надежде на то, что после войны им удастся поставить эту великую страну на колени. Их постигло горькое разочарование.

Однако поражение, которое они потерпели в этом вопросе,

ничему их не научило. Урок, данный Гитлеру и фашистской Германии, не пошёл им впрок.

Антисоветская клика государственного департамента

В правительственных кругах США и, в частности, в американском посольстве в Москве хорошо известно, что судьба советско-американских отношений всецело находится в руках небольшой группы кадровых сотрудников дипломатической службы США.

Со дня организации американского посольства в Москве в 1933 г. эта группа, или, вернее, клика, сумела обеспечить себе господствующее положение в государственном департаменте. Ей приходилось, разумеется, считаться с некоторыми американскими послами в СССР и государственными секретарями, вышедшими не из их среды.

Эти «монополисты в области советско-американских отношений», располагая возможностью контролировать укомплектование аппарата государственного департамента и американского посольства в Москве, всегда были в состоянии, за исключением нескольких весьма кратких периодов, проводить свою антисоветскую линию почти по всем основным, принципиальным, равно как и по всем непринципиальным вопросам, имеющим отношение к Советскому Союзу.

Эта клика, члены которой были тесно связаны между собой узами дружбы и, что более важно, узами взаимных эгоистических интересов, занимала важнейшие стратегические посты на дипломатической службе и в самом государственном департаменте.

Само собой понятно, что кучка карьеристов и реакционеров не смогла бы так свободно действовать, если бы эти действия не были продиктованы интересами другой, более крупной силы. При наличии же этой силы клика, будучи идеальным исполнителем её воли, в то же время служит своим собственным целям.

Такова общая характеристика «монополистов по советско-американским делам», обосновавшихся в государственном департаменте США. Что же касается упомянутых более крупных сил, которым она, эта «монополия», служит, то, разумеется, они представляют собой американский капитализм, олицетворённый Уолл-стритом. Враждебные действия, направленные против Советского Союза, отвечают интересам финансовых тузов Соединённых Штатов Америки. Подробнее об этой взаимосвязи я скажу ниже.

* * *

Кто же эти лидеры и руководящие деятели «монополии по советско-американским делам» государственного департамента США и американской дипломатической службы?

Лой Гендерсон. Он являлся старейшим членом антисоветской клики госдепартамента, и ему удавалось сохранять решающее влияние в её делах, несмотря на то, что он уже с 1943 г. не имел непосредственного отношения к советско-американским отношениям.

С вопросами, имеющими отношение к Советскому Союзу, Гендерсон столкнулся ещё до своего назначения на дипломатическую службу. Когда во время Первой мировой войны была объявлена мобилизация, Гендерсон как и некоторые другие молодые люди призывного возраста, искал убежища в Красном Кресте. Это был эффективный, хотя довольно прозрачный способ избежать мобилизации и военной службы. Красный Крест широко раскрывал свои двери перед молодыми людьми, имевшими хорошие связи и по той или иной причине - главным образом, по причине трусости - не желавшими участвовать в войне. Возможно, что Гендерсон в то время ещё не слышал об американской дипломатической службе, являющейся значительно более эффективным средством избежать мобилизации в армию, чем Красный Крест.

Гендерсон впервые прибыл в Советский Союз в качестве представителя Красного Креста. Эта организация, работавшая рука об руку с американской дипломатией и разведывательными службами, нашла работу для нового

претендента на пост шпиона в молодой Советской республике.

Когда Гендерсон впервые познакомился с Советским Союзом, то он, выражаясь языком американских финансистов, увидел выгодный «рынок» для применения своих талантов. Он предвидел (для этого не надо было быть гением), что в будущем, несомненно, будет ощущаться большая потребность в «русских специалистах» (более правильно было бы назвать их «антирусскими специалистами») на службе правительства США.

Имея это в виду, он подал заявление о приёме его на дипломатическую службу и после нескольких рутинных назначений, которые обычно даются всем начинающим молодым дипломатам, был направлен в прибалтийские государства, где вновь стал иметь непосредственное отношение к советским делам.

При помощи несложных махинаций Гендерсон прослыл незаменимым человеком в разведывательной работе, направленной против Советского Союза. Ещё до того, как были установлены официальные дипломатические отношения между США и СССР, ему удалось создать мнение у руководящих чиновников государственного департамента, которые занимались советскими делами, что именно он является тем человеком, которому можно поручить «советские дела» и которого нужно подготовить к роли ведущего «русского специалиста» на дипломатической службе.

Он был отозван в Соединённые Штаты Америки, чтобы вести «подготовительную работу к установлению дипломатических отношений с Советским Союзом», которые, как эти люди предвидели, были неизбежными.

В качестве одной из мер подготовки Гендерсон рекомендовал, а его хозяева утвердили, немедленный подбор группы молодых «способных людей» для обучения в качестве «антирусских экспертов» и отобрал для этой цели трёх молодых дипломатов.

Поскольку эти люди играли важную роль в советскоамериканских отношениях, стоит упомянуть их имена.

Это были Джордж Кеннан, Чарлз Болен и Эдуард Пейдж.

Кеннан уже имел предварительное знакомство с антисоветской политикой госдепартамента и получил некоторое «идеологическое воспитание» в прибалтийских буржуазных государствах ещё до установления дипломатических отношений между США и СССР. Болен был на короткий срок командирован в Прагу, а Пейдж - в Харбин, который в то время так же, как и Прага, Париж, Берлин и Рига, являлся центром белогвардейских интриг против советского режима.

После этой командировки Кеннан был направлен в Берлин для изучения русского языка, а Пейдж и Болен с этой же целью были направлены в Париж.

Характерно, что, хотя в то время было легче послать этих дипломатов в Москву, чтобы изучать язык среди советских русских людей, их послали в такие города, где они могли изучать язык среди русских белогвардейских элементов.

Это явилось началом «монополии по советско-американским делам» государственного департамента. Формирование этой клики, таким образом, было тщательно спланировано и организовано в период, предшествовавший установлению дипломатических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом, с тем чтобы обеспечить полный контроль над ними с первых же дней после их установления.

* * *

Когда были установлены дипломатические отношения с СССР и было создано американское посольство в Москве, Гендерсон добился для себя и своих учеников назначения в Советский Союз. Гендерсон совместно с Джорджем Кеннаном, к этому времени закончившим курс обучения в Берлине и в прибалтийских буржуазных государствах, фактически создавал посольство в Москве, лично выбирал американских и советских служащих, создавал различные отделы и организовывал всю работу посольства.

Создав в 1933 г. посольство и перенеся основную разведывательную деятельность из Риги в Москву, они всё же длительное время сохраняли шпионский центр в Риге.

Хотя разведывательная работа частично находилась в руках военных представителей США в Москве, персонал посольства был также призван сыграть важную роль в этом деле. С самого начала Гендерсон создал вокруг посольства конспиративную атмосферу, причём американское посольство в этом отношении даже заразило некоторые другие иностранные миссии в Москве.

Гендерсон пользовался любой возможностью для ведения антисоветской работы. Он и его дипломатические офицеры пытались вербовать агентов среди советского населения для выполнения шпионских заданий.

Когда советские власти арестовывали кого-либо из агентов, завербованных американской разведкой, Гендерсон специально посещал другие иностранные посольства в Москве, проливая крокодиловы слёзы по поводу «жестокости» советских властей. В том же лицемерном духе были выдержаны посылавшиеся им в государственный департамент пространные отчёты. Поскольку очень мало людей знало о шпионских делах арестованных лиц и поскольку те американцы, которые знали об этом, молчали, рядовые сотрудники американского посольства в Москве под влиянием Гендерсона начали верить, будто бы любой русский, который заговорит с американцем, на следующий же день будет арестован. Многие из прибывающих в Москву американцев считали, что дело обстоит именно так.

С каждым вновь прибывающим в Москву сотрудником посольства Гендерсон лично вёл «задушевный» разговор. Вновь прибывшим американцам он говорил, что их будут окружать советские агенты. Им рассказывали такие «реальные» случаи, как арест некоторых агентов Гендерсона из числа советских граждан, а иногда и совершенно выдуманные случаи. Затем этим американцам говорили, что, несомненно, в ближайшем будущем им по телефону будут звонить девушки, которые являются советскими агентами.

Все эти предупреждения и внушения делались с самым серьёзным видом. И вновь приезжающие американцы, среди которых было немало довольно наивных, доверчивых людей, уходили из кабинета Гендерсона, потрясённые до нервной дрожи. Каждый раз, когда вновь приехавший выходил гулять по московским улицам, он всегда оглядывался назад, чтобы посмотреть, не следят ли за ним.

Чтобы быть уверенным в том, что его обработка будет иметь должный эффект, Гендерсон обычно организовывал так называемые «звонки по телефону».

По приказу Гендерсона подставные лица звонили по телефону вновь приехавшим американцам, причём звонившая девушка очень часто проявляла необыкновенную осведомлённость в отношении того американца, которому она звонила. Потом этот человек, до смерти напуганный, в течение нескольких недель ходил по посольству и рассказывал: «Знаете, через день после моего приезда в Москву мне звонила девушка. Ей были известны моё имя, фамилия и город в США, в котором я родился». Он рассказывал, что «русская шпионка», которая звонила ему по телефону, прекрасно знала его прошлое.

Всё это его подавляло, портило ему нервы, и зачастую такие сотрудники длительное время оставались в состоянии нервного возбуждения.

Атмосфера конспирации в американском посольстве в Москве усиливалась тем обстоятельством, что по указаниям Гендерсона дипломатические офицеры в присутствии своих подчинённых постоянно разговаривали о «телефонных звонках» и арестах советских граждан.

Эти темы представляли собой настолько значительную часть всех разговоров в посольстве, что все работающие там начинали чувствовать, что их собственные тени шпионят за ними. Бывали случаи, когда американцы настолько подпадали под влияние историй «с привидениями» и сказок Гендерсона, что их приходилось отсылать домой, а в некоторых случаях в санаторий для нервнобольных.

Дабы не осталось сомнений в отношении достоверности моих сведений о деятельности Гендерсона, могу добавить, что два американца, которые в то время работали в посольстве, говорили мне, как они по заданию Гендерсона наводили страх на вновь приезжавших американцев. Причём они, видимо, не рассказали бы мне об этом, если бы не подвыпили. В моём присутствии они смеялись над этими «злыми практическими шутками», как они называли их, и издевались над многими американцами, которых они обманывали подобными циничными приёмами.

* * *

Когда Гендерсон навёл такие инквизиторские порядки в посольстве США в Москве, его отозвали в государственный департамент и поручили возглавить аппарат, занимающийся советско-американскими делами. В течение пяти лет - с 1938 по 1943 г. - он занимал должность помощника начальника отдела по восточноевропейским делам.

В начале войны между Россией и Германией Гендерсон допустил ошибку, имевшую в то время серьёзные последствия для его карьеры.

Как и многие «русские эксперты» американского правительства, руководствуясь больше своими желаниями, чем фактами, Гендерсон предсказывал, что Германия одержит победу над Советским Союзом в течение нескольких недель, и советовал не пытаться устанавливать более тесную связь между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, несмотря на явную общность их интересов в войне против Германии.

Кончилось тем, что Белый дом должен был непосредственно вмешаться в советско-американские дела.

Белый дом спас положение и исправил то, что могло превратиться в непоправимую ошибку. Эта ошибка могла стоить жизни миллионам американцев. Она неизбежно отдалила бы на многие месяцы или годы сотрудничество между Советским Союзом и США, сыгравшее важную роль в

разгроме фашистской Германии.

Интенсивные попытки Гендерсона саботировать сотрудничество между США и СССР так возмутили Белый дом, что Гендерсон был сослан в Ирак, получив пост американского посланника в Багдаде.

Гендерсон, однако, не является человеком, который легко теряется. У него есть готовые ответы на все случаи жизни. Приехав на родину арабских сказок «Тысяча и одна ночь», он, как Алладин, достал свою волшебную лампу: раз, два - и появился злой гений!

В Ираке Гендерсон сделал то же открытие, которое он сделал в других местах, - он нашёл «красную опасность». Если бы Гендерсона послали в качестве американского представителя на Южный полюс, можно не сомневаться в том, что через год он открыл бы «красную опасность» среди пингвинов.

То обстоятельство, что Гендерсон нашёл в Багдаде «угрозу коммунизма», так понравилось руководителям государственного департамента, что его довольно скоро вернули в Вашингтон и назначили начальником ближневосточного отдела государственного департамента.

Здесь Гендерсон сделал новое «открытие», а именно, что «красная опасность» угрожает не только Ираку, но и всему Ближнему Востоку.

На этом посту Гендерсон являлся предтечей и вдохновителем так называемой «доктрины Трумэна», предусматривающей активные военные, действия против демократического движения в Греции.

На этом посту Гендерсон показал, что нефть можно использовать не только для смазки механизмов, но и для смазки аппарата государственного департамента.

Под непосредственным влиянием американских нефтяных компаний на Ближнем Востоке Гендерсон являлся вдохновителем неуклюжих манёвров американской

дипломатии в палестинском вопросе. Эти манёвры, как известно, ознаменовались скандальным провалом американской внешней политики, когда США потребовали отмены решения Объединённых наций по палестинскому вопросу, принятого, между прочим, по инициативе самих Соединённых Штатов Америки.

* * *

Джордж Кеннан. Этот человек, о котором в государственном департаменте часто говорили, что «он знает о России больше любого другого американца», изучал русский язык в Восточноевропейском институте - знаменитой школе агентов немецкой разведки, предназначавшихся для работы в России.

Возможно, что это наиболее характерный факт из биографии человека, вся карьера которого свидетельствует о том, что путь к «познанию» России лежал для него не через Москву, а через Берлин.

Кеннан говорил по-русски с заметным иностранным акцентом. По-немецки же он разговаривал без всякого акцента.

Даже после своего приезда в Москву, в 1934 г., Кеннан продолжал искать и находить «вдохновение» и черпать «сведения» о Советском Союзе отнюдь не в кипевшем вокруг него социалистическом строительстве; в государственном департаменте хорошо известно, что во время службы Кеннана в американском посольстве в Москве самыми лучшими его друзьями являлись дипломаты и армейские офицеры из германского посольства.

Именно они рассказывали ему о России, и он смотрел на страну, которую ему предстояло изучить, глазами гитлеровцев.

В связи с этим нет ничего удивительного в том, что этот «эксперт по России» не продвинулся в понимании Советского Союза дальше своих учителей и что он пытался почти точно повторить гибельные ошибки фашистских офицеров, дипломатов и шпионов, ещё в тот период мечтавших завоевать СССР и планировавших сделать это в течение трёх месяцев.

В самом начале дипломатической карьеры Джорджа Кеннана небольшая группа высокопоставленных чиновников государственного департамента избрала его в качестве «человека будущего», предназначенного для того, чтобы стать «ведущим дипломатом - специалистом по России». Эти чиновники предвидели, что, несмотря на их усилия, неизбежно наступит день, когда Соединённым Штатам придётся установить дипломатические отношения с Советским Союзом и учредить посольство в Москве.

Поэтому они решили отобрать и натренировать смышлёных молодых людей, которые смогли бы с их помощью оказывать монопольное влияние на советскоамериканские отношения.

Как я уже упоминала, при выборе этих молодых людей основную роль сыграл Лой Гендерсон, взявший на себя роль лидера этой клики. Выбор Гендерсона в первую очередь пал на Кеннана, и последний полностью оправдал его ожидания.

Начиная с 1928 г. и вплоть до 1933 г., не считая двух лет, в течение которых Кеннан занимался в Германии изучением русского языка, он находился в прибалтийских государствах, представлявших собой в период до учреждения американского посольства в Москве центры американского шпионажа, направленного против СССР. Кеннан, обладая природной склонностью к разведывательной работе, без каких-либо затруднений приспособился к этому делу.

Там, где дело касается реальных фактов развития Советского Союза, он предпочитал и предпочитает искажённую и фальшивую информацию, характерную для американского шпионажа.

До Второй мировой войны Кеннан дважды посетил Советский Союз. Впервые это произошло во время учреждения американского посольства в Москве. Кеннан лично занимался подбором служащих для посольства и принял на себя заботу по частичному перенесению в Москву «деятельности», ранее осуществлявшейся из Риги. Для того чтобы догадаться, в чём заключалась эта «деятельность», не требуется большого труда.

* * *

Вторичное пребывание Кеннана в Москве стало для него весьма неприятным вследствие прибытия в СССР посла Джозефа Дэвиса. Хорошо известно, что Дэвис больше интересовался правдивыми фактами о Советском Союзе, чем небылицами Кеннана и Гендерсона, а это вряд ли соответствовало планам этих людей, находившихся в то время в Москве. Довольно скоро после прибытия Дэвиса Кеннан уехал из Москвы.

После Мюнхена Кеннан был направлен в Прагу и, по имеющимся сведениям, находился в прекрасных отношениях с марионеточным правительством Гаха. Из Праги Кеннан перекочевал в Берлин, где оставался до вступления в войну Соединённых Штатов.

Несомненно, в течение войны Кеннан пережил один из наиболее печальных периодов своей жизни. Именно в этот период он считал, что вся его карьера рушилась, так как США и СССР заключили союз против Германии и боролись бок о бок во имя поражения Гитлера. Близкие к Кеннану люди утверждают, что в тот период у него обнаружилась язва желудка, которая обострялась по мере укрепления американо-советского сотрудничества.

Мне кажется, что Кеннан испытывал сильнейшее волнение, принимая в 1944 г. пост советника американского посольства в Москве. Очевидно, он боялся, что, занимая этот пост, будет вынужден, независимо от собственного желания, приспособляться к хорошим взаимоотношениям, существовавшим в то время между обоими народами.

Однако по прибытии в Москву Кеннан обнаружил, что его высокий пост открывает широкие возможности для нарушения этой дружбы. Это стало ещё более явным вскоре после смерти Рузвельта.

Кеннан обрёл очень сильную поддержку в лице посла Гарримана, с нетерпением дожидавшегося смерти Рузвельта для того, чтобы отойти от его политики.

Мне точно известно, что Кеннан последовательно, день за днём, строчил одну телеграмму за другой новому руководству государственного департамента. Он старался доказать следующее: 1) американо-советская дружба являлась ошибкой, так как Америка и Советский Союз никогда не смогут жить в мире, несмотря на успешный союз во время войны; 2) советское правительство стремится к «мировому господству», «немедленной большевизации Европы» и, в конечном итоге, к «агрессии против Соединённых Штатов»; 3) Соединённые Штаты должны «противостоять» Советскому Союзу по каждому вопросу, независимо от его важности, ни в коем случае не вступая в соглашение с советским правительством, поскольку «всякое соглашение с Россией неосуществимо»; 4) соглашения, заключённые в Тегеране, Ялте и позднее в Потсдаме (несмотря на свои поистине неимоверные усилия, Кеннан не смог предотвратить заключение этих соглашений), были «серьёзными ошибками»; Соединённые Штаты должны освободиться от обязательств, принятых ими в соответствии с этими соглашениями.

Телеграммы и донесения Кеннана встречали в госдепартаменте исключительно внимательное отношение. Они получали наилучшую оценку. Фактически они стали библией тогдашнего государственного секретаря США - Бирнса. Все сотрудники политических отделов департамента, а также многие другие из числа его персонала и сотрудники важнейших миссий во всём мире были обязаны знакомиться с этими телеграммами и донесениями.

Перед отъездом на работу в Советский Союз в 1946 г. мне пришлось посещать курс лекций, длившийся 8-10 недель в старом здании государственного департамента. Лекции читались через день по утрам. Всего на этих курсах выступало 20 - 25 лекторов из числа чиновников иностранной службы государственного департамента, прослуживших длительное время в какой-либо стране. Они делились своим опытом работы и отвечали на наши вопросы. Целью этих лекций было придать соответствующее направление будущей работе выезжающих за границу сотрудников государственного департамента, научить их собирать секретную информацию и для этого «держать свои

уши и глаза широко раскрытыми».

* * *

Антисоветские элементы в Вашингтоне, представлявшие финансовые и военные круги США, нашли в Кеннане свой идеал. После смерти Рузвельта в руках этих элементов (в результате жульнических махинаций, а не законных выборов) сосредоточился контроль над правительством Соединённых Штатов.

Кеннан выражал их взгляды лучше, чем на это были способны они сами, и, кроме того, он занимал авторитетный наблюдательный пост в Москве. Это обстоятельство придавало его заявлениям большой вес.

Таким образом, совершенно неожиданно Кеннан был провозглашён главным идеологом новой внешней политики Соединённых Штатов.

Эта позиция была официально закреплена за ним в 1947 г., когда государственный секретарь США Маршалл назначил его главой совета по планированию политики.

Находясь на этом посту, он был призван формулировать основные принципы внешней политики Соединённых Штатов на «поддающийся предвидению период времени» и даже помогать её проведению в жизнь. Он постоянно пользовался благосклонным вниманием государственного секретаря Маршалла и оказывал на него большое влияние.

В случае необходимости Кеннан выступал официальным представителем государственного департамента, взгляды которого он отражал. Он опубликовал статью в журнале «Форейн афферс» под псевдонимом «Мистер Х.». Для того чтобы американская пресса правильно оценила значение этой статьи, некоторым газетным репортёрам личность её автора была расшифрована. Это вызвало сенсацию (как и требовалось), в результате чего статье Кеннана был обеспечен значительно более обширный круг читателей в США и за границей, чем в том случае, если бы она была опубликована

под его истинной фамилией.

Статья Кеннана хорошо известна. Взгляды руководящего деятеля государственного департамента, выражаемые частным порядком, открыто и широко обсуждались в американском посольстве в Москве.

Кеннан заявлял, что «война между США и Советским Союзом неизбежна». Он считал, что США не могут «допустить существования преуспевающего социализма» в лице Советского Союза.

Рассматривая войну как нечто неизбежное, Кеннан доказывал, что чем скорее она разразится, тем лучше, «Несговорчивую» политику или так называемую «холодную войну» Кеннан рассматривал как средство для провоцирования настоящей войны в полном масштабе. Политику «обуздания» коммунизма, которую отстаивал Кеннан, он оправдывал необходимостью для США захватить весь мир.

Будучи заядлым германофилом, Кеннан проявлял большую настойчивость в вопросе о вооружении Германии, рассматривая её, как остриё американской атаки против СССР. При этом Кеннан, всегда являвшийся сторонником западного блока, скорее предоставил бы руководящую роль в этой системе Германии, нежели Англии. Следует отметить, что в целом идеи Кеннана поразительно напоминают идеологию некоторых гитлеровских «философов».

Так же, как и его коллеги из клики «монополистов по советско-американским делам», Кеннан возлагал большие надежды на атомную бомбу. Он считал её окончательным и единственным ответом коммунизму и мечтал использовать её против советских городов. Это полностью соответствовало бы планам и чаяниям единомышленников Кеннана.

Кеннана возмущала даже буржуазно-демократическая представительная система государственного управления, которая, несмотря на её пороки, всё ещё до некоторой степени вынуждает чиновников, формулирующих внешнюю политику США, публично отчитываться за свои действия. Он негодовал

при одной мысли о том, что конгресс может вмешаться в деятельность «высшего интеллекта», каким, по его убеждению, он обладал.

Кеннан лучше усвоил высказывание известного администратора американского цирка П. Т. Барнума, действовавшего по принципу: «каждую минуту в мире появляется на свет дурак», чем слова Авраама Линкольна, что «можно дурачить некоторых людей всё время и весь народ - некоторое время, но нельзя постоянно обманывать весь народ».

* * *

Чарлз Болен. В антисоветской клике дипломатов Болен играл не менее важную роль, чем Гендерсон или Кеннан. В государственном департаменте его считали блестящим работником; это, очевидно, означало, что у него «быстро работает голова».

Болен изучал русский язык в Париже в начале 30-х годов. Затем, вместо обычного «курса обучения» в прибалтийских государствах, его назначили на работу во вновь созданное посольство США в Москве, где он в течение нескольких лет работал под непосредственным руководством Гендерсона и Кеннана.

Некоторое время он служил в государственном департаменте и затем в 1937 г. опять вернулся в посольство в Москву, где оставался до 1940 г. В течение этих трёх лет большую часть времени он являлся в посольстве представителем «монополистов по советско-американским делам», поскольку Гендерсон в то время возглавлял русский отдел в Вашингтоне, а Кеннан находился в Праге и Германии.

Несмотря на свою ответственную должность, Болен в то время не рассматривался Гендерсоном как человек, могущий занять руководящее положение в антисоветской клике. Двери открылись для него несколько позже.

Когда Гендерсона в 1943 г. отдалили от русских дел и отправили в Ирак, «монополия» стала перед лицом серьёзного

кризиса. Нужно было найти людей, которым не только можно было бы доверить проведение политики клики, но, что особенно важно, найти такого человека, который мог бы завоевать доверие Рузвельта, проявлявшего исключительный интерес к русским делам.

Выбор пал на Болена; вместе с ним начали продвигать и молодого дипломата Рейнхардта. Однако, когда Рейнхардта назначили на другую работу, «монополия» возложила все свои надежды на Болена. Начали весьма хитроумно и тщательно готовить представление Болена Белому дому в качестве «нового специалиста» по американо-советским делам. Ожидаемая возможность возникла тогда, когда нужно было найти переводчика для важных переговоров Белого дома с советскими представителями.

Болен был представлен Рузвельту с соответствующими рекомендациями в качестве «переводчика». Причём его представили как «единственного человека» в государственном департаменте, подходящего для этой цели, хотя не приходилось сомневаться в том, что было много других людей на правительственной службе в Вашингтоне, которые знали русский язык значительно лучше, чем Болен.

Б дипломатических кулуарах убеждённо твердили, что Болен - весьма интересная личность, обладающая большим «личным обаянием», и надеялись, что это «обаяние» и его «быстрый ум» сумеют завести Рузвельта в подготовленный для него капкан.

Дело было сработано неплохо. Болен, очевидно, понравился Рузвельту, и он начал думать о нём, как о компетентном молодом человеке, которому можно было бы доверить ответственные поручения.

Болена взяли на Московскую конференцию 1943 г., а затем назначили начальником вновь созданного отдела восточноевропейских стран госдепартамента. В конце 1943 г, Рузвельт взял его с собой на Тегеранскую конференцию. К концу 1944 г. положение Болена стало настолько прочным, что появилась возможность назначить его специальным помощником государственного секретаря для связи с Белым

домом.

В начале 1945 г. Болен был и на Ялтинской конференции.

Болен сохранил свою должность специального помощника государственного секретаря и после смерти Рузвельта. Он стал важным членом «монополии по советско-американским делам». Формально на конференциях он играл роль переводчика, но в действительности он брал на себя смелость давать далеко идущие советы по советско-американским делам.

Позднее Болен присутствовал на всех важных международных конференциях, играя свою двойную роль переводчика и советника. Он, например, участвовал в работе Потсдамской конференции. С тех пор пронырливый дипломат присутствовал на всех заседаниях Совета министров иностранных дел, включая заседания в Москве. В государственном департаменте Болена называли «выдающимся экспертом» по советско-американским делам.

* * *

Основное, что следует подчеркнуть, заключается в том, что Болен делал всё, что было в его силах (весьма тайно, разумеется), чтобы подорвать политику покойного президента в отношении Советского Союза. Выдавая себя за «либерала» и человека, стремящегося к достижению взаимопонимания между СССР и Соединёнными Штатами Америки, Болен по заданию «монополии» закладывал фундамент для последующего полного отказа от политики Рузвельта в отношении Советского Союза и после его смерти активно участвовал в разрушении дружественных отношений между обоими государствами, которые были установлены во время войны. Всё это Болен делал преднамеренно, с полным пониманием значимости своей работы.

Будучи личным советником президента по советско-американским делам, Болен мог контролировать назначение личного состава на основные должности в государственном департаменте, имеющие отношение к советским делам. Так, он способствовал назначению Элбриджа Дюрброу на должности

своего помощника в отделе восточноевропейских стран государственного департамента и, насколько мне известно, именно он добился назначения Дюрброу начальником этого отдела, когда он сам двинулся вверх по служебной лестнице.

Впоследствии Болен добился назначения Дюрброу в качестве советника американского посольства в Москве.

В 1944 г. Болен также сыграл значительную роль в назначении Кеннана советником посольства в Москве и, видимо, помог его продвижению на должность руководителя комиссии по планированию внешней политики.

Другими словами, ещё при жизни Рузвельта, в 1944 - 1945 гг. Болен активно занимался устройством членов «монополии» на руководящие должности. Этим он подготовлял почву для возвращения к старой политике враждебности в отношении России.

В американской прессе часто писали, будто бы Болен являлся отпрыском знаменитой семьи германских военных промышленников Крупп фон Болен. Это утверждение, по всей вероятности, не соответствует действительности. Но во всяком случае в нём кроется один элемент правды. Если бы этот человек в действительности являлся представителем семьи Крупп фон Болен в Америке, то трудно представить себе, как бы он мог лучше или более успешно представлять их интересы и интересы всех крупнейших империалистов.

Изучив его послужной список, можно точно утверждать, что он действовал не только в качестве «внутреннего агента» «монополии по советско-американским делам», отстаивающего её узкие интересы, но и в качестве ходатая по делам Уолл-стрита и американских финансовых кругов в целом, неоднократно заявлявших, что они не потерпят советско-американской дружбы и союза, за которые стоял покойный Франклин Рузвельт.

* * *

Джон Дэвиз. По своему опыту Дэвиз являлся специалистом по

Дальнему Востоку, а не по Советскому Союзу, хотя он работал здесь в течение двух лет, вплоть до 1947 г.

Я работала в посольстве под непосредственным начальством Дэвиза и знаю его довольно хорошо. Как и другие члены этой группы, Дэвиз являлся отъявленным карьеристом. Он делал всё, что можно, чтобы продвинуться по служебной лестнице, независимо от того, как низко ему приходилось нагибаться.

В посольстве Дэвиз являлся одним из основных исполнителей политики Кеннана и Дюрброу. В частности, он контролировал деятельность информационной службы посольства, а также работу пресс-отдела.

По поручению Кеннана и Дюрброу, Дэвиз должен был собирать от всех посольских служащих информацию об их контакте с русскими, а также информацию, которую они представляли друг о друге. Его жена активно помогала ему в этом деле.

Так как Дэвиз обладал психологией провокатора, ему часто поручали провокационную работу местного, посольского значения. Ему приказывали подрывать авторитет некоторых сотрудников и офицеров посольства, чтобы подготовить почву к их переводу из Москвы. Например, ему было поручено избавиться от Арманда Уиллиса, и он выполнил это задание весьма успешно.

Я довольно подробно изложу этот эпизод в другом месте, поскольку я была непосредственной свидетельницей этого события.

Дэвиз имел также задание от руководства американского посольства поддерживать тесный контакт с американскими корреспондентами в Москве для разведывательных целей, а также для возможных провокаций.

Очень часто, заходя в контору Дэвиза, я находила там одного или двух корреспондентов, с которыми он совещался. У него были определённые корреспонденты, которых он систематически использовал для того, чтобы сообщать из Советского Союза искажённые сведения и провокационные

слухи. Этим корреспондентам Дэвиз систематически показывал свои папки с секретными отчётами и телеграммами, написанными им и другими сотрудниками посольства. Он рекомендовал корреспондентам конспектировать эти доклады и использовать их для написания статей по возвращении в Соединённые Штаты. Это делалось для того, чтобы оказывать непосредственное влияние на информацию о Советском Союзе, предназначенную для обработки американского общественного мнения.

Наиболее ярко эта практика выявилась во время Московской конференции министров иностранных дел в 1947 г. Дэвиз приказал одной подчинённой ему сотруднице посольства, девушке-клерку, которая снабжала его информацией о других сотрудниках посольства, подготовить тщательно отобранные лживые доклады о Советском Союзе с тем, чтобы ими могли свободно пользоваться несколько десятков корреспондентов, приехавших с официальной целью - описать совещание Совета министров иностранных дел. Большинство корреспондентов было прислано своими газетами, дабы собрать для опубликования коллекцию слухов и выдумок, развращающих читателей американских газет. Причём всё это должно было выдаваться за «правду о России, собранную корреспондентами на месте».

На протяжении всей конференции Дэвиз рекомендовал американским корреспондентам читать эти отчёты, конспектировать их и даже снимать копии с больших отчётов, которые позже были опубликованы в качестве «оригинальных наблюдений».

В этот период вся его работа протекала исключительно в контакте с корреспондентами. Он снабжал их хитроумной ложью собственного изготовления о советской жизни и Советском Союзе. Большинство из этих корреспондентов, присланных в Советскую Россию для сбора материалов именно такого рода, которые передавал им Дэвиз, были очень довольны, что им не нужно самим трудиться над стряпнёй подобной клеветы.

* * *

Я полагаю, что Дэвиз не являлся профессиональным разведчиком, а если и являлся таковым, то он был не очень опытным шпионом. Например, Дэвиз приказал одному из сотрудников посольства, работающему в консульском отделе, систематически допрашивать всех «интересных лиц», посещающих консульский отдел в качестве претендентов на американское гражданство.

Этот сотрудник - Уоллес, - несколько позже высланный из Москвы посольством за участие в пьяной драке, во время которой ему чуть не проломили череп, обычно разговаривал с такими лицами, а затем писал подробные доклады для Дэвиза об этих беседах. Дэвиз, значительно прикрашивая эти доклады антисоветской стряпнёй, использовал их в беседах со своими друзьями, разносившими его рассказы по всему посольству.

Дэвиз лично участвовал в допросах некоторых лиц, посетивших консульский отдел, пытаясь добыть «информацию», которая подтверждала бы проводимую им антисоветскую линию.

Дэвиз так преуспел в своей работе в американском посольстве в Москве, что ему простили его прежние грехи, которые заключались в том, что, работая в Китае, он якобы занимал дружественную позицию в отношении китайских коммунистов. В действительности, конечно, Дэвиз отнюдь не был «дружественно настроен» к китайским коммунистам. Он просто был двуличным человеком. Дэвиз, очевидно, надеялся на то, что ему удастся сыграть шпионскую и провокаторскую роль высокого класса во внутренней китайской политике в пользу гоминдановского правительства и Соединённых Штатов Америки. Однако он в чём-то допустил ошибку, приобрёл репутацию прокоммунистически настроенного человека в китайской политике, и его убрали из Китая во время чистки американского посольства.

После этого ему дали возможность «искупить» свои грехи командировкой в Москву, и он их искупил. Его работа в Москве была настолько зловредной, что обратила на себя особое внимание «монополии по советско-американским делам» государственного департамента.

Из Москвы он направился прямо в Вашингтон, где был назначен в комиссию по планированию политики, возглавляемую Кеннаном.

Моя поездка в Москву

Я охотно приняла предложение поехать в Москву для работы в американском посольстве. С детства я много слышала о России. Она казалась мне далёкой, таинственной и привлекательной страной. Позже я увлекалась произведениями Тургенева, Толстого, Пушкина, которые в переводе на английский язык, естественно, теряли часть своей прелести, однако давали возможность в некоторой степени познакомиться с жизнью мало известного для меня русского народа.

Воспитываясь в американских учебных заведениях, читая популярные в Америке журналы и газеты, я невольно в какой-то степени впитывала ту несусветную чушь, которую эти «свободные» органы американской печати распространяли о Советском Союзе. Но вместе с тем я чувствовала, что американская печать освещает советскую действительность далеко не с объективных позиций.

Мне трудно было поверить, что страна, давшая миру таких гениальных людей, как Ломоносов, Толстой, Пушкин, могла быть повинна в тех действиях и злых намерениях, которые приписывались ей херстовскими и другими газетами и журналами моей родины.

До меня иногда доходили (правда, частично в искажённом виде) отдельные сведения о мероприятиях советского правительства в области народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и охраны материнства и младенчества. Эти отрывочные сведения силой логики фактов пробивали себе дорогу через «железный занавес», воздвигнутый американским правящим классом, дабы средний американец не мог узнать правды о СССР.

Со временем я начала понимать, что, возможно, клевета на

Советский Союз, так энергично распространяемая в США, объясняется именно этой логикой фактов: 60 семейств, держащих в своих руках всю политическую и экономическую власть в Америке, смертельно боятся, что советский пример может «заразить» «среднего американца». Если простые американские люди узнают, что при социализме и коммунизме простые люди живут лучше и свободнее, чем при капитализме, то, чего доброго, они захотят и в США забрать в свои руки все средства производства и политическую власть. Именно поэтому, как мне казалось, правящие классы США из кожи лезут вон, чтобы дискредитировать в глазах американцев жизнь в Советском Союзе.

Эта мысль, правда, была у меня лишь в зачаточном состоянии. Я интуитивно чувствовала, что это так, но годы воспитания в американской школе и университете не прошли бесследно.

Мне трудно изложить на бумаге всю ту чепуху, которая преподносится слушателям американских учебных заведений под видом «информации» о Советском Союзе, да и вряд ли в этом есть необходимость.

У среднего американца, обучавшегося в американских учебных заведениях, в том случае, если он не принимает специальных мер к тому, чтобы узнать правду о Советском Союзе, складывается впечатление, что СССР - дикая, отсталая, агрессивная страна. Причём правящие круги Соединённых Штатов исходят из старого принципа рекламного дела в США, который гласит: «репутация - это повторение», т. е. положительная репутация какой-либо фирмы или продукта этой фирмы может быть создана в результате многократного повторения в печати, по радио достоинств данной фирмы и её продуктов. Даже «истины», ни в какой степени не соответствующие действительности, при таком воздействии на американских обывателей имеют успех.

Например, на всех перекрёстках и улицах американских городов и на шоссейных дорогах висят плакаты, расхваливающие достоинства прохладительного напитка «кока-кола». Миллионы американцев слепо верят утверждениям рекламы о том, что напиток «кока-кола» полезен

для здоровья и «повышает жизненный тонус», несмотря на то, что в журнале Американской медицинской ассоциации неоднократно приводились данные, свидетельствующие о том, что напиток «кока-кола», постепенно растворяя зубную эмаль, разрушает зубы. Однако журнал, имеющий тираж лишь в несколько тысяч экземпляров, не может эффективно бороться с миллионами плакатов, газетами и радио, расхваливающими мнимые достоинства «кока-кола».

Американские правящие круги в своей антисоветской пропаганде исходят из того же рекламного принципа. Они считают, что если достаточно часто повторять в различных вариантах клеветнические измышления о Советском Союзе, то, в конце концов, американский обыватель поверит этим измышлениям. При этом принимается в расчёт то обстоятельство, что правдивые данные о Советском Союзе, публикуемые в прогрессивной печати, не доходят до массового американского читателя вследствие малого тиража этих изданий и отсутствия средств для издания многотиражных прогрессивных газет, которые печатали бы правдивые данные о положении в различных странах мира.

* * *

Когда я согласилась поехать на работу в Москву, я исходила, главным образом, из давнего желания узнать правду о Советском Союзе, о советском народе.

Во время войны против фашистов я, затаив дыхание, внимательно следила за ходом военных действий на советско-германском фронте. Легендарные подвиги красноармейцев, в ожесточённых боях отстаивавших свою родину, гигантские бои за Москву, Сталинград, Ленинград, изгнание германских оккупантов из пределов Советского Союза - всё это привело меня к выводу, что народ, который с таким невиданным в истории героизмом отстаивает честь и независимость своей родины, не может быть таким плохим народом, каким его представляли нам американские школы, газеты и журналы. Так защищать свою родину может только народ, который любит её больше самой жизни.

Для меня это стало ясно ещё в Америке. Я захотела сама, своими глазами увидеть Советскую страну и героический народ. Я чувствовала несомненную преемственность между гуманизмом Толстого и Пушкина и тем, что происходило в СССР.

Я решила отбросить всё, что я узнала о Советском Союзе из американских газет и журналов и в стенах учебных заведений, чтобы самой изучить жизнь в Советском Союзе, узнать советских людей и сделать для себя правильные выводы.

Американцы любят говорить о том, что Россия - это огромная, непонятная для них загадка. В некоторой степени и для меня эта страна представляла загадку. Я хотела разгадать её. Я хотела понять движущие силы, которые превратили Россию из отсталой страны в мощную мировую державу, победившую на поле брани самую агрессивную, прекрасно вооружённую державу.

Итак, я прибыла в Москву. Служба в американском посольстве в Москве являлась моей первой работой на дипломатическом поприще. Я никогда ранее не работала в посольствах или консульствах и вообще впервые попала за границу.

Во время моей работы в разведке военно-воздушного флота США, а затем в разведке Управления стратегических служб через мои руки часто проходили документы, свидетельствующие о том, что американские посольства за границей в какой-то степени занимаются разведывательной работой. Мы часто получали доклады из американских посольств в различных странах с грифом «Особо секретно», в которых излагались разведывательные данные о политике, экономическом положении и вооружённых силах различных государств, причём эти доклады составлялись официальными работниками посольства.

Работая в разведке, я представляла себе, быть может, по наивности, что разведывательная работа является какой-то небольшой частью деятельности посольства и что в основном работа посольства направлена на улучшение взаимоотношений между США и той страной, где находится посольство; на

организацию потока официально добываемой объективной информации о положении в этой стране. Мне вообще казалось, что сотрудники американских посольств, являющиеся «глазами и ушами» американского народа за границей, должны в своей работе быть объективными в хорошем смысле этого слова, так как государственные интересы США, равно как и интересы американского народа, требуют получения достоверной и объективной информации о политике многих стран.

Кроме того, мне казалось, что послы и сотрудники американских посольств за границей должны также прилагать все свои способности и усилия к тому, чтобы иметь с правительствами стран, где они находятся, нормальные политические и торговые отношения, так как без этого никогда не удастся избавиться от хаоса, взаимного непонимания, недоразумений и других явлений, мешающих созданию стабильного процветающего мира.

Ведь в самом деле, если американское посольство в какой-либо стране в докладах своему правительству постоянно извращает факты о политике данной страны, заявляя, например, что эта страна имеет агрессивные намерения в отношении США, в то время как в действительности этого нет, то тенденциозная и необъективная информация в конечном счёте нанесёт, быть может, непоправимый ущерб интересам народа самих США. Именно поэтому мне казалось, что основное в работе послов и сотрудников американских посольств за границей - это объективное отношение к стране своего пребывания и бесстрастная регистрация фактов, официально добываемых и свидетельствующих о действительной политике этой страны.

* * *

Должна признать, что, приехав на работу в посольство, я была горько разочарована в этом вопросе.

В первые же дни работы в посольстве я убедилась в том, что не только руководящие работники (в том числе сам посол, советник, секретари), т. е. люди, в какойто степени определяющие политику государственного департамента США в русском вопросе, но даже некоторые рядовые работники

различных отделов посольства были настроены резко антисоветски, а подчас питали просто ненависть к советскому строю.

Я увидела, что посольство является государственным департаментом в миниатюре. Послы, так же как и государственные секретари, приходят и уходят, но все руководящие должности в посольстве, в частности должности советника и секретарей посольства, в течение многих лет находятся в руках упоминавшейся выше руководящей клики госдепартамента - Кеннана, Дюрброу, Болена, Рейнхардта и др.

Американский посол в Москве Смит являлся профессиональным офицером разведки. Ещё во время Первой мировой войны он имел непосредственное отношение к американской военной разведке, а во время Второй мировой войны, будучи начальником штаба генерала Эйзенхауэра, руководил деятельностью военной разведки американских экспедиционных сил в Европе. Даже журнал «Америка», издающийся в СССР Бюро информации США (до ухода из посольства я по совместительству работала помощником редактора этого журнала), в первом номере поместил портрет генерала Смита с подписью, что он является «знатоком и выдающимся организатором разведывательной работы». Совершенно ясно, что, назначая в Москву в качестве посла опытного разведчика, госдепартамент хотел дать «карьерным дипломатам» соответствующее направление и квалифицированное руководство в их антисоветской разведывательной работе.

В посольстве я увидела, что продолжаю работать в той же разведывательной организации, в которой работала до приезда в Москву, с той лишь разницей, что ранее я работала в органе, получающем, обобщающем и распределяющем разведывательные данные, добываемые за границей, а теперь я оказалась, если можно так выразиться, на передовой линии - в организации, добывающей разведывательные сведения за границей.

Вследствие крайних антисоветских настроений руководящего состава посольства, в том числе посла Смита, советника

Дюрброу, первых секретарей Дэвиза и Рейнхардта, буквально вся информация, направляемая посольством в госдепартамент, крайне тенденциозно и в антисоветском духе освещала советскую внутреннюю и внешнюю политику и вообще все события и факты, имеющие место в Советском Союзе. Госдепартамент, в свою очередь, получая эти ложные данные, ещё больше усиливает их и в таком виде преподносит американскому народу.

Из разговоров с рядовыми сотрудниками посольства, а также на основании своих личных наблюдений я быстро убедилась в том, что работники посольства, настроенные в какой бы то ни было степени объективно в отношении Советского Союза, проявляющие или намеревающиеся проявлять в своей работе это настроение, очень быстро убеждаются в том, что они должны перестроиться. В противном случае их быстро отзовут и выгонят с государственной службы, что в Америке почти равносильно смертному приговору, так как ни одна частная фирма в Соединённых Штатах не возьмёт к себе на работу человека, изгнанного с государственной службы за «нелояльное отношение к США».

В этом очень быстро убеждаются многочисленные американские служащие, которые увольняются с государственной службы в результате работы Федерального бюро расследований. Тщетно пытаются найти хоть какую-либо работу у частных предпринимателей люди, уволенные из государственных учреждений без конкретных обвинений.

* * *

Основную скрипку в американском посольстве играл уже упомянутый мною Элбридж Дюрброу. У Дюрброу имелась одна характерная черта, которую быстро замечали все сталкивающиеся с ним, - это ненависть к Советскому Союзу, злобная, патологическая ненависть ко всему советскому, русскому, славянскому. Временами это чувство овладевало им с такой силой, что он терял самообладание.

Я не могу объяснить происхождение этого чувства.

Мне не известно также, что кроется за ним и каковы его психологические корни. Даже посол Смит, который сам не мог пожаловаться на объективное отношение к Советскому Союзу, всецело находился под его влиянием.

Следует отметить, что даже многие американцы из числа сотрудников посольства в Москве, являвшиеся циничными до мозга костей людьми, настроенными резко антисоветски и антирусски, поражались и не могли привыкнуть к «интенсивности чувств» Дюрброу. Даже среди тех, кто соглашался с политикой Дюрброу, имелось значительное количество людей, остро его ненавидящих и презирающих. При упоминании имени Дюрброу в случайно собравшейся группе американцев, проживающих в Москве, всегда слышалось ироническое замечание или злобный смешок.

Его дипломатическая карьера началась с назначением его в Варшаву и Бухарест. В Советский Союз он попал впервые только в 1934 г. Он проработал в Москве в течение трёх с половиной лет, установив тесные связи с Лоем Гендерсоном и Джорджем Кеннаном.

Однако Дюрброу не произвёл на Гендерсона должного впечатления для того, чтобы получить дальнейшее назначение на работу по линии СССР. Он был вновь включён в эту работу только после начала войны. По-видимому, это было сделано в виде эксперимента, из-за недостатка подготовленного для этой деятельности персонала.

Тем не менее он настолько «хорошо» проявил себя во время этого эксперимента, что в 1944 г. был назначен помощником начальника отдела по делам Восточной Европы, а затем через короткий промежуток времени - начальником этого отдела.

В 1946 г. он был возведён в ранг советника американского посольства в Москве.

Американцы, работавшие в посольстве, прекрасно знали, что посольством управлял не посол, а Дюрброу, и что он фактически решал все вопросы, связанные с подбором личного состава посольства. Дюрброу являлся автором наиболее

важных телеграмм, направленных в государственный департамент из Москвы.

Прибыв в Москву, Дюрброу предпринял всё возможное для создания и укрепления «железного занавеса» между американцами из посольства и русскими.

Он делал это в первую очередь потому, что жил в постоянном страхе перед влиянием русских на сотрудников посольства и возможными последствиями этого влияния.

Отдельным лицам, поддерживавшим длительный контакт с советскими людьми без разрешения руководства посольства, предлагалось порвать эти связи, они получали предупреждение, что в противном случае будут отправлены на родину и попадут в немилость. В других случаях такие лица получали назначение в другие представительства или под каким-либо предлогом отправлялись в Соединённые Штаты.

Иногда Дюрброу, который никогда не делал открыто что-либо такое, что он мог бы осуществить закулисным способом, выжидал, пока лица, нарушающие его приказы, не выезжали из СССР в отпуск или по другим обстоятельствам. Во время их отсутствия Дюрброу устраивал им перевод в другое место, чтобы воспрепятствовать их возвращению в Москву.

Я уверена, что не только вследствие случайного стечения обстоятельств моя соседка по комнате Сесилия Воз не возвратилась в Москву из Берлина, куда она была направлена для лечения в госпитале.

* * *

Конечно, Дюрброу, запрещая длительный контакт между американцами и советскими гражданами, делал явное исключение для многочисленных американских агентов, занимавшихся сбором шпионских сведений.

Эти агенты, имевшиеся в большом количестве не только среди сотрудников военного и военно-морского атташатов, но также и среди гражданских служащих посольства, не только имели

разрешение на установление подобного контакта, но в соответствии с категорическими приказами были уполномочены на это и были обязаны подробно докладывать посольству о своих связях.

Контроль Дюрброу над сотрудниками посольства базировался в основном на системе информаторов, регулярно докладывающих ему о деятельности других американцев, их политических взглядах, личной жизни и дружеских связях. Эти информаторы проявляли особый интерес ко всем, питающим склонность к отклонению от политики посольства и государственного департамента. Мне говорили, что посол также твёрдо верит в эту систему «информаторов».

Особенно полезными в этой системе оказались некоторые из жён офицеров и служащих посольства. Прекрасным информатором являлась жена Дэвиза, преднамеренно поощрявшая некоторых девушек, из числа служащих посольства, к «откровенности» с нею и систематически информировавшая своего мужа и Дюрброу об их настроениях и сплетнях, услышанных ими от других сотрудников посольства.

Необходимо добавить, что, по утвердившемуся в посольстве мнению, корреспондент Роберт Магидов также был полезен в этой области. В качестве «независимого», постороннего человека, часто высказывавшегося в пользу Советского Союза, Магидов имел возможность собирать различные сведения и затем докладывать о взглядах некоторых «оппозиционно настроенных личностей», доверявших ему.

За время своего пребывания в Москве Дюрброу успешно избавился от всех, кто по каким-либо причинам был ему неугоден. Иногда для того, чтобы набросить тень на «лойяльность» тех, кто ему не нравился, он пользовался донесениями информаторов. В других случаях он применял более грубые методы.

Один из курьеров охраны при посольстве проявлял слишком большое рвение в работе. Он регулярно обходил все служебные помещения после окончания работы. Дважды он обнаруживал сейф Дюрброу открытым в тот период, когда кабинет никем не

охранялся, и дважды заявлял, что информирует государственный департамент об этом серьёзном нарушении правил безопасности. Вскоре после этого он уехал в отпуск за пределы Советского Союза и был в течение этого времени переведён в другое представительство. Всё это произошло совершенно неожиданно для него.

Дюрброу, так же как и другие «монополисты по советско-американским делам» в государственном департаменте США, проявлял большую энергию в деле искажения фактов в своих донесениях о Советском Союзе.

Дюрброу докладывал только те сведения, которые соответствовали его политике, т. е. сведения клеветнического характера. Хотя работа Дюрброу в этой области являлась довольно грубой, он всегда находил готовую его выслушать аудиторию, поскольку лица в Вашингтоне, получавшие и читавшие его телеграммы и доклады, были вполне подготовлены к тому, чтобы поверить в любую ложь, которой он их снабжал.

То обстоятельство, что этот «эксперт» по русским делам, знающий русский язык, только в пределах, достаточных для того, чтобы объяснить своему повару, что он желает заказать на обед, и абсолютно не осведомлённый о Советском Союзе, находил в Вашингтоне аудиторию, всегда готовую поверить подобным «донесениям», - свидетельствует о легковерности этой аудитории и является показателем того, в какой степени жаждущее определённых сведений мышление, вытекающее из антисоветских настроений, доминирует над объективностью.

* * *

Первым секретарём американского посольства в Москве являлся Фредерик Рейнхардт, высокий брюнет, внешне довольно интересный мужчина, хотя он и производил впечатление немного скользкого человека.

Он являлся образцом дипломата в представлении американцев. Ему не хватало лишь традиционного монокля.

Лучше всего он себя чувствовал во время «дипломатического» чая, на дипломатических приёмах, коктейлях и т. п., когда кто-то другой платит за угощение. Он также всегда прекрасно знал, с какими лицами нужно дружить для обеспечения своей карьеры и как с ними обходиться.

Рейнхардт пользовался большим успехом у женщин и прекрасно сознавал это. Он чувствовал себя одинаково непринуждённо, угождая влиятельным старым дамам или флиртуя с 20-летними девушками.

Умение завоевать симпатии женщин являлось одним из основных его «достоинств», и он был убеждён, что одним из ключей к его успеху на американской дипломатической службе является искусство влиять на жён тех деятелей, которые могут быть полезны для его карьеры.

Рейнхардт представлял собой яркий пример «денационализированного» американца. Своё образование он получил, главным образом, в Западной Европе. Он совершенно свободно говорит по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-русски. Он практически ничего не знал и не желал знать об Америке. Он очень мало жил в Соединённых Штатах и ежегодно проводил свой отпуск в Швейцарии. Рейнхардт нисколько не интересовался «неотёсанными» американцами, зато он проявлял большой интерес к «культурным» немцам.

Рейнхардт, как и Джордж Кеннан,- был несомненным германофилом. В 1940- 1941 гг., несмотря на явные признаки близкого начала войны и на часто выражаемую враждебность правительства США в отношении Гитлера, лучших друзей Рейнхардта можно было найти в германском посольстве в Москве. Он был их закадычным приятелем, и вряд ли приходится сомневаться в том, что он являлся ценным источником информации для германских кадровых разведчиков по вопросу политики США в отношении Германии и Советского Союза.

Именно в свете этих симпатий нужно рассматривать значимость того обстоятельства, что в госдепартаменте Рейнхардт, как и Кеннан, считался одним из ведущих экспертов

не только по Советскому Союзу, но и по Германии.

Свою карьеру Рейнхардт начал в государственном департаменте в 1937 г. Уже в 1939 г. он близко подошёл к области американо-советских отношений, будучи направлен на работу в американское посольство в Таллин.

В 1940 г. его послали в американское посольство в Москву, где он оставался до 1942 г. в качестве третьего секретаря посольства. В 1942 г. его вернули в государственный департамент, где он получил назначение в отдел, занимающийся «русскими делами» под начальством Лоя Гендерсона.

Можно считать, что контакт с Гендерсоном являлся достаточным основанием к тому, чтобы обеспечить вступление Рейнхардта в группу антисоветских чиновников госдепартамента, осуществляющих монополию в «русских делах».

Гендерсон в это время находился в крайне затруднительном положении. Как я уже писала, он официально предсказывал, что немцы в 1941 г. одержат победу над Россией. Гендерсон весьма активно пропагандировал эту мысль в госдепартаменте.

К 1942 г. Гендерсон, естественно, имел смешной вид в госдепартаменте, поскольку его предсказания не сбылись. Даже в Белом доме начинали понимать, что в этот критический момент Гендерсон пытается подрывать американо-советские отношения. Поэтому Рузвельт намеревался отстранить Гендерсона от работы в области советско-американских отношений.

Гендерсон прекрасно чувствовал это и стремился укрепить положение клики «русских экспертов», хотя бы в своём отделе госдепартамента, с тем, чтобы сохранить влияние там, даже если ему придётся временно уйти в «ссылку». Для этой цели можно было превосходно использовать Рейнхардта. Он находился в Вашингтоне именно в этом отделе и не скомпрометировал себя в той степени, в какой это сделали другие «эксперты» по советским делам. Можно было вполне

положиться на то, что он будет энергично проводить антисоветскую политику.

Так Рейнхардт был принят в антисоветскую клику госдепартамента и с тех пор являлся одним из руководящих деятелей в области советско-американских отношений, разумеется, менее важным лицом, чем Кеннан, Болен или Дюрброу, но, во всяком случае, таким человеком, для которого было предначертано важное будущее в этой области.

* * *

Рейнхардт испытывал к России почти такую же сильную ненависть, как и Дюрброу. Рейнхардт, несомненно, хотел бы стереть Советский Союз с лица земли при помощи атомных бомб и без колебаний открыто говорил об этом в посольских кругах. Он очень боялся всего советского.

В американском посольстве в Москве Рейнхардт руководил работой пресс-отдела, занимающегося сбором и передачей в Вашингтон повседневных новостей, публикуемых в советских газетах.

Занимая такое положение, Рейнхардт назначил Дэвида Генри, который, как говорили, являлся его родственником, начальником пресс-отдела. Работой пресс-отдела Рейнхардт руководил таким образом, чтобы сконцентрировать максимум внимания на тех событиях, которые можно было при соответствующем толковании в наибольшей степени извращать, с тем чтобы оклеветать советскую политику и политическую жизнь СССР Его доклады были постоянно направлены к тому, чтобы поддержать антисоветскую политику посольства в госдепартаменте. Он ставил перед собой цель - скрыть от госдепартамента в Вашингтоне все факты и события, которые в какой-либо степени противоречат этой политике. С этой точки зрения его положение в посольстве можно было считать довольно значительным.

Рейнхардту было поручено также поддерживать отношения с иностранными дипломатами в Москве, чтобы получать от них клеветническую информацию. Он страстно охотился за

сплетнями и слухами в Москве и немедленно докладывал такие сплетни и слухи, которые соответствовали его программе информации госдепартамента. Рейнхардт высоко ценился за его способности именно в этой области «дипломатической» работы.

В посольстве считали весьма вероятным, что Рейнхардт имел также задание вести разведывательную работу среди советских граждан. Известно, что он поддерживал тесные связи с военными и гражданскими разведывательными органами США и от них получал различные задания, которые могли даваться лишь лицам, имеющим высокий дипломатический ранг и хорошо знающим русский язык. Достаточно сказать, что Рейнхардт, хотя он всячески пытался скрыть это обстоятельство от всех других сотрудников посольства, прилагал все старания к тому, чтобы наладить контакт с некоторыми советскими гражданами.

Рейнхардт поддерживал тесную связь с консульским отделом посольства, отделом, в котором работают сотрудники разведки, использующие консульскую работу в целях получения информации от претендентов на американское гражданство.

Позже Рейнхардт получил назначение американским консулом в Ленинграде. В посольстве считали, что эта должность имела первостепенное значение для разведывательной работы. Рейнхардт, однако, не поехал в Ленинград. Он был слишком ленивым человеком, чтобы довести до конца все необходимые подготовительные работы. Это было хорошо известно в посольстве, хотя оно лицемерно сообщило в госдепартамент, что советские власти чинили «препятствия» к созданию консульства в Ленинграде.

В действительности, разумеется, совершенно очевидно, что в Ленинграде можно было начать работать хотя бы во временном помещении, даже если бы пришлось месяц или более дожидаться приведения в порядок постоянного здания для работы. Это, однако, вряд ли соответствовало вкусу Рейнхардта, и он туда не выехал.

В своё время Рейнхардту предложили переселиться в личную

резиденцию посла на Спасо-Песковском и до некоторой степени оказывать послу помощь в управлении особняком, в устройстве приёмов и в другой «работе». Рейнхардту очень не по душе пришлась эта работа, и он сильно невзлюбил посла. В результате некоторых инцидентов, имевших место после поздних вечеринок, это обстоятельство стало достоянием всего посольства.

* * *

Я охарактеризовала лишь нескольких руководящих деятелей американского посольства в Москве, не останавливаясь подробно на других, так как руководящие должности в посольстве всегда были заняты представителями вашингтонской антисоветской клики госдепартамента.

Таким образом, американский народ и общественное мнение почти целиком зависели от небольшой группы лиц, в том числе и сотрудников посольства и корреспондентов, монополизирующих в своих руках все каналы информации о Советском Союзе и наносивших тем самым огромный ущерб интересам американского и советского народов.

Разведывательная работа американского посольства

Как я уже упоминала, мне иногда казалось, что я работаю в каком-то разведывательном аппарате. Если взять хотя бы только Бюро информации, в котором я непосредственно работала, то в этом Бюро работали почти исключительно профессиональные разведчики.

Речь идёт о таких людях, как Уиллис и Вильямс, работавшие ранее в военно-морской разведке США, бывший начальник Бюро информации Мелвилл Рэгглс и Джозеф Хэнсон, являвшиеся кадровыми сотрудниками Управления стратегических служб.

Я видела, что работники посольства, в соответствии с заданиями руководства посольства и госдепартамента, используют все мельчайшие возможности для сбора

информации о материальном положении и моральном состоянии жителей Советского Союза, данные о развитии промышленности и сельского хозяйства в СССР и т. п.

Поездки по Советскому Союзу, предпринимавшиеся сотрудниками посольства во время войны якобы для связи с американскими представителями в Одессе, Белоруссии, на Украине (ЮНРРА), в Мурманске, Архангельске, Владивостоке, а после войны, главным образом, поездки во Владивосток, где имеется американское генеральное консульство, использовались для сбора разведывательной информации.

Можно было бы привести множество примеров. Ограничусь лишь двумя. Атташе американского посольства Луиза Люкке, бывший майор военно-морской разведки США, по заданию руководства посольства предприняла поездку во Владивосток якобы с дипломатической почтой, а на самом деле для ведения разведки в пути следования.

Перед ней ставилась задача - завязывание знакомств в пути следования, выявление военных объектов по Транссибирской магистрали и сбор информации о материальном положении населения Сибири и Дальнего Востока, которая могла бы быть использована для антисоветской пропаганды в США.

По возвращении в Москву Луиза Люкке написала обстоятельный доклад обо всём виденном и слышанном в пути следования, о всех знакомых, приобретённых ею в дороге, о всех разговорах с ними и различных других деталях.

Подобным же образом «отличился» третий секретарь посольства, Фриирс, который совершил поездку по Уралу, Средней Азии и Кавказу, завязывая в дороге многочисленные знакомства с пассажирами и выпытывая у них различные сведения.

Кроме того, Фриирс тщательно подсчитывал и записывал названия всех аэродромов, встречавшихся по пути следования, считал количество самолётов, находящихся на этих аэродромах, пытался установить дислокацию и состав воинских частей, располагавшихся по пути следования, и другие

подобные вопросы, имеющие чисто военное значение, занимался военным шпионажем в прямом смысле этого слова.

* * *

Для лучшей организации сбора разведывательной информации американское посольство в Москве разбито на отделы: экономический, политический, пресс-отдел, сельскохозяйственный, консульский и ряд технических и административных отделов для обслуживания специализированных отделов и бытовых нужд сотрудников.

Названия этих отделов определяют направленность их разведывательной работы. Например, экономический отдел посольства собирает данные о работе советской промышленности, о количестве и качестве выпускаемой продукции; ведёт тематическую картотеку по советской экономике, куда заносятся данные, собираемые сотрудниками посольства и взятые из советской печати.

Точно таким же образом ведёт свою работу и сельскохозяйственный отдел. Он собирает данные о размерах прошлого и предстоящего урожаев в СССР.

В консульский отдел посольства обычно приходят лица без гражданства и некоторые бывшие американские подданные, проживающие в СССР, по различным интересующим их вопросам. Одни хотят найти своих родственников, проживающих в Америке, чтобы наладить с ними переписку, другие, особенно старики и старушки, приходят выяснить, можно ли выехать к своим детям, проживающим в США. Сотрудники консульского отдела, в большинстве своём являющиеся кадровыми разведчиками, всегда стараются использовать этих посетителей для сбора разведывательной информации о Советском Союзе.

Прежде чем удовлетворить ту или иную просьбу посетителя, сотрудники консульского отдела подвергают его подробнейшему разведывательному опросу. Они выясняют данные о дислокации частей Советской Армии, о материальном положении населения Советского Союза (особенно в тех

случаях, когда посетители приезжают в Москву из других городов) и другие вопросы, имеющие разведывательный характер. Такие люди, сами того не замечая, превращаются в информаторов американцев.

Сотрудники консульского отдела не гнушаются ставить удовлетворение просьбы посетителя в зависимость от откровенности его ответов на вопросы американцев.

Отдельных наивных посетителей они ловко опутывают, устраивают проволочки с разрешением поставленных ими вопросов, чтобы заставить их чаще заходить в консульский отдел, и дают им различные задания шпионского характера, настаивая на их выполнении.

Американским разведчикам, работающим в консульском отделе, нет никакого дела до того, что, втягивая своими заданиями посетителей в шпионскую работу, они ставят их под серьёзную угрозу быть привлечёнными советскими властями к уголовной ответственности за передачу разведывательной информации американцам.

Перед ними стоит одна задача - собрать возможно больше разведывательной информации, невзирая на неизбежный риск для их информаторов.

Именно эта циничность по отношению к людям меня больше всего возмущала, но занимаемое мною положение в посольстве не давало мне возможности помешать этим безжалостным действиям американских разведчиков.

Ряд моих друзей из числа сотрудников посольства США рассказывал мне, что американские разведчики, маскирующиеся в тогу дипломатов, предпочитали толкать на шпионский путь посетителей посольства потому, что вести разведывательную работу в СССР очень трудно и что такая работа здесь связана с большим риском.

Эти американские разведчики неоднократно жаловались, что советские граждане не идут на вербовку, причиняя им большие неприятности, после которых они порой должны даже быстро

ретироваться из СССР.

Вследствие этих причин американские разведчики, стремящиеся выслужиться перед начальством, так как руководство разведки в Вашингтоне требует усиления разведывательной деятельности в СССР, ищут агентуру среди разложившихся людей и разных отбросов советского общества, преклоняющихся перед так называемой «западной культурой».

После того как американские агенты, завербованные из числа этих подонков, попадали в руки советских органов, сами американские разведчики как среди сотрудников своего посольства, так и среди других дипломатических миссий в Москве широко распространяли слухи об аресте в Советском Союзе «невинных людей!

* * *

Когда в качестве посла в Москву прибыл профессиональный разведчик генерал-лейтенант Смит, многое из того, что осталось после Гарримана, который был разведчиком лишь по призванию, а не по профессии, ему не понравилось. С точки зрения Смита, в разведывательной работе посольства было много «наивного», и он её коренным образом перестроил.

Смит заставил буквально каждого сотрудника посольства, вплоть до последнего клерка, независимо от того, в каком отделе он работал, заниматься разведывательной работой. Он вменил в обязанность сотрудникам посольства завязывать кратковременные связи среди советских граждан, вести с ними разговоры на самые различные темы советской жизни и затем подробнейшим образом обо всех сведениях, «важных» и маловажных, составлять пространные меморандумы. Для этих целей руководство посольства даже несколько ослабило негласный режим, при котором не рекомендовалось встречаться с советскими гражданами.

Как посол Смит, так и советник Дюрброу неоднократно подчёркивали в разговорах с сотрудниками, что в разведывательной работе нет мелкой, незначительной информации; любая подхваченная деталь по любому вопросу

советской экономики, культуры и т. п. представляет интерес.

Исходя из этих указаний Смита и Дюрброу, чиновники американского посольства шныряли по Москве и Московской области, пытаясь разведать расположение оборонных объектов, а если это не удавалось, рыскали по базарам, магазинам, ресторанам, кафе, вокзалам, собирали там всякого рода сплетни и слухи, обрабатывали их в антисоветском направлении, выдавали эти сведения за секретные, которые якобы добыты агентурным путём, и в таком виде отправляли их в Вашингтон.

Дело доходило иногда до того, что советник Дюрброу настаивал, чтобы сотрудники посольства записывали и представляли в виде меморандумов даже анекдоты, которые им удавалось слышать от своих советских знакомых в городе.

Специальная сотрудница посольства Марта Халлоран работала над обобщением меморандумов, поступавших от сотрудников посольства, больших и малых.

Она также вела тематическую картотеку, куда заносились собираемые сотрудниками посольства данные по вопросам советской промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Мне известно много случаев, когда сотрудники, желающие выслужиться, сами выдумывали антисоветские клеветнические «факты», представляя их в виде меморандумов, с изложением якобы состоявшегося разговора с каким-либо советским гражданином.

Все эти данные обобщались и заносились в картотеку. Когда сотрудники посольства составляли очередной доклад по какому-либо вопросу, они обязательно прибегали к этой картотеке. Можно себе представить, насколько необъективно и тенденциозно освещалась советская действительность на основании собранных таким образом сплетен и отрывочных данных.

Дюрброу неоднократно предлагал и мне составлять разведывательные меморандумы обо всех моих знакомых,

разговорах с ними и т. п.

Когда я вернулась, например, из поездки в Одессу, где проводила свой отпуск, Дюрброу потребовал, чтобы я написала подробный отчёт обо всём, что видела и слышала в Одессе. Как и в предыдущих случаях, я отклонила его требование, сославшись на то, что была в отпуске и поэтому не буду писать о том, как его проводила и что видела в Одессе.

Но некоторые сотрудники посольства проявляют особое рвение в этом деле. Например, бывшая и. о. начальника Бюро информации Элизабет Иган с разрешения руководства посольства лихорадочно заводила знакомства среди советских граждан и все мельчайшие разговоры с ними на всевозможные темы подробно записывала и представляла руководству посольства в виде разведывательных меморандумов. Этим самым она заслужила большое расположение руководства посольства.

Между прочим, возвратившись в США, Элизабет Иган начала печатать клеветнические статьи о советском народе в различных американских изданиях. В бульварном журнале «Коронет» она поместила большую статью под заглавием - «Русские мужчины, которых я знала».

Она выдумывала различные романы, которые у неё якобы были с русскими мужчинами, и «факты», которые ей стали известны в результате этих романов.

Наряду с измышлениями о русских мужчинах, Иган допустила ряд выпадов против советских женщин, издеваясь над тем, как одевались москвички и ленинградки в годы войны. Нужно быть вконец морально растленным человеком, чтобы в издевательских тонах описывать замечательных советских женщин, самоотверженно трудившихся в тылу, в то время как их мужья сражались на фронте.

* * *

Говоря о разведывательной деятельности сотрудников американских дипломатических представительств, нужно

подчеркнуть, что, несмотря на ряд серьёзнейших провалов в шпионской работе американских разведчиков на территории Советского Союза, несмотря на аресты агентов американской шпионской службы, шпионская работа представителей американской разведки в СССР продолжалась.

Можно проиллюстрировать методы работы кадровых разведчиков американского посольства и военного атташата на примерах оскандалившихся горе-шпионов.

Особой активностью на поприще разведывательной работы отличался кадровый разведчик Джордж Руллард, работавший в Советском Союзе в качестве помощника американского военно-морского атташе.

В первые годы Второй мировой войны Руллард работал в Архангельске, возглавляя американское военноморское представительство. В его официальные функции входило содействие советским властям в получении грузов, шедших из Америки в порядке ленд-лиза. Нужно подчеркнуть, что это было лишь его подсобным занятием. Главная же цель пребывания Рулларда в Архангельске - сбор секретной военной информации.

В 1943 году Рулларда назначили на самостоятельную работу - помощником военно-морского атташе при американском генеральном консульстве во Владивостоке. Это назначение было для Рулларда повышением, так как Советский Дальний Восток представлял огромный интерес для американской разведывательной службы, особенно если принять во внимание тихоокеанский театр военных действий.

Руллард добился в Москве, чтобы вместе с ним во Владивосток была послана Ирина Матусис, работавшая у него переводчицей в Архангельске. Руллард не без основания настоял на переводе Матусис из Архангельска во Владивосток, так как она была им завербована для шпионской работы и являлась его правой рукой.

Если в Архангельске Руллард проявлял некоторую осторожность, стремился приглядеться и освоиться с

советскими условиями, то во Владивостоке, имея уже определённый опыт, он пытался широко развернуть свою разведывательную деятельность. Как и в Архангельске, ему в этом активно помогала Матусис, которую он устроил переводчицей в американском консульстве.

По заданию Рулларда Матусис заводила связи среди военнослужащих Красной Армии, работников порта, капитанов советских пароходов и т. п. Она подыскивала интересных для Рулларда людей и знакомила его с ними.

Сотрудники военно-морского атташата в Москве очень часто ставили Рулларда в пример, как способного разведчика, умевшего прикидываться внешне лойяльным к Советскому Союзу, располагать к себе своих знакомых - советских граждан и в непринуждённой беседе за стаканом вина выпытывать у них секретные сведения.

Для достижения своих целей Руллард не брезговал прибегать к шантажу и запугиванию тех своих знакомых, которые, распознав в нём разведчика, противились их использованию в качестве шпионов.

Как мне известно, работа Рулларда во Владивостоке получила хороший отзыв от посольского начальства.

Как я уже отмечала, Ирина Матусис была его ближайшей помощницей по шпионской работе. По примеру своего шефа Матусис постоянно вращалась в среде советских граждан, обзаводилась личными «друзьями», не скупилась на угощения и разного рода мелкие подарки.

Приступив во Владивостоке к активной разведывательной работе, Матусис увидела, что советские органы государственной безопасности следят за ней. Будучи обеспокоена установленным за ней наблюдением и поняв, что она может провалиться, Матусис начала принимать меры к отъезду в Америку.

Но было уже поздно. В 1947 г. советские органы государственной безопасности своевременно арестовали

Матусис и ликвидировали шпионское гнездо, созданное Руллардом во Владивостоке.

Это обстоятельство вызвало небывалый переполох в посольстве, особенно в военно-морском атташате, потому что американцы боялись разоблачения разведывательной деятельности посольства США в Москве.

* * *

Другой «восходящей звездой» американской разведывательной службы в Советском Союзе был кадровый офицер военно-морской разведки, помощник военноморского атташе Роберт Дрейер. Свои разведывательные способности он развернул в Одессе, где в 1946 - 1947 гг. работал при американском военно-морском представительстве.

Дрейер жаловался на трудности ведения разведывательной работы в Одессе, так как советские органы усиленно следили за ним и не давали как следует наладить шпионскую работу.

В особую заслугу Дрейеру ставилось приобретение одного шпиона, работавшего сотрудником одесской таможни и имевшего по условиям своей работы официальную связь с американскими представителями.

От моих друзей в посольстве я узнала, что Дрейер пойман с поличным, и поняла, что речь идёт именно об этом шпионе, завербованном Дрейером в Одессе и приезжавшем в Москву для передачи ему шпионских материалов.

Вскоре из Советского Союза был выслан за шпионаж американский корреспондент Роберт Магидов. Я хочу здесь отметить лишь то, что мне известно о деятельности Магидова, поскольку он бывал частым «гостем» в посольстве и был хорошо известен всем американцам.

Роберт Магидов долгие годы жил в Советском Союзе, хорошо изучил страну и русский язык. Он женился на русской женщине и таким образом обзавёлся здесь родственными связями.

В американском посольстве Магидов слыл хорошо информированным человеком. Он был полезен и ценен для посольства, так как систематически передавал разные сведения о Советском Союзе.

В посольстве о нём говорили, как о ловком человеке, которому удаётся всюду проникать и получать информацию благодаря тому, что у своих русских знакомых он всегда старался создавать впечатление лояльного и даже дружески настроенного к СССР человека.

Я считаю, что американские разведчики, действующие под прикрытием издательства «Мак Гроу-Хилл», не случайно остановили свой выбор на Магидове и поручали ему собирать шпионскую информацию о Советском Союзе. Американским разведывательным органам было известно, что Магидов хорошо знаком с советскими условиями и имеет опыт шпионской работы.

Магидов приложил немало усилий, чтобы выполнить задания американской разведки. Знакомясь с советскими учёными, работающими в области новых научных исследований, Магидов собирал и передавал в посольство малейшие данные, которые становились ему известными.

Связь с американскими разведывательными органами Магидов, как правило, осуществлял через дипломатическую почту посольства. Я помню, как несколько раз, когда я являлась ответственным дежурным по посольству, Магидов сдавал в комнату дипломатической почты свои пакеты для отправки в США. Посольство, таким образом, потворствовало и помогало Магидову в его шпионской работе, нарушая дипломатические привилегии.

Я нисколько не удивилась, узнав, что советские власти решили положить конец этому скандальному делу.

Информационно-пропагандистская служба Соединённых Штатов

В июне 1942 г. в США, помимо Управления стратегических служб (УСС), было создано Бюро военной информации (БВИ). Эти организации выполняли различные функции, однако были тесно связаны между собой.

Хотя формально Бюро военной информации и являлось чисто пропагандистским органом, в действительности оно также выполняло разведывательные функции.

Официальной задачей БВИ во время войны являлось ведение пропаганды и распространение информации и дезинформации в США и на территории союзников, нейтральных стран и стран противников.

Руководителем Бюро военной информации был назначен журналист и радиокомментатор Элмер Девие.

При БВИ был создан специальный комитет по вопросам военной информации, состоявший из представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств и ряда других учреждений.

Разведывательную и пропагандистскую деятельность в других странах Бюро военной информации осуществляло через свои официальные филиалы и представителей печати в союзных и нейтральных странах.

Кроме разведывательной и пропагандистской деятельности в США и за границей, БВИ занималось цензурой внутри США, а также играло роль своего рода официального информационного бюро американского правительства, через которое оно выпускало официальные коммюнике и сообщения.

При всех американских посольствах за границей были организованы филиалы Бюро военной информации. В Москве при американском посольстве также был создан филиал БВИ. Под видом распространения американских печатных изданий и кинофильмов сотрудники этого филиала вели активную разведывательную работу.

Под флагом пропагандистской и культурной работы они

заводили знакомства среди советских граждан и выпытывали у них различные интересующие разведку сведения.

После войны Бюро военной информации, так же как и частично Управление стратегических служб, перешло в аппарат государственного департамента, где было создано Управление информации и культуры. В соответствии с этой реорганизацией Бюро военной информации посольства также подверглось некоторой перестройке.

Было создано Бюро информации посольства, подчиняющееся в своей работе Управлению информации и культуры государственного департамента.

* * *

Бюро информации посольства, официально занимающееся распространением американской пропаганды в Советском Союзе, - тот отдел американского посольства в Москве, с которым я лучше всего знакома.

Контора Бюро информации размещалась в Москве, на улице Веснина, а его деятельность направлялась американским посольством.

Около двух с половиной лет я работала в системе информационной службы США. На протяжении этого времени я занималась административной и другой ответственной работой и, естественно, хорошо познакомилась со всеми сторонами деятельности этой организации, равно как и с её программой.

Двумя основными каналами официальной американской пропаганды в Советском Союзе являлись журнал «Америка», выходящий на русском языке, и радиопрограммы на русском языке, передаваемые из США под названием «Голос Америки».

Пропагандистские материалы для использования по этим каналам составлялись главным образом в Вашингтоне и Нью-Йорке крупной организацией, в состав которой входили многие русские белогвардейцы.

Кстати сказать, «Голос Америки» не только привлекал русских белогвардейцев для работы в качестве дикторов, но и активно использовал их в качестве экспертов по России, в качестве консультантов по содержанию передач. Характерно, что к услугам этих людей прибегал не только отдел государственного департамента, ведающий радиопередачами «Голос Америки». Известно, что и руководящие члены государственного департамента поддерживали тесную связь с представителями белогвардейских организаций в Америке. В свете этих данных весьма симптоматично выглядит факт досрочного освобождения из тюрьмы в 1947 г. некоего Вонсяцкого - главаря русских фашистов в США - присуждённого в 1942 г.

федеральным судом к длительному тюремному заключению за шпионаж в пользу Германии и Японии.

Небезынтересно отметить, что видный сотрудник государственного департамента Фрэнсис Стивенс был женат на русской белоэмигрантке. Известно, что жена Стивенса устроила свою близкую подругу Ксению Варне, являющуюся также белоэмигранткой, на работу в государственный департамент, который не преминул со всей поспешностью направить её вместе с мужем на работу в американское посольство в Москву.

Ксения Варне работала в посольстве одновременно со мной и являлась фактической представительницей белогвардейских кругов США в американском посольстве в Москве. Она была настроена резко антисоветски и не только сильно влияла на своего мужа, работавшего начальником экономического отдела посольства, но и рьяно выполняла задания государственного департамента по антисоветской обработке других сотрудников посольства.

Будучи ещё в Москве, Ксения Варне рассказывала мне, что её мать живёт под Нью-Йорком на ферме РидФарм вместе с бывшей графиней Толстой. Сама Варне была также очень близка с Толстой: она была с ней связана по антисоветской деятельности.

Прошлое Ксении Варне не лишено пикантности.

Она - бывшая шансонетка одного из одесских кабачков, удравшая за границу во время гражданской войны.

Нельзя отказать госдепартаменту в «широте взглядов» при комплектовании кадров «консультантов по советским делам»: рядом подвизались бывшая графиня, опозорившая имя своего великого отца, и бывшая шансонетка одесского притона!

Помимо деятельности в качестве «консультантов» американской дипломатической службы, русские белогвардейцы в Америке выполняли ещё одну функцию - они посредничали в антисоветской обработке и вывозе в страны Северной и Южной Америки дешёвой рабочей силы под видом так называемых перемещённых лиц из числа советских граждан, т. е. фактически помогали американцам заниматься работорговлей.

* * *

Этими комментариями к «кадрам» «Голоса Америки» я отвлеклась немного от основного вопроса.

Московская контора информационной службы США играла важную роль в определении общей политической линии американской пропаганды, в сборе откликов об эффективности журнала и радиопрограммы, а также в распространении журнала «Америка».

Правда, контора информационной службы США в Москве имела и другие функции. Бюро информации осуществляло программу так называемых «культурных отношений» с помощью кинокартин, граммофонных пластинок с записями известных американских джаз-оркестров, образцов американского «искусства» и т. д.

Большая часть этих довольно ценных вещей, за которые американские налогоплательщики внесли свои деньги, перешла в частную собственность, т. е. пополнила частные коллекции сотрудников посольства, и совершенно не

участвовала в каких бы то ни было «культурных отношениях». То же самое относится к денежным фондам, которые в своё время широко расходовались на различные приёмы.

Вообще, необходимо подчеркнуть, что информационная служба США, в частности Бюро информации в Москве, чрезвычайно широко транжирило государственные деньги. Дорогостоящие книги и оборудование бесследно исчезали, и, когда проводилась инвентаризация и выявлялись многочисленные пропажи, все эти факты были замяты, чтобы избежать публичного скандала.

Огромные деньги тратились на издание журнала «Америка», который печатался на лучшей журнальной бумаге от обложки до обложки и был заполнен цветными изображениями и красочными фотографиями. Это делалось по настоянию посольства, которое хотело, чтобы журнал был роскошным, дабы производить впечатление на наивных советских граждан, которые, читая журнал, должны ощущать реальность американского богатства.

Хозяева американской пропаганды создавали ложное впечатление о том, что журнал якобы сам себя окупает. Это делалось довольно просто: в стоимость издания журнала не включали жалованья редакторов, писателей и других лиц, участвующих в издании. Жалованье выплачивалось правительством независимо от других расходов по журналу.

Штаты Бюро информации посольства в Москве были чрезвычайно раздуты. Высокооплачиваемые атташе лишь номинально числились в этой организации, а по существу почти ничего не делали, если не считать того, что они занимались своими личными делами и интригами и мешали работе подчинённого персонала, который фактически вёл всю работу. Правда, эти лица имели коекакие свои собственные «функции», о которых я скажу несколько позже, но они не делали ничего полезного по линии своей работы в качестве представителей информационной службы США.

Эта расточительность с точки зрения американского народа ничем не может быть оправдана.

* * *

Статьи журнала «Америка» были рассчитаны на весьма наивных людей. Журнал преподносил читателям Америку, завёрнутую в целлофан и герметически запечатанную; Америку, где фермеры никогда не пачкают своих рук, а промышленные рабочие посылают поздравления своим директорам, когда последние объявляют о том, что их доходы составляют 50% от капиталовложений; Америку, где каждый живёт в 15-комнатном доме и получает 20 тыс. долларов в год в качестве подарка за безделье, не платя при этом налогов.

При этих обстоятельствах в американском посольстве считалось первостепенным событием, когда удавалось обнаружить какого-нибудь советского гражданина, который прочитал номер журнала «Америка» или хотя бы видел этот журнал. Если сотрудник посольства - американец, путешествуя по какой-нибудь области Советского Союза, встречал русского, прочитавшего журнал «Америка», то это уже являлось поводом для составления большого письменного отчёта посольству и специальной телеграммы государственному секретарю для конфиденциального показа членам конгресса и для заключения, что журнал «Америка» пользуется огромным успехом именно в том районе, где произошла встреча с этим необыкновенным советским гражданином.

Мне известно много случаев, когда сотрудников посольства посылали в командировку в отдалённые районы только с целью сбора подобной информации. Большинство из них считали себя счастливыми, если где-нибудь между Москвой и Владивостоком они встречали советского гражданина, читавшего журнал «Америка». Подобная «информация» представляла ценность для посольства, поскольку она использовалась для получения дополнительных средств в целях продолжения этого обмана.

Я помню, как в посольстве была вызвана огромная сенсация сообщением о том, что несколько экземпляров журнала «Америка» было якобы похищено из Бюро информации на улице Веснина и продано на «чёрном рынке». Была отправлена срочная секретная телеграмма в государственный департамент

с предложением сообщить об этом крупнейшем событии членам конгресса. Это событие было представлено как иллюстрация огромного спроса на журнал «Америка», департаменту было сообщено, что похищенные журналы «нелегально продавались за огромную цену», что, конечно, никак не соответствовало действительности. На самом деле журналы, о которых шла речь, преднамеренно были оставлены сотрудником Бюро информации на открытом месте с тем, чтобы их унесли.

Другой трюк заключался в том, что по всей Москве в мусорные ящики выбрасывали много экземпляров журнала «Америка» в надежде на то, что чистильщики улиц и уборщицы подберут эти журналы и будут показывать их своим знакомым.

Сотрудникам посольства поручалось ездить по Москве в автобусах, трамваях и метро и «забывать» там экземпляры журнала «Америка» на сиденьях, где их могла бы подобрать «жаждущая публика».

На многих скамейках в парках Москвы оставлялось по несколько экземпляров этого произведения государственного департамента. Сотрудникам посольства - американцам, отправлявшимся в путешествие по Советскому Союзу, вручалось по несколько сот экземпляров журнала «Америка» с указанием оставлять их в станционных буфетах.

Если редактор журнала вдруг получал письмо от советского читателя, то это уже являлось поводом для срочного посещения посла руководителем Бюро информации. Это особенно относилось к тем крайне редким случаям, когда прибывало письмо с одобрением той или иной статьи журнала. Подобные письма приходили столь редко, что время от времени, как мне известно, некоторые сотрудники Бюро информации за определённую мзду сами писали эти письма, подписывали их псевдонимами и почтой направляли на улицу Веснина.

Таким образом, американское правительство за счёт налогоплательщиков само оплачивало письма, содержащие похвалу журналу.

* * *

Таким же образом собирались отклики советских слушателей по поводу радиовещательной программы «Голос Америки».

Даже наиболее оптимистически настроенные руководители посольства не верили в действенность журнала «Америка». Однако на радиопрограмму «Голос Америки» всей руководящей кликой посольства возлагались очень большие надежды. Так высоко расценивались возможности радиовещания, что Чарлз Болен - специальный помощник государственного секретаря и один из руководителей антисоветской клики государственного департамента - устроил назначение своего шурина Тейера руководителем американского радиовещания на Россию.

«Голос Америки» должен был стать ежевечерней колыбельной песней для миллионов русских семей. Для осуществления своей основной задачи радиопередачи умышленно составлялись так, чтобы они пропагандировали ложные картины и концепции о жизни в Америке и внушали советским слушателям, что только при капитализме возможен такой «рай на земле».

«Голос Америки» передавал, например, интервью с американским рабочим, который рассказывал, что у него есть новый дом из 5 комнат. При этом он не говорил о том, что этот дом заложен на 90% стоимости, что этот залог нужно будет выплачивать в течение 30 лет, что если за это время рабочий потеряет работу, то он лишится дома и всего, что в нём есть, и будет выброшен на улицу. Он не рассказывал также о миллионах американских рабочих, выплачивающих за квартиру от 30 до 40% их годового дохода и во многих случаях живущих в трущобах. Рабочий говорил, что у него есть новый автомобиль марки «форд». Однако он не рассказывал, что купил эту машину в рассрочку и что когда он потеряет работу, то лишится машины и всех внесённых за неё денег.

Короче говоря, «интервью», передаваемое через «Голос Америки», искажало и приукрашивало жизнь в Америке. Радиопередачи госдепартамента показывали такую Америку, которая в действительности никогда не существовала и не

может существовать при капитализме.

Радиопередачи «Голос Америки» умышленно рисовали и ложную картину американской внешней политики. Государственный департамент в них изображался в качестве ангела мира, постоянно встречающего отпор со стороны воинственного Советского Союза.

Конечно, даже отъявленные лгуны, обслуживающие программу американской пропаганды, убедились в том, что трудно объяснить, почему правительство Соединённых Штатов так противится тому, чтобы сесть за круглый стол вместе с советским правительством и уладить американо-советские разногласия. Трудно также объяснить остальные черты американской внешней политики, любой агрессивный факт которой говорит больше, чем миллионы вкрадчивых слов.

* * *

Но Бюро информационной службы в Москве было создано не столько для пропаганды, сколько для ведения разведывательной работы. Не случайно большинство руководящих сотрудников Бюро информационной службы США в Москве имели подготовку в области разведывательной работы.

Джозеф Филлипс, возглавлявший это Бюро, когда послом был Гарриман (в то время Бюро было известно под названием «Отдел военной информации посольства»), окончил военную академию в Вест-Пойнте, был кадровым офицером, «вышедшим впоследствии в отставку», занимался журналистской работой в Советском Союзе, Италии и других государствах в тридцатых годах и возвратился во время войны на службу в армию в звании полковника. Филлипс почти открыто поддерживал тесные связи с военными кругами на протяжении всей своей деятельности. Конечно, хорошо известно, что «числящиеся в отставке» армейские и морские офицеры часто оказываются крупными агентами американской разведки. Вполне возможно, что Филлипс принадлежал к этой категории людей.

Элизабет Иган, о которой я уже рассказывала, после отъезда

Филлипса в течение долгого времени руководила Бюро информационной службы и действовала исключительно активно, пытаясь установить контакт с русскими людьми. Завязывая любовные интриги с русскими, она выуживала у них информацию, которую затем сообщала определённым лицам из посольства.

После Иган Бюро информационной службы возглавлял Арманд Уиллис. Он уехал из Москвы в начале 1947 г.

Уиллис изучал русский язык в морской разведывательной школе в г. Баулдер (штат Колорадо).

Меннинг Вильямс, работавший в качестве помощника начальника Бюро информационной службы, обучался в той же школе. Он вынужден был уехать в 1947 г. после скандала по «делу Уиллиса».

Джозеф Хэнсон, заменивший Вильямса, одно время был связан с Управлением стратегических служб.

Мелвилл Рэгглс, сменивший Арманда Уиллиса, был направлен американской разведкой для «закупки советских книг».

Таким образом видно, что все лица, занимавшие руководящее положение в Бюро информационной службы США со времени учреждения его в Москве, принимали участие в разведывательной деятельности или, по крайней мере, обучались разведывательной работе. Конечно, с точки зрения характера программы информационной службы Соединённых Штатов это не удивительно, но во всяком случае это является яркой иллюстрацией к идее правительства Соединённых Штатов о «культурных связях» между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, даже в тот период, когда эти два государства были союзниками в объединённых военных усилиях против Гитлера.

Я уже указывала на то, что такие перечисленные выше лица, как Уиллис и Вильямс, не разбирались достаточно хорошо в своих задачах, и от них вынуждены были отделаться. Остаётся фактом, что они были избраны, очевидно, благодаря их

квалификации, включая знание разведывательной работы. То обстоятельство, что дело с ними не выгорело, указывает лишь на то, что лица, избравшие их, допустили ошибки, которые были, однако, быстро исправлены.

Я также отмечала, что упомянутые мной лица участвовали в выполнении приказов, исходивших от высокопоставленных лиц. Высокопоставленные лица также тесно связаны с разведывательной работой и разведывательными службами. Джон Дэвиз, Дюрброу, Тейер и Аллен сами являлись разведчиками и были тесно связаны с другими разведчиками. Американская дипломатическая служба в целом является разведывательной организацией.

* * *

Случай с Армандом Уиллисом проливает свет на цели и методы работы чиновников посольства в Москве и государственного департамента, в ведении которых находятся передачи «Голос Америки» и журнал «Америка».

Уиллис, направленный государственным департаментом в Москву в 1946 г. в качестве начальника Бюро информации посольства США, наивно считал, что он послан сюда для того, чтобы действительно содействовать укреплению культурных связей и отношений между советским и американским народами.

Конечно, сейчас трудно понять, каким образом Уиллис мог неправильно представить себе поставленные перед ним задачи, как он мог предполагать, что ему разрешат выполнять свои задачи так, как он их понимал, как, короче говоря, он мог прибыть сюда без соответствующей политической подготовки и без точных инструкций. Единственно возможный вывод сводится к тому, что кто-то в государственном департаменте допустил серьёзную ошибку, вызвавшую целый переполох в посольстве. Тогда-то и обнаружилась истинная политика руководителей посольства. В результате Уиллис был уволен и отправлен домой.

По-видимому, Уиллиса избрали для пропагандистской работы

потому, что полагали, что он как бывший морской офицер, обучавшийся русскому языку в морской разведывательной школе, окажется дисциплинированным как в выполнении директив посольства по руководству деятельностью информационной службы США, так и в отношении разведывательных аспектов этой работы.

Однако Уиллис, хотя и имеющий консервативные политические взгляды, но обладающий независимым складом ума, отказался направить свою деятельность по линии раскола американо-советской дружбы, как этого от него ожидали. С точки зрения своей дальнейшей карьеры он совершил чрезвычайно серьёзную ошибку, поверив публичным заявлениям представителей государственного департамента о том, что они стремятся к взаимопониманию и укреплению культурных связей между Россией и Америкой. Он считал эти официальные заявления более авторитетными, чем директивы, полученные им от руководителей американского посольства в Москве (директивы, конечно, абсолютно противоположные «дружественным» публичным заявлениям). Он не понял, что эти заявления были лишь дымовой завесой, скрывавшей от американского народа подготовку к проведению агрессивной антисоветской политики.

Посольство, несомненно, было не в состоянии понять эту «абсурдную наивность» Уиллиса и терпимо относиться к ней. Прежде всего постарались подорвать положение Уиллиса в посольстве, восстанавливая против него его подчинённых и мешая ему осуществлять руководство конторой в Москве. Затем приступили к «организации» его «перевода» в кратчайший срок из Москвы.

Уиллис видел, что происходит вокруг него. Он не принадлежал ни к числу кротких людей, ни к разряду трусов, и боролся, отдавая этой борьбе все свои силы.

Когда в посольстве объявили ему о переводе в Будапешт, он понял, что его отправляют из Москвы в более спокойное место, где его можно уволить, не рискуя скандалом. Вместо того чтобы отправиться по месту назначения, он отказался от работы в государственном департаменте и до своего отъезда

из Москвы передал одному из американских корреспондентов заявление, содержащее резкую критику по адресу руководителей посольства. В этом заявлении указывалось, что профессиональные дипломаты из числа сотрудников посольства строят карьеру на своих «антисоветских чувствах» и «ненависти к России».

В этот период государственный департамент, как это хорошо известно, приложил много усилий к тому, чтобы предотвратить распространение в широких масштабах заявления Уиллиса. Был также пущен в ход соответствующий механизм для того, чтобы оклеветать его.

Посол Смит занял позицию, согласно которой получалось, что перевод Уиллиса был вызван тем, что «он оказался недостаточно квалифицированным для своей работы». Это заявление было по меньшей мере странным, поскольку Уиллису фактически так и не предоставили возможности приступить к своей работе.

Смит пытался публично высмеять инцидент с Уиллисом. Чиновники посольства в частных беседах высказывали мнение, что Уиллис - «коммунист», и распространяли этот слух среди многочисленных корреспондентов, прибывших в Москву на происходившую в то время сессию Совета министров иностранных дел.

Наряду с этим, посольство «в отместку» предприняло меры к занесению Уиллиса в чёрный список, чтобы он никогда не смог больше получить работу в правительственных учреждениях США. Руководители посольства открыто признавали в конфиденциальных беседах со мною и другими лицами, что эти меры были ими предприняты, чтобы напугать других, возможно, имеющихся «уиллисов».

* * *

Я лично хорошо знакома с делом Уиллиса, поскольку в то время уже работала в Бюро информации и посольстве и, согласно указаниям, ежедневно дававшимся мне первым секретарём посольства Джоном Дэвизом, могла проследить, как

осуществлялось руководство Бюро без ведома Уиллиса. Я была также свидетельницей того, как Дэвиз на протяжении многих месяцев посвящал большую часть своей энергии предательским попыткам «поймать Уиллиса на месте преступления» и очернить его репутацию.

Я неоднократно подвергалась тщательному допросу со стороны Дэвиза в отношении деятельности Уиллиса в Бюро информации, его личной жизни и политических взглядов. Аналогичным допросам подвергались и другие служащие Бюро.

По вопросам Дэвиза чувствовалось, что он работал в нескольких направлениях. Во-первых, он стремился получить данные, свидетельствующие о том, что Уиллис - «ленивый и плохой работник». Во-вторых, пытался собрать материалы, которые позволили бы ему доложить руководителям посольства о том, что Уиллис настроен прокоммунистически или что он является коммунистом. Наконец, он прибегнул к тактике, обычно присущей людям с его складом ума, пытаясь добиться, чтобы кто-нибудь подтвердил, что Уиллис либо является гомосексуалистом, либо замешан в тайных половых связях с сотрудницами посольства. Но это являлось абсолютно безнадёжной попыткой, обречённой на полный провал, так как Уиллис жил нормальной семейной жизнью, что было совершенно очевидно для каждого.

В конце концов, Дэвиз натолкнулся на отчёт, написанный Уиллисом по поводу его поездки в Киев. В этом очерке Уиллис точно описывал всё, что он видел во время этой поездки. Он ничего не добавлял к увиденному и услышанному им во время посещения колхоза и интервью с различными выдающимися людьми в Киеве. Этот отчёт сыграл роль красного цвета для быка и привёл Дэвиза в ярость, так как он всегда настаивал на необходимости «интерпретировать» каждый отчёт - конечно, в антисоветском духе - до отправки его в государственный департамент. С помощью нескольких низкопоклонничающих перед ним «экспертов» из числа сотрудников посольства Дэвиз оклеветал и опорочил этот отчёт, охарактеризовав его как некомпетентный и просоветский.

Этот трюк явно сыграл первостепенную роль в организации

перевода Уиллиса на другую работу.

Прямой и косвенный нажим был оказан также на Меннинга Вильямса, являвшегося помощником Уиллиса по работе в Бюро. Вильямсу неоднократно вежливо, а иногда не так уж вежливо, намекали на то, что если бы он представил сведения, которые могли бы быть использованы против Уиллиса, то он мог бы ожидать назначения на должность последнего после его перевода на другую работу.

Вильямс допустил ошибку, попытавшись сохранить нейтралитет. В результате этого он, так же, как и Уиллис, был уволен и упустил возможность сделать «прекрасную карьеру» в государственном департаменте.

Я лично не любила Арманда Уиллиса и не принадлежала к числу его друзей. Однако я не могла не восхищаться его храбростью, проявившейся в его заявлении в печати, которое проливало или могло бы пролить свет на интриги посольства и на источники кампании «ненависти к русским».

Заявление Уиллиса стоило ему карьеры, - ему пришлось искать работу вне правительственных органов для того, чтобы заработать себе на жизнь. Так он поплатился за свою попытку скрестить мечи с монополистами государственного департамента по советско-американским делам.

* * *

Уиллиса заменил человек, назначенный по личному выбору Джона Дэвиза, - Мелвилл Рэгглс.

Рэгглс представлял собой комбинацию бухгалтера и частного сыщика. Он был направлен в Москву для покупки книг по заданию американской разведки и для приобретения всевозможной литературы, в частности технической, которая подлежала затем тщательному просмотру в Вашингтоне с целью сбора разведывательных сведений. Вероятно, наряду с этим перед ним были также поставлены и другие задачи.

Кандидатура Рэгглса являлась идеальной с точки зрения

Дэвиза и Дюрброу, так как он не обладал независимым характером, являлся мелочным карьеристом, который, возможно, не сумел бы найти себе применения помимо государственного департамента и никогда не позволил бы себе сделать что-либо сверх имеющихся у него указаний.

Его уделом было действовать в качестве номинального начальника, никому не мешать и выполнять те приказы, которые Дюрброу сочтёт нужным сообщить непосредственно ему. Конечно, за ним сохранялось право вносить предложения. Признавалось, что опыт в области разведывательной работы, возможно, сделает его комментарии полезными.

Ещё в 1944 г. Рэгглс в Управлении стратегических служб руководил отделением издательской информации, в котором концентрировались все официальные литературные материалы, относящиеся к Советскому Союзу.

По слухам, циркулировавшим в посольстве, Рэгглс прибыл в Советский Союз, имея специальное задание в области технической разведки.

За время моей работы совместно с Рэгглсом, в качестве его административного помощника в бюро информации посольства, я убедилась в том, что он использует свою официальную должность для маскировки своей основной работы.

На основании моих наблюдений я могу заявить, что Рэгглс принимал меры к тому, чтобы собрать в Советском Союзе разведывательную информацию для направления в Вашингтон.

Рэгглс, как и все руководящие лица посольства, относился к Советскому Союзу и к советским людям резко враждебно. Говоря о русских, Рэгглс не стеснялся называть их самыми неприличными словами.

А во время одного разговора со мной Рэгглс высказал предположение о том, что между СССР и США обязательно возникнет война и что Америка одержит победу.

Рэгглс заявил, что в этом случае он не желал бы ничего лучшего, как возвратиться в Советский Союз в качестве «оккупационного мэра» какого-нибудь русского города.

Спекулянты из американского посольства

В Америке, как известно, не существует границы между «бизнесом» и спекуляцией. Купить товар по самой низкой и продать по самой высокой цене законным путём, если возможно, незаконным, если необходимо, честным, когда полезно, путём обмана, когда более выгодно, - всё это называется в США не спекуляцией, а «бизнесом» и приносит большой доход. Богатство даёт соответствующее общественное положение.

В Америке первостепенную роль играют деньги, независимо от того, каким образом они приобретены. На каждого американца, получившего свои доходы благодаря честным усилиям, приходится три человека, разбогатевших в результате таких действий, которые в любом другом обществе были бы названы пиратством или бандитизмом.

Особенно рьяно занимаются спекуляцией американцы, находящиеся за границей. В самих Соединённых Штатах спекуляция в определённой степени является профессией, и ею занимается относительно небольшой процент населения. Спекулятивная лихорадка за границей, по-видимому, захватывает американцев всех возрастов, высших и низших чинов, правительственных работников и служащих частных фирм. Особенно это наблюдалось в Европе во время войны и продолжалось после её окончания.

Одни американцы спекулировали кофе и сигаретами, другие покупали и продавали целые фирмы, покупая их за дешёвую цену или вовсе ничего не платя. Купленное по дешёвке продавалось за огромные суммы.

Американские бизнесмены всех видов всегда охвачены лихорадкой страха: каждый боится того, что если он не украдёт сегодня, то завтра украдёт какой-нибудь другой

американец.

Понятно, что в подобной обстановке сотрудники американской дипломатической службы, от высокопоставленных лиц до низших чинов, в большей или меньшей степени также занимались спекуляцией, и совсем не удивительно, что они пытались завезти эти американские нравы в Советский Союз.

Почти каждый сотрудник американского посольства в Москве в той или иной степени занимался спекуляцией либо путём нелегального импорта советской валюты, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, либо путём ввоза не облагаемых пошлинами товаров: виски, сигарет и других. Эти товары они продавали с огромной прибылью.

Некоторые сотрудники американского посольства, занимавшиеся спекуляцией в крупных масштабах, возвращались домой с десятками тысяч долларов, часто в виде ценных произведений искусства (вывезенных благодаря неприкосновенности дипломатических перевозок), а иногда наличными или в виде чеков. Это было широко известно каждому сотруднику посольства в Москве. Известно было также, что ни один человек никогда не был уволен из государственного департамента за подобную спекуляцию. Конечно, никаким наказаниям не подвергались и крупнейшие дельцы, путешествующие с дипломатическими паспортами.

С таким положением невозможно было покончить путём мероприятий внутри американского посольства в Москве, несмотря на формально существовавшие и периодически оглашаемые суровые правила. Эти правила носили сугубо формальный характер, и никто не ожидал, что в посольстве будет покончено со спекуляцией.

* * *

Один пример будет достаточным для того, чтобы показать, почему спекуляция продолжалась в большом масштабе.

В конце 1947 г. в посольстве было проведено расследование с целью выяснить, кто из сотрудников занимался спекуляцией,

чем именно спекулировал и кто сколько заработал на этом. Нужно отметить, что расследование по времени совпало с проведением денежной реформы в Советском Союзе, которая сделала спекуляцию чрезвычайно затруднительной и, следовательно, менее заманчивой.

Другими словами, это расследование было идеальным примером «закрытия конюшни после кражи лошадей». По существу, расследование было проведено не для того, чтобы действительно обнаружить что-либо относительно спекуляции. Лишь несколько человек, занимавшихся мелкой спекуляцией, могли стать козлами отпущения. Расследование было предпринято главным образом для того, чтобы обелить высокопоставленных лиц посольства, получавших от спекуляции огромные барыши.

Была создана комиссия из представителей посольства, военного и военно-морского атташатов. Эта комиссия по очереди вызывала всех сотрудников и офицеров посольства и допрашивала их по поводу спекуляции.

Члены комиссии пытались заставить сотрудников рассказывать о спекулятивных делах друг друга, особенно добиваясь данных о махинациях низшего персонала.

Представителем посольства в комиссии был самый важный и высокопоставленный кадровый дипломатический офицер в Москве - советник посольства Дюрброу.

Многие сотрудники посольства знали о том, что он и был одним из наиболее активных спекулянтов посольства.

Например, некоторым сотрудникам посольства было точно известно, что когда Дюрброу, направляясь в Советский Союз, проезжал через Варшаву, он приобрёл там на «чёрном рынке» целый чемодан советских денег по курсу примерно до одной десятой от законной валютной стоимости. Благодаря неприкосновенности дипломатического багажа, он привёз эти деньги в Москву и использовал их в своих целях - вероятно, продал и перевёл на доллары различными путями, открытыми для человека, тесно соприкасающегося с бухгалтерией

посольства.

Девушка, продолжительное время жившая со мной в одной квартире, не только точно знала об этом деле, но даже сообщала об этом в государственный департамент. Дюрброу поэтому побаивался её и вскоре добился перевода её из Москвы.

Другие стороны спекулятивной деятельности этого человека также были известны многим сотрудникам посольства, и не приходится удивляться, что при подобных обстоятельствах расследование не зашло очень далеко и не внушало большого доверия.

Когда мне задавали вопросы в этой комиссии, я уклонилась от дачи каких-либо сведений. Было ясно, что комиссия постарается выдвинуть какие-нибудь обвинения против очень незначительных и беззащитных лиц из рядовых служащих и сообщит государственному департаменту, что «ни один член дипломатического состава посольства» не был замешан в спекуляции.

Комиссия закончила свою работу именно таким образом. Человек, выбранный в качестве жертвы, являлся скорее приятной и безвредной личностью и работал в качестве помощника зубного врача посольства. Его официально обвинили в том, что он был главным посредником в спекулятивных операциях. Одного-двух лиц также обвинили в том, что они были замешаны в подобной деятельности, и их всех отправили в США. Все лица, имеющие «дипломатический ранг», были во всём оправданы и, находясь в Советском Союзе или других странах, продолжали заниматься спекуляцией.

В грязных спекулятивных делах был отнюдь не безгрешен и сам посол Смит. Он совершал неблаговидные и далеко не соответствующие высокому положению посла США в СССР поступки.

Однажды хозяйственник посольства Бендер, исполнявший личные поручения посла, поделился со мной своими неудачами в коммерческих делах, сообщив, что, переданные ему Смитом

для реализации на рынке костюмы, автоматические ручки и сигареты особым спросом не пользуются, поэтому он не сумел их продать, а босс нажимает на него и требует деньги.

Другой сотрудник посольства - «порученец» посла Загородный рассказывал мне, что он неоднократно по поручению Смита спекулировал золотыми монетами - американскими десятидолларовыми, кубинскими по 10 пезо - и часами. Загородный похвастался, что только за последнее время он реализовал для Смита на 25 тысяч рублей золотой валюты и часов.

* * *

Какие методы спекуляции применяли американцы в Москве?

Во-первых (правда, после денежной реформы этот путь стал почти невозможным), нелегальный ввоз денег под прикрытием неприкосновенности дипломатических перевозок. До декабря 1947 г. дипломаты могли совершать поездки в Тегеран, Варшаву, Бухарест, Будапешт и другие столицы, где они имели возможность приобретать советские деньги, большей частью фальшивые, по курсу от 60 до 100 рублей за один доллар, по сравнению с законным для дипломатов курсом в Москве - 12 рублей за доллар. Они ввозили их в СССР, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, и использовали для личных нужд, а также перепродавали другим американцам по курсу от 20 до 35 рублей за доллар. Некоторые имели возможность обменять деньги в государственном департаменте по курсу 12 рублей за доллар. В результате таких операций многие американцы наживали большие суммы денег в долларах.

Во-вторых, американцы активно занимались нелегальной продажей ввезённых без пошлины товаров. Например, 10 пачек сигарет можно было купить за один доллар с оплаченной доставкой в Москву, т. е. за 12 рублей по дипломатическому курсу. В Москве их продавали за 100-150 рублей. Затем эти рубли переводились в доллары или их использовали на покупку старинных изделий, причём некоторые из них были весьма ценными.

Американцы нередко нелегально вывозили русские иконы для продажи и зарабатывали на этом огромные суммы денег.

Без преувеличений можно сказать, что довольно большое число американцев уезжало из Советского Союза с двумя-тремя дюжинами сундуков и мешков огромных размеров, общим весом свыше одной или двух тонн, пользуясь неприкосновенностью дипломатического багажа, не подлежащего осмотру советскими таможенными властями.

Я почти не знаю американских работников посольства в Москве, которые, уезжая домой, не везли ценные книги, ювелирные изделия, антикварные изделия, фотоаппараты и т. п.

Третьим способом наживы была нелегальная продажа валюты в долларах своим же сослуживцам, а также сотрудникам других иностранных миссий в Москве, занимающимся подобными операциями. До денежной реформы в Советском Союзе бумажки в один доллар обычно можно было продать в 3 - 6 раз дороже их законной стоимости.

* * *

Как можно подтвердить эти обвинения? Во-первых, каждый человек, работавший в посольстве, знал об этом, знал лиц, которые всегда могли предложить в неограниченном количестве советские деньги для продажи в два раза дешевле их законной стоимости.

Имеются и другие, более конкретные доказательства. Например, просмотр лицевых счётов должностных лиц посольства до конца лета 1946 г. показывает, что во время войны и в течение полутора лет после войны американцы, работавшие в посольстве, во многих случаях совсем не пользовались официальным путём обмена долларов на рубли (через посольство и советский банк). В некоторых случаях, исключительно для «приличия», они меняли официально через банк лишь небольшие суммы денег.

Это является явным доказательством операций на «чёрном рынке», так как единственными легальными источниками получения советских денег по официальному дипломатическому курсу являлись посольство и банк.

Следовательно, рубли доставались где-то в другом месте (хорошо известно, что сотрудники посольства свободно тратили деньги) по более выгодному курсу. Это также означает, что сотрудники посольства обворовывали американских налогоплательщиков, так как правительство США всё это время выплачивало американцам, находящимся в Москве, очень большое содержание по курсу 12 рублей за доллар. Другими словами, работники посольства получали специальные субсидии обманным путём, причём в посольстве все об этом знали.

В конце лета 1946 г. всем сотрудникам посольства приказали обменивать доллары на рубли только в размере, необходимом для их содержания. Отчёты показывают, что с этого времени до конца 1947 г. ни один сотрудник посольства не обменял официальным порядком более того, что ему было необходимо в соответствии с этим приказом.

Можно доказать, что количество легально получаемых рублей было недостаточно для жизни американцев в то время. Это можно сделать путём просмотра отчётов о стоимости жизни, представленных большинством американцев на рассмотрение в посольство для того, чтобы оно имело основание ходатайствовать перед государственным департаментом об увеличении содержания состава посольства в Москве. Эти отчёты перечисляли расходы большинства сотрудников посольства. Но если их изучить и сравнить с количеством рублей, обменянных каждым сотрудником, то окажется, что приблизительно половина необходимого количества рублей приобреталась законным путём, а остальные - благодаря спекулятивным операциям.

Другое доказательство может быть получено путём изучения маршрутов поездок дипломатических работников, включая и работников военного атташата. Изучение показывает, что большая часть дипломатических офицеров, имеющих право на

дипломатическую неприкосновенность, приезжала в Москву через Варшаву или другие города, где оперировали «чёрные денежные рынки»; почти все дипломаты часто предпринимали поездки в Варшаву, Будапешт, Бухарест и в другие города, где существовали эти рынки. Конечно, дипломаты работали группами: 3-4 дипломата направляли для закупки советских денег одного человека. Это было хорошо известно сотрудникам посольства низшего ранга, не обладавшим дипломатической неприкосновенностью.

Они были чрезвычайно недовольны и озлоблены, так как должны были окольным путём покупать деньги у тех же дипломатов по более высокому курсу.

Ещё одно доказательство заключается в огромном количестве товаров, получаемых из-за границы посольством и сотрудниками посольства в Москве. Советские таможенные власти располагали интересными цифрами этих перевозок. Эти цифры показывают, что на каждого американца, работавшего в посольстве, и членов его семьи ежегодно ввозилось по несколько тонн товаров.

Кроме того, эти цифры могут показать, что для каждого американца ввозилось из-за границы 1-2 ящика виски в месяц и 20-30 пачек сигарет в неделю. Они могут показать далее, что несмотря на весьма высокие нормы продовольствия, установленные для американцев при карточной системе (в среднем они равнялись 2-3 нормам в Великобритании и превышали среднее потребление продовольствия в Соединённых Штатах на человека), американское посольство ввозило из-за границы большое количество продуктов, в 2 раза выше норм, установленных для них в Советском Союзе.

Совершенно ясно, что американцы ввозили все эти товары для спекулятивных целей, продавая виски, сигареты и продукты питания на рынке в очень большом количестве.

* * *

Советское правительство не препятствовало ввозу товаров из-за границы в пределах определённой квоты, но оно принимало

меры для прекращения огромного нелегального импорта.

Кроме разрешённого импорта в пределах квоты, любому вновь прибывающему американцу было разрешено привозить с собой до 5 - 10 тонн предметов домашнего обихода, без уплаты пошлины. Кроме этого, дипломатические работники, пользующиеся правом дипломатической неприкосновенности, могли привезти с собой, и на деле привозили, по крайней мере, тонну товаров - каждый под дипломатическими печатями. Наконец, дипломатическая почта (сумки, мешки), прибывавшая в посольство каждый месяц, весила несколько тонн и более чем на 50% состояла из одежды и других вещей, предназначенных личному составу посольства.

Всё это не помешало посольству попытаться состряпать большой «международный спор» по вопросу об отказе советского правительства разрешить неограниченный импорт свободных от пошлин товаров, в действительности являющихся предметами спекуляции.

Известно, что некоторые лица даже угрожали разрывом дипломатических отношений, используя как предлог упомянутые защитные мероприятия советских властей.

Другие заявляли, что они не могут жить без свободных от пошлин товаров; они даже осмеливались перенести этот спор на страницы американской прессы, рисуя себя там чуть ли не как голодающих людей.

Всё это в действительности не связано с какими-либо трудностями, переживаемыми американцами, работавшими в посольстве; после войны они пользовались привилегией жить в одной из немногих стран Европы, где уже была отменена карточная система. Вопрос заключался в том, нужно ли разрешать американцам в Москве производить неограниченные операции на «чёрном рынке» и спекулировать беспошлинными контрабандными товарами и, таким образом, переносить капиталистическую мораль и практику в социалистическую страну, где спекуляция является уголовно наказуемым преступлением.

Мои впечатления о Советском Союзе

Перед поездкой в Москву в госдепартаменте мне говорили, что русские будут меня бояться и не захотят даже со мной разговаривать.

Спустя несколько недель после приезда в Москву я убедилась в том, что многие советские граждане, с которыми я встречалась, не только не боялись видеться со мной и свободно разговаривать, но оказались дружелюбными и сердечными людьми. Надо сказать, что эти советские люди были более гостеприимными, чем я или любой другой сотрудник американского посольства в Москве имел право ожидать, если принять во внимание, что посольство повседневно проводило политику, рассчитанную на подрыв дружественных отношений между советским и американским народами и тратило огромное количество денег на шпионаж и ведение враждебной пропаганды против советского народа и его правительства.

Перед поездкой в Москву мне говорили, что будет совершенно невозможно путешествовать вне пределов города и что советские власти делают всё, чтобы не дать возможности американцам, живущим в Москве, увидеть Советский Союз и познакомиться с советской жизнью.

Прибыв в Москву, я убедилась, что не только можно путешествовать вне Москвы без какого-либо вмешательства, но что местные власти, администрация гостиниц, музеев, культурных учреждений, памятников старины и т. д. в Москве и вне города оказывают помощь и проявляют чуткое гостеприимство в отношении иностранцев, обращающихся к ним за содействием.

Я узнала, что многие американцы, предпринимая поездки в различные районы Советского Союза, встречали не препятствия, а помощь советских властей и приятное гостеприимство.

Я лично вместе с советскими и американскими друзьями посетила много городов и памятников культуры и старины близ Москвы. Я останавливалась в гостиницах, посещала музеи,

монастыри, церкви, куда меня пускали совершенно свободно, и везде относились ко мне с величайшей внимательностью.

Когда я посещала деревенские школы, то учителя всегда приглашали меня и моих спутников к себе домой, чтобы рассказать о своей работе и проблемах, с которыми они сталкиваются.

Хорошо помню, как однажды я побывала в доме одного колхозника недалеко от Москвы, куда мы зашли, чтобы спрятаться от дождя. Он пригласил нас к себе и устроил нам завтрак, состоявший из чёрного хлеба, сала, помидоров, огурцов, чая и водки.

Он рассказал мне, что его сына убили на фронте. Сам он также дрался против немцев, а затем вернулся в деревню, чтобы восстановить свой дом, разрушенный оккупантами. Он рассказал нам о своих надеждах на лучшую жизнь и подробно описал, что он лично делает для улучшения жизни. Он поднял тост за дружбу между народами Америки и Советского Союза и, когда мы уходили, приглашал нас к себе в гости.

Я помню так, как если бы это происходило только вчера, свою поездку летом 1947 г. на черноморское побережье, в район Одессы, и с удовольствием вспоминаю гостеприимство, оказанное мне в одном украинском доме, где я прожила несколько недель. Я помню сердечные проводы и просьбу моих украинских друзей вновь посетить их когда-нибудь в будущем.

* * *

В Вашингтоне и в посольстве мне неоднократно говорили, что Россия будто бы готовится к войне против США с целью достижения мирового господства.

Я убедилась в том, что каждый советский гражданин, с которым я разговаривала, страстно желает установления прочного мира во всём мире.

Беседуя с самыми различными русскими людьми, я пришла к выводу, что члены коммунистической партии и официальные

деятели Советского государства, так же как и остальные советские граждане, искренне желают длительного мира и дружественных отношений с США.

Я увидела, что русские люди дружественно настроены по отношению к американцам, несмотря на то, что антисоветски настроенные деятели американского правительства проявляют открытую враждебность к СССР.

В Вашингтоне и в посольстве мне часто говорили, что советские граждане систематически дезинформируются о Соединённых Штатах и об американском народе.

Я лично убедилась в том, что многие русские хорошо знакомы с американской жизнью, культурой и политикой. Я увидела, что многие американские авторы столь же хорошо известны и их произведения столь же часто читаются в Советском Союзе, как и в самих Соединённых Штатах.

Ко мне заходила шестнадцатилетняя девушка, дочь одного из моих друзей. Она с интересом расспрашивала меня о жизни в Америке, об американской литературе.

Она разговаривала со мной о таких писателях, как Марк Твен, Фенимор Купер, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Синклер Льюис, Джон Стейнбек, с таким глубоким знанием их произведений, что я была крайне удивлена. Я уверена, что она ушла от меня разочарованной: она надеялась узнать от меня что-либо об американских авторах, которых она не читала, а вместо этого она должна была рассказывать мне об авторах, произведений которых я не читала.

Я увидела, что обыкновенный советский гражданин несравненно больше знает о Соединённых Штатах и меньше заблуждается в вопросах американской жизни, чем средний американец знает о советской жизни.

Мне говорили в Вашингтоне, что все советские граждане «боятся и ненавидят своё правительство». Это оказалось враньём. Из разговоров с десятками советских граждан я убедилась, что они питают величайшее уважение и доверие к

своему правительству, коммунистической партии и их руководителям.

Я увидела, что советские граждане питают огромную любовь и уважение к своему вождю - генералиссимусу Иосифу Сталину, что это уважение основано на известном каждому советскому человеку факте, заключающемся в том, что Сталин всю свою жизнь посвятил советскому народу.

Примерно год тому назад, в солнечный день, я была в гостях у одной моей знакомой советской девушки в Москве. Большая и светлая комната, в которой проживала её семья, была обставлена довольно скромно. На стене висел портрет генералиссимуса Сталина. Это была единственная картина в комнате. Я спросила отца моей знакомой, из каких чувств он исходил, повысив этот портрет на стене. Он, не задумываясь, с гордостью ответил: «Товарищ Сталин и я - мы оставались в Москве в тревожные дни октября 1941-го. Да, многие слабонервные люди в Москве испугались. Некоторые из них говорили, что Москва обязательно попадёт в руки немцев.

Мы все знали, что это будет означать для нас, поскольку мы слышали от тех, кто сумел спастись от немцев, как оккупанты убивали и грабили других советских граждан.

Могу признаться в том, что я тоже нервничал, но не отходил от станка, потому что я знал, куда идут боеприпасы, которые я делал».

Далее он продолжал: «Мы знали, что товарищ Сталин находится с нами.

Он командовал обороной Москвы. Я был на заводе, когда услышал это сообщение, и помню, что сам почувствовал в этот момент и как реагировали рабочие в моём цехе. Мы знали, что он руководит нами и миллионами других рабочих и солдат в обороне нашей столицы.

Мы работали 12,14,16 часов в день, производя снаряды. Мы работали до тех пор, пока не падали от усталости, спали несколько часов прямо в цехе, а затем вновь начинали

работать. Мы знали, что товарищ Сталин через величайшие испытания ведёт нас к победе. Он привёл нас к ней, и теперь, в мирных условиях, он также ведёт нас к победе.

Я не член компартии, но жить под руководством такого вождя - привилегия, которой я горжусь. Вот почему портрет товарища Сталина всегда на почётном месте в моём доме».

* * *

В государственном департаменте мне говорили, что все советские люди живут в постоянном страхе перед советской тайной полицией. Это тоже оказалось враньём.

На основании собственных наблюдений и многочисленных разговоров с русскими людьми я убедилась в том, что они не только считают себя свободными, но и являются свободными. Они считают своё государство справедливым, и оно действительно справедливо.

Я узнала, что только ничтожное количество советских граждан, стремящихся к обогащению за счёт благополучия своих сограждан, не спит спокойно ночью, хорошо зная, что советское правосудие неизбежно найдёт и накажет виновных.

Я увидела, что граждане, которые пытаются предать интересы Советского государства (хотя это случается довольно редко), тоже строго наказываются. Но я также увидела, что честные советские люди, которые составляют подавляющее большинство населения, спят особенно спокойно и чувствуют себя особенно уверенно в своих правах на свободу именно потому, что государство бдительно защищает их от предательства и эксплуатации со стороны преступных элементов.

Мне говорили в государственном департаменте, что в Советском Союзе русские эксплуатируют все другие национальности. Я сама убедилась в том, что Советский Союз является единственным государством в мире, в котором полное расовое равенство не только обеспечивается законами, но и проводится в жизнь.

Все советские граждане, независимо от их религии, национального происхождения или цвета кожи, имеют одинаковые права, одинаковые привилегии и одинаковые обязанности. Люди всех национальностей имеют возможность заниматься любой полезной деятельностью без всякой дискриминации или фаворитизма.

Я увидела, что Советский Союз является государством, в котором десятки национальностей живут в мире, имея возможности для полного развития своей национальной культуры.

Я вспоминаю вечер, проведённый в одном московском ресторане, где отмечали день рождения одного из моих советских друзей. За различными столами в ресторане находились монголы и казахи, эстонцы и украинцы, евреи, русские и армяне. Все они ужинали в одном зале, каждый веселился по-своему и чувствовал себя частичкой единого целого, и двери этого ресторана были открыты для всех, независимо от того, чёрная кожа у него или коричневая, независимо от каких бы то ни было национальных предрассудков.

Один армянин, сидевший с русским другом за ужином, начал спорить о том, где лучше климат - в Москве или в Ереване. Спорили они настолько громко, что было слышно во всём ресторане. Затем спор перешёл на обсуждение относительных достоинств России и Армении вообще, и мне казалось, что горячая кровь патриотически настроенного кавказца закипела. Я была уверена, что дело скоро дойдёт до рукопашной. Спор был настолько громким, что привлёк к себе внимание всего зала, и директор ресторана начал волноваться. Потом я вдруг увидела, как два «врага» пожимали друг другу руки, а затем русский, держа в руке рюмку ереванского коньяка, а армянин - рюмку московской водки, произносили тост: армянин за Москву, а русский за Ереван.

На советской сцене я видела знаменитую певицу - актрису Тамару Ханум. Она поёт народные песни шестнадцати национальностей, причём песню каждой национальности она

исполняет в соответствующем национальном костюме. Сама Тамара Ханум являлась для меня символом положения, которое занимают народы Центральной Азии в советской жизни. Её песни вызывали бурные аплодисменты преимущественно русской аудитории, что явно свидетельствовало о том, что народы Советского Союза считают культуру всех советских национальностей своей собственной культурой. Это свидетельствовало также о восхищении и уважении к культуре других народов.

Я сама видела, что в кино, в искусстве, в литературе, в науке, в спорте, в политической жизни и государственной деятельности представители нерусских национальностей всего Советского Союза имеют те же права и возможности реализовать свои творческие способности и выполнять ответственную работу, как и русские.

* * *

Мне говорили в посольстве, что советских женщин эксплуатируют и силой заставляют работать на заводах и фабриках. Я увидела (особенно с тех пор, как ушла из посольства, чтобы занять своё место в советской жизни), что только в Советском Союзе женщины имеют те же права, что и мужчины, - не только по законам, но и на практике. Только здесь женщины получают равную зарплату за равный труд и имеют полную возможность занимать наиболее ответственные посты. Нигде в мире нет столь высокого процента женщин, работающих в медицине, науке, искусстве, литературе и точных науках, как в СССР.

Я познакомилась с десятками женщин, которые занимают ответственные посты в различных областях жизни. В числе моих знакомых - деятельница науки, лауреат Сталинской премии, обладательница орденов Ленина и Трудового Красного знамени. Она стала известным человеком в Советском Союзе благодаря своей научно-исследовательской работе и находит достаточно времени, чтобы воспитывать двоих детей. Она, быть может, представляет исключение, поскольку обладает выдающимися способностями, но символизирует для меня сотни тысяч женщин, выполняющих огромную работу в области

советской науки, техники и искусства.

Я увидела также, что советское правительство создало систему ухода за детьми работающих матерей, которая позволяет женщине создать семью и в то же время выполнять свою любимую работу. Я лично познакомилась с той заботой, которой советское правительство окружает матерей.

Недавно я должна была родить ребёнка. В течение нескольких месяцев до того, как мне нужно было пойти в родильный дом, я получала полную бесплатную медицинскую профилактическую помощь. Когда в последние недели я не была в состоянии посещать клинику, ко мне на дом приходила медицинская сестра, так же как и на квартиры других будущих матерей, с которыми я была знакома и которые были в таком же положении, как и я.

Когда мне нужно было поехать в родильный дом, то за мной приехала машина, специально прикреплённая для обслуживания беременных женщин.

В родильном доме меня обеспечили полным медицинским уходом, всеми средствами лечения и пищей, причём всё это бесплатно. Мой ребёнок родился, и в течение 10 дней за ним и за мной отлично ухаживали. За всё это я не заплатила ни одного цента. Это не было специальной привилегией для меня, а является правом каждой матери в Советском Союзе. В какой ещё стране мира можно найти подобные великолепные условия?

Мои приятельницы в США в период беременности вынуждены были платить за пред родовый уход, за такси, перевозившие их в госпиталь, за койки в родильном доме, за пищу, почти за воздух, которым они дышали, когда были в родильном доме. Когда они возвращались домой и больше всего нуждались в том, чтобы быть избавленными от всех забот и нервозных мыслей, им за все перечисленные услуги присылали счета, доходившие примерно до 500 долларов.

Несколько месяцев назад я посетила дом для сирот в Москве. Директор дома - женщина лет 40, которая имела собственную

семью и очень любила детей, показала мне своих воспитанников и познакомила с маленькими мальчиками, живущими в её доме. Не помню, чтобы где-нибудь я видела такую здоровую и счастливую группу ребят - толстых, крепких, весёлых, строящих различные сооружения, иногда дерущихся, но растущих со всеми преимуществами детей, имеющих родителей. Возможно, что эти дети получали даже лучший уход, чем те, которые живут дома. Для меня это явилось символом сердечного отношения Советского государства к своим детям.

Из разговоров со многими советскими женщинами я узнала, что они не ведут такой бесполезной, пустой жизни, какой живут жёны богатых людей в Америке, или жизни, сопровождаемой тяжёлым трудом, которую ведут жёны рабочих и фермеров в США и в других капиталистических странах. Советские женщины знают, что, где бы они ни работали - будь то на фабрике или ферме, в конторе или в институте, - их не эксплуатируют. Они сами пожинают плоды своего труда и в то же время вносят большой вклад в строительство великого государства и нового общества.

* * *

В государственном департаменте и в посольстве мне говорили, что высшее образование в Советском Союзе могут получать только дети «привилегированных классов».

Я увидела, что любой советский молодой человек, который способен сдать соответствующие экзамены, свободно может получить высшее образование. Подавляющее большинство студентов получает образование за счёт государства и может сосредоточить всё своё внимание на учёбе, не опасаясь, что экономическая нужда заставит его на полдороге отказаться от получения желаемой профессии.

Только в Советском Союзе я увидела, что рабочие могут после рабочего дня посещать школы при своих заводах, чтобы за счёт государства стать инженерами, техниками, специалистами.

Я сейчас вижу перед собой женщину, которая пришла помочь

мне по хозяйству, поскольку я ещё не совсем окрепла после рождения сына. Она - скромная, приятная, честная женщина, происходящая из крестьянской семьи. Её муж работает на одной московской фабрике.

Они представляют собой обыкновенную русскую семью, каких тысячи в Советском Союзе. У них трое детей: две дочери и один сын. Её сын, вернувшийся после войны с наградами, изучает физику в Московском университете. Он хочет стать учёным. Перед ним долгий путь, интенсивная работа, но он получает стипендию от государства и не является обузой для своей семьи. На протяжении всей учёбы он будет жить на стипендию, как тысячи других советских студентов. Одна из дочерей этой женщины закончила музыкальную школу и сейчас поступает в Московскую консерваторию; эта девушка намерена стать концертной пианисткой. Вторая дочь ещё учится в школе, но готовится поступить в институт иностранных языков и уже неплохо говорит по-английски; как-то она заходила ко мне, чтобы попрактиковаться в языке.

На основании моих собственных наблюдений я могу сказать, что граждане Советского Союза постоянно имеют большой стимул к получению образования, вытекающий из сознания того, что, когда они полностью подготовят себя к квалифицированной работе, они всегда её найдут. Они знают, что являются желанными людьми, что государство гарантирует им работу в соответствии с избранной профессией, что им никогда не придётся опасаться безработицы; советским людям чуждо чувство бесполезности, переживаемое людьми в Америке и других капиталистических странах, когда их выбрасывают с работы и они вынуждены жить или на жалкое правительственное пособие, или на средства частной благотворительности, или же погибнуть от голода.

Я сама видела, что только в Советском Союзе пожилые рабочие могут спокойно выполнять свою работу, будучи уверенными в том, что их никогда не уволят, чтобы освободить их места для более молодых и более сильных людей. Только в этой стране каждый человек знает, что ему будет предоставлена работа до тех пор, пока он хочет и может работать.

Я сама убедилась в том, что здесь каждый гражданин имеет, право на бесплатную медицинскую помощь и госпитализацию. Советские рабочие прекрасно знают, что ни болезнь, ни несчастный случай не могут лишить их жилья и сбережений и что они не будут выброшены на улицу и не будут влачить голодное существование.

В Советском Союзе ни один рабочий никогда не зависит от благотворительности в деле оказания ему медицинской помощи.

* * *

В посольстве и государственном департаменте мне говорили, что уровень жизни в Советском Союзе один из наиболее низких во всём мире. Мне также говорили, что в СССР война произвела такие опустошения, что пройдёт много десятков лет, прежде чем эта большая страна без кредитов США сумеет встать на ноги, сумеет восстановить свои разрушенные города и деревни. Мне говорили, что советское правительство основные свои усилия направляет на производство вооружения, с которым оно планирует начать новую мировую войну.

С другой стороны, работая в посольстве, я знала, что американцы, строя военные базы вокруг Советского Союза, постоянно угрожая ему войной, увеличивая и без того огромный американский флот и воздушные силы, вводя обязательную воинскую повинность, пытаются вынудить СССР направить его всё увеличивающееся производство на военные нужды и таким образом задержать развитие мирной промышленности в Советском Союзе. Даже такому неопытному наблюдателю, как я, было совершенно ясно, что этот шантаж не увенчается успехом. Советское правительство в состоянии содержать такое количество вооружённых сил, чтобы свести на нет эффект американского бряцанья оружием и в то же время выполнять свои пятилетние планы по восстановлению страны после войны и по дальнейшему развитию мирной промышленности и сельского хозяйства.

Государства Западной Европы, которые по сравнению с Советским Союзом подверглись значительно меньшим

разрушениям во время войны, теперь, как бедные родственники, ползут к США за «помощью» и принимают эту «помощь» на таких условиях, которые могут навеки подчинить их народы американской экономической эксплуатации. В это время Советский Союз идёт своим собственным, гордым и независимым путём, не только успешно разрешая свои собственные проблемы, но находя ресурсы и для оказания помощи своим союзникам, которые также избрали дорогу независимости от государственного департамента США.

В то время когда англичане и французы, как несчастные нищие, протягивают свои руки, прося милостыню у американского конгресса, русские быстро продвигаются вперёд с гордо поднятой головой.

Я всегда была таким человеком, который предпочитает голодать, но не стоять в очереди у чужой «суповой кухни». Я люблю советский народ и восхищаюсь его отвагой, независимостью и находчивостью. Он не только отказался принять «помощь» из-за границы на условиях, неприемлемых для свободных людей, но кормит и одевает себя лучше, чем менее гордые нации, которые согласились принять американскую подачку.

Прибыв в СССР, я увидела то, что при желании мог бы увидеть любой американец. Я увидела, что, несмотря на весьма серьёзные последствия войны, даже в 1946 г. советские люди получали большее количество пищи и вообще жили лучше, чем другие народы Европы. Я увидела, что они не голодают, все работают, имеют тёплую одежду и крышу над головой Я сама увидела, какие огромные усилия были направлены на строительство Москвы до войны. Я увидела, что эта большая, в прошлом широко раскинувшаяся деревня, состоявшая до революции из деревянных домов и улиц, вымощенных булыжником, превратилась в огромный современный город с великолепными бульварами и площадями, с высокими красивыми многоквартирными домами, с наиболее современным в мире метрополитеном и учебными заведениями, имеющими лаборатории, оборудованные по последнему слову техники.

Я увидела, что уже в 1946 г. был и достигнуты большие успехи по восстановлению страны после войны. Я увидела, как быстро растёт производство различных товаров, хотя Советский Союз восстанавливает своё хозяйство без какой бы то ни было внешней помощи. В 1946 г. я видела, с каким мужеством и верой в будущее советский народ встретил испытания невиданной засухи. Я видела, как осуществлялись надежды этих людей: промышленность и сельское хозяйство СССР шли вперёд такими темпами, какие не известны ни одной другой стране.

Я увидела, как в 1947 г. Советский Союз отменил карточную систему и в результате этого мероприятия стал единственным крупным государством в Европе, не имеющим системы рационирования, не имеющим «чёрных рынков» и обеспечивающим в достаточном количестве продовольствием весь народ.

Я вижу, как часто в Советском Союзе понижаются цены на все товары, в то время как во всех других странах мира они постоянно растут.

* * *

Я недавно посетила одну деревню недалеко от Москвы, в Истринском районе, которую немцы сожгли дотла. Когда немцы ушли, в деревне не осталось ни одного дома. Сейчас трудно найти следы разрушения. Вместо домов, уничтоженных во время войны, с помощью советского правительства построены новые дома, во многих случаях лучше прежних. Проезжая через украинские города, я видела, как быстро восстанавливается разрушенное. Во многих случаях жители в свободное время добровольно работают на различных стройках.

В Москве я каждый день вижу что-нибудь новое. Из окон моей квартиры я вижу, как улицы заливают асфальтом. По всему городу сажают деревья и создают новые парки. Недалеко от моего дома заканчивается строительство новой секции метро, которая, видимо, в этом году будет введена в строй.

Мои друзья сообщают мне, что в их квартирах провели газ и что они выбросили примусы и электрические плитки, которыми пользовались на протяжении многих лет. На моей улице строится новый многоквартирный дом, подобный десяткам других домов, строящихся в городе. Сотни семей скоро въедут в комфортабельные квартиры. По улице, где находится мой дом, проходят новые красивые автобусы. По шоссе всё в большем количестве движутся новые советские автомобили.

Я увидела явные признаки успешной реконверсии советской военной промышленности и переход её на производство товаров мирного времени. Советские автомобили, тракторы, новые локомотивы - всё это сделано на заводах, выпускавших во время войны танки, орудия и боеприпасы.

Я увидела, как быстро появляются в магазинах новые товары широкого потребления и какое большое внимание советское правительство уделяет мирной промышленности. Несколько месяцев назад я видела на Белорусском вокзале ветеранов войны, прибывавших из Германии, - парней, демобилизованных из Советской Армии.

Они возвращались на работу - на фабрики и в колхозы.

Многие из них готовились поступить на учёбу. Все они весело улыбались.

* * *

Мне говорили в посольстве и в государственном департаменте, что русские - «некультурные варвары», что они «не понимают западной цивилизации». Я убедилась в обратном. Не только интеллектуальное развитие русских людей, с которыми мне приходилось знакомиться, значительно выше, чем у среднего американца, но именно в Советском Союзе истинные сокровища западной цивилизации сохраняются и развиваются. Русские не только глубоко знают западное искусство, литературу, науки и культуру, но на протяжении многих веков они делали свои весьма ценные вклады в западную цивилизацию.

Эти вклады продолжаются во всё увеличивающихся размерах, и советские граждане своими глубокими знаниями и чувствами добавляют к западной цивилизации богатейшие ценности, берущие своё начало в великой уникальной цивилизации народов Советского Союза.

Именно в Советском Союзе в области искусства, литературы, музыки, архитектуры, философии и в других областях культуры интеллигенция отказалась слепо принять деградирующие стандарты, которые так модны в западноевропейских государствах и в Америке.

Только в Советском Союзе эти области человеческой культуры не находятся в тупике. Забота, которую проявляет Советский Союз в деле защиты классических сокровищ мировой культуры, лучше всего иллюстрируется недавней установкой коммунистической партии по вопросу о советской музыке. От композиторов требуется, чтобы они вернулись к традициям великих русских и западных композиторов и писали бы настоящую музыку, вместо того чтобы идти по пути формализма, который, в конце концов, может превратить их в композиторов, пишущих бессмысленную музыку, подобно какофонии Хиндемита.

Совершенно ясно, что если в мировой музыке появятся новые бетховены и чайковские, то можно быть уверенным в том, что они выйдут из рядов советских композиторов, а не из музыкального декадентства Америки, Англии и Франции.

Только в Советском Союзе массовые средства культурной пропаганды - пресса и радио - не используются для того, чтобы вдалбливать в головы слушателей и читателей эстетические стандарты культурных отбросов.

Нигде в мире радиопрограммы не находятся на таком высоком уровне, как в Советском Союзе. Когда я была прикована болезнью к постели, я слушала советское радио почти по 12 часов в день. Час за часом передавались отличные концерты, много интересных лекций, программы для колхозников, программы по просьбе детей, пьесы со сцен московских театров, оперетты из театра, где поёт мой муж.

В течение почти всего дня передаются 3 различные программы - и никакой рекламы, никакой дешёвой музыки, никто не пытается продать мне мыло, или жидкость от перхоти, или автомобиль «форд». Не было никакой сентиментальной запутанной драмы из семейной жизни. Не нужно было принимать таблетки от головной боли после 2 часов слушания радио, как это приходилось делать в Америке.

* * *

Естественно, что мои впечатления, которые я здесь изложила, охватывают лишь некоторые стороны жизни Советского Союза, с которыми я познакомилась за сравнительно короткий срок пребывания в СССР.

Я не претендую на звание «эксперта по России», как называют в Соединённых Штатах некоторых «знатоков» СССР. Я лишь простая американская женщина, которая приехала сюда, чтобы всё посмотреть своими глазами и познакомиться с советскими людьми. Я писала только о таких вещах, которые объективный американец или любой другой иностранец может наблюдать в Советском Союзе, причём не только наблюдать, но осознать и, если он имеет достаточно мужества, - обо всём этом написать.

Основное впечатление, вынесенное мною после сравнительно короткого пребывания в Советском Союзе, не относится к какой-либо отдельно взятой стороне жизни этой страны, а является общим для всех сторон жизни в Советском Союзе.

Я чувствую, что теперь живу в обществе, которое в неизмеримо большей мере опередило капиталистический строй, нежели капитализм некогда перегнал феодализм.

Я убедилась в том, что Советский Союз является новым типом общества, находящимся на заре своего развития, и что горизонты человеческого прогресса при социализме, совершенно очевидно, безграничны.

Нельзя отрицать того факта, что США пока производят больше автомобилей, чем Советский Союз.

Но неизмеримо более важным фактом является то, что Советский Союз развивается в культурном и экономическом отношении гораздо более ускоренными темпами, чем Соединённые Штаты развивались даже в самые лихорадочные годы капиталистического развития, в годы «бума».

Знаменательным фактом является также то, что Советский Союз - молодой, здоровый и энергичный организм - имеет врождённую способность двигаться вперёд и развиваться в то время, как США являются организмом запутанным, декадентским, политически гнилым, попавшими в руки лидеров, которые тянут страну к невиданной катастрофе, повторяя шаг за шагом ошибки Германии. Если их не остановить вовремя, то всё это может кончиться самоубийством для США.

Важнейшим фактом, наконец, является то, что в Советском Союзе каждый гражданин, независимо от своего положения в жизни, имеет возможность смотреть вперёд, в будущее, со спокойным и уверенным сознанием того, что с каждым годом он будет жить лучше и что он помогает создавать новую эру для человечества - эру, которую увидят его дети, а возможно, и он сам.

Как мать я смотрю вперёд, чтобы увидеть, в каком мире будет жить мой сын. Как мать я сознаю, что будущее принадлежит Советскому Союзу и что мой сын будет жить более яркой, более полной жизнью, чем он мог бы жить где бы то ни было в другом месте мира. Я знаю, что в Советском Союзе он вырастет и получит наилучшее образование и что ему не придётся бороться за это образование так, как делала это я. Ему не придётся бесконечно шагать по улицам в поисках работы, короли вооружения и нефтяные монополисты не сделают из моего сына пушечного мяса. Как и его советские сограждане, мой сын будет свободным человеком, участником величайшего движения вперёд, когда-либо предпринимавшегося человечеством.

Я счастлива, что я здесь и что мой сын родился в Советском Союзе, получив в наследство все сокровища, о которых я

писала. Я высоко ценю советское гостеприимство, так щедро предоставленное мне, и благодарна не только за себя, но ещё больше за сына.

Оглавление

АННАБЕЛА БЮКАР, РАЛЬФ ПАРКЕР. ПОДЛОСТЬ СОЮЗНИКОВ. КАК ЗАПАД ПРЕДАВАЛ СТАЛИНА.....1
РАЛЬФ ПАРКЕР. ПОДЛОСТЬ СОЮЗНИКОВ.....1
Вместо предисловия.....1
Предательство в Мюнхене.....5
Тайная дипломатия на Балканах.....12
В Советском Союзе в годы войны.....20
За спиной русских. Какой была «верность» союзников.....27
Англо-американская политика на освобождённых территориях...43
Англо-американская дипломатия в СССР после войны.....56
АННАБЕЛА БЮКАР. ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.....82
Моя работа в разведке.....82
Антисоветская клика государственного департамента.....86
Моя поездка в Москву.....103
Разведывательная работа американского посольства.....115
Информационно-пропагандистская служба Соединённых Штатов
.....124
Спекулянты из американского посольства.....137
Мои впечатления о Советском Союзе.....144